

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ СЕГОДНЯ

РОССИЙСКИЙ КРЕСТЬЯНСКИЙ ДВОР

В.Г.Виноградский

Данный текст достаточно специфичен. Это - не научная статья и не публицистический очерк. Это и не зарисовки с натуры. Автор предпринимает здесь попытку элементарной, по возможности добросовестной систематизации крестьянских "голосов снизу". Иначе говоря, основное содержание данного текста - это проблемно-ориентированное цитирование отрывков из громадного массива крестьянских устных рассказов, записанных в ходе трехлетней социологической экспедиции, снаряженной профессором Теодором Шаниным в начале 1991 года.

Автор снабдил эти выписки минимальным собственным комментарием, так как сами по себе крестьянские воспоминания, суждения и рассказы о деревенской жизни весьма выразительны и информативны. Из подготовленного пятисотстраничного текста для публикации выбрано лишь два раздела - об эволюции материально-технической оснащенности крестьянского семейного хозяйства и о взаимоотношениях крестьянских дворов.

I. ЭВОЛЮЦИЯ ПОВСЕДНЕВНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

Обоснование периодизации

Исторические рамки, в границах которых в данном преданалитическом тексте рассматриваются формы изменения повседневного существования крестьянского семейного двора, достаточно широки. Самые ранние сведения, записанные в социологическом "поле" от крестьян, относятся к началу

XX века.

Время, когда была зафиксирована последняя беседа, в которой крестьяне рассказывают и размышляют о собственной жизни, - начало 1994 года. Таким образом, перед нами почти столетняя история различного рода сельских трансформаций, в том числе - история форм и способов повседневного существования крестьянского двора.

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

Как ее хронологически структурировать? Исходя из целей социологического исследовательского проекта и понимания специфичности собранных материалов, периодизация истории российского крестьянского двора может быть построена, как мне кажется, с точки зрения двух основных проекций.

Во-первых, с точки зрения смены таких этапов истории государства, которые более или менее заметно повлияли на эволюцию крестьянского двора и превратили его в то, чем он сегодня стал. То есть это подход как бы "снаружи". Во-вторых, хронология двора может быть построена "изнутри" - с точки зрения смены крестьянских поколений, каждое из которых, наследуя опыт предков и действуя на свой лад, сообщало двору некие особые характеристики.

Разумеется, оба эти подхода тесно взаимосвязаны, взаимообусловлены. Однако их аналитическое различие может, как мне представляется, зафиксировать как моменты соответствия "большой" (общественной) и "малой" (крестьянской) истории, так и случаи несовпадения и разрыва между действиями властей, стремящихся как-то изменить сельский мир, и ответом на это повседневной крестьянской практики, реализуемой, по крайней мере, тремя последними крестьянскими поколениями ("дедами", "отцами" и "сыновьями").

Наложение же друг на друга этих двух проекций дает возможность выделить в эволюции крестьянского двора в России следующие четыре этапа. Причем три первых примерно равновелики по времени - по тридцать лет каждый. Последний, четвертый этап, только начался.

Первый этап: 1900-годы XX века - конец 1920-х годов.

Этот период определяется существованием и эволюцией традиционного общинно-единоличного двора. Основными хозяевами последнего были деды и, в определенной мере, идущие им на смену отцы наших сельских респондентов.

Назовем семейное хозяйство этого времени "доколхозный двор".

Второй этап: начало 1930-х годов - конец 1950-х годов.

Этот период определяется существованием и эволюцией части крестьянских дворов (в основном, бедных и середняцких), которые оказались в резко изменившихся (в связи с возникновением колхозов) организационно-экономических условиях. Основными хозяевами двора были отцы наших респондентов и, к концу данного этапа, - сами респонденты.

Краткое обозначение двора этого времени - "раннеколхозный двор".

Третий этап: начало 1960-х годов - 1990-й год.

Этот период определяется существованием и эволюцией крестьянского двора в условиях очередной (хотя и более "мягкой" по сравнению с началом 1930-х годов) реорганизацией аграрной сферы (укрупнение хозяйств, сселение мелких деревень, ликвидация "неперспективов"). Основными хозяевами двора здесь являются сами информанты и постепенно, в течение последних 10-15-ти лет занимающие их место дети.

Краткое обозначение - "позднеколхозный двор".

Четвертый этап: начало 1991 года - настоящее время.

Этот новейший период существования крестьянского двора определяется все более заметными, но пока еще не совсем ясными и систематическими процессами изменения повседневной сельской жизни, начавшимися под влиянием реформирования социально-экономической государственной системы.

Основными субъектами современной жизни двора являются дети информантов и их подростские внуки. Сами информанты выступают нынче по преимуществу в качестве наблюдателей и, как мне не раз приходилось в этом убеждаться, суровых судей происходящих на их глазах перемен.

Краткая формула - "новейший двор".

Определение базового понятия и аналитической стратегии

Вслед за Теодором Шаниным я буду понимать крестьянское семейное хозяйство (крестьянский двор) в качестве основной многомерной единицы социальной организации крестьянства. (См.: Теодор Шанин. Понятие крестьянства. - Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. - М., "Прогресс-Академия", 1992, стр. 11).

Основные функции крестьянского двора - обеспечить выживание и воспроизводство членов крестьянской семьи, передать следующему поколению социально и регионально детерминированную норму собственности, выполнить ряд обязательств по отношению к экономическим и политическим властям, сохранить и по возможности повысить внутридеревенскую репутацию (престиж) данного крестьянского рода.

Такое определение ухватывает сущностные черты крестьянства вообще и крестьянского семейного хозяйства как центральной единицы аграрной социальной организации. И, как всякая дефиниция, это определение характеризует преимущественно "среднюю линию", инвариант возможных измерений крестьянского двора.

Но, судя по крестьянским рассказам и оценкам, а также собственным впечатлениям, есть двор и двор. Даже в пределах одной деревенской улицы неповторимость каждой семейной единицы - налицо. Причем можно говорить не только о различии социально-культурных и социально-психологических деталей повседневной крестьянской практики, но и о несхожести неких основных принципов выживания той или иной семейной структуры. Данные принципы систематически реализуются в повседневном существовании двора, в его актуальных действиях. При этом формы и стереотипы крестьянской социально-экономической тактики раскрываются как некие привычные, повторяющиеся, из сезона в сезон возобновляющиеся ходы, - каждый двор имеет свою жизненную "ухватку" и этим-то прежде всего и известен среди односельчан.

Исходя из этого, формулирование различных правил выживания двора, использования крестьянским семейным хозяйством доступных ему ресурсов требует подробнейшего анализа крестьянской повседневности, детально зафиксированной во всех материалах проекта и, прежде всего, в текстах устных семейных историй.

Однако не менее плодотворен, как мне кажется, дополнительный аналитический путь - изучение того, каким образом крестьянские дворы представляют себе более или менее длинный план собственной жизнедеятельности и, что особенно важно и интересно, фигурирует ли в этих планах некая необычность и новизна, корректирующая привычный крестьянский опыт существования. Поэтому в анализе эволюции двора важно не только видеть систему совершаемых и возобновляемых социально-экономических и иных действий, но и понимать схему намерений, замыслов, жизненных планов и мечтаний. Нужно одновременно видеть и структуры повседневности крестьянского семейного двора, и моменты "взламывания", изменения данных структур (воплощаемые как в реальных действиях, так и системе представлений о желаемом будущем).

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

Необходимость подобного двойного подхода к формированию аналитической стратегии диктуется, как мне представляется, еще и тем, что крестьянский двор начал заметно (особенно в последние три-четыре года) меняться под влиянием, с одной стороны, новых социально-политических условий и, с другой стороны, отвечая изменениям внутренней логики его собственной эволюции.

В определенном смысле можно утверждать, что нынешний крестьянский двор непредсказуем (был ли он таким и раньше, я пока не знаю). А это, на мой взгляд, свидетельствует о заключенной в этой семейной хозяйственной и социально-культурной единице энергии выживания, систематически и в разных формах преодолевающей давление внешних обстоятельств.

КАЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОСНАЩЕННОСТИ ДВОРА (двор как "инструмент выживания")

В этом разделе я хочу коснуться темы, которая, с одной стороны, может быть освещена путем элементарной систематизации сведений о крестьянском дворе как некоем материально-вещественном образовании, о хозяйственном инструменте, который можно увидеть и "пощупать".

Именно с этой точки зрения я начал выписывать цитаты из устных семейных историй. Но очень скоро убедился, что крестьяне, рассказывая о материально-вещественной оснащнности двора, часто упоминают о том, как разного рода дворовые ресурсы применялись и использовались. Они говорили, в сущности, о различных формах и способах употребления "дворового инструментария". Формах и способах не только чисто технологических, но и связанных с человеческими качествами хозяев и членов двора: с их упорством или леностью, с их расчетливостью или бесхозяйственностью, с их предусмотрительностью или беззаботностью.

Известна расхожая поговорка: "Сделаю, как Бог на душу положит". В ней как раз и заключено представление о том, что даже одну и ту же работу разные люди способны сделать по-разному. И дело здесь не только в профессионально-технологических способностях человека, но и в его рвении, усердии, тщательности, чувстве красоты или, наоборот, - в лени, равнодушии, косорукости и т.п.

Короче говоря, каждый крестьянский двор отличается собственной профессионально-трудовой и человеческой "ухваткой", как выражается народ. Эта "ухватка" неодинакова у разных дворов. Рассмотренная систематически, в различных ее проявлениях и на разных исторических этапах, она может дать нам важное знание о направлениях эволюции повседневного крестьянского существования.

Добавлю, что оснащение семейного двора понимается в этом разделе текста не только как сумма вещей и инструментов искусственного происхождения, приписанных к крестьянскому двору как его имущество, но и как его природное (биосферно-экологическое) оснащение. Здесь имеется в виду тот комплекс региональных естественных ресурсов и возможностей, который был дан каждому двору и деревне в целом как общее достояние, и который использовался каждым двором в соответствии со своими правилами, традициями и "ухватками".

Доколхозный двор

Существо ситуации, характеризующей состояние материально-вещественного оснащения доколхозного крестьянского двора, а также различных (технологических и личностных) способов использования этого оснащения достаточно выразительно схвачено в высказывании 88-летнего В.И.Воротникова, который прекрасно помнит практику единоличного хозяйствования.

"- Ну, труд какой наш был?.. С начала лета и до самого, понимаешь, конца - все время работа. Мое это хозяйство-то!! Личное! Только оно мне дает жизни-то. Вот такая вещь... И я должен найти средства всякие, чтобы она, земля-то, меня прокормила. Вот чего! Больше-то у меня доходов нет. Никаких." (Поволжье. Тепловка Саратовской области. Воротников)

И эта ответственность определяла практические действия крестьянина, который и формировал собственную дворовую инфраструктуру, и каждодневно применял ее как инструмент выживания.

Состояние материально-вещественной оснащенности двора

Рассказывая об оборудованности доколхозного крестьянского двора, респонденты часто упоминают о соответствующих качествах деревни. И это понятно: двор на свой манер воспроизводил установившиеся в той или иной деревне порядки и нормы, касающиеся оснащенности хозяйства, был ее своеобразной микрокопией.

"- Каждая деревня была огорожена, чтобы скот не ходил по деревне. В ограде - ворота, они назывались "мирскими". Все ворота закрыты. Не пускали, пока не дашь выкупа - денег или бутылку. У дома жениха - опять все перегороджено - жердями на подпорках." (Нечерноземье, Городня Тверской области. Басукинский)

"- У вас свое место на кладбище?

- Да у всех есть место! Скажут: тут кладбище таких-то. По родам было." (Север, Кобелево Архангельской области. Чемакина)

"- Раньше принято было, что жили одной семьей - из разных поколений: и зятя, и невестки, и девери-шурины - все вместе, под одной крышей. Федор тоже так хотел. Жили в одном доме, а второй был "гостевой" - когда родня на праздники приезжала." (Нечерноземье, Сиговка Тверской области. Клеткин)

"- В Горбове все сеяли лен, ткали точку, это такая тонкая ткань, половики. Делали сохи - каждая семья для себя. Там два лемеха - просто. Плуг-то надо ковать. А здесь оденешь на соху лемеха - и все." (Нечерноземье, Сиговка Тверской области. Терентьева)

"- Ведь раньше в деревне была система водоснабжения, - у каждого дома был свой колодец. Каждый и следил за ним, за своим. И были общинные колодцы. Их сообща ремонтировали. А сейчас нет такого." (Север, Кобелево Архангельской области. Воронин)

При систематизации интересующих нас сведений о доколхозном дворе бросается в глаза то, что респонденты рассказывают не только о "внутреннем оснащении" семейного крестьянского хозяйства (о том, что находится внутри избы), но и много внимания уделяют, так сказать, "наружному" оснащению двора. И это естественно: физические и материально-вещественные масштабы крестьянского двора значительно крупнее, чем размеры дома, где живет семья. Об этом хорошо сказал И.Д.Меркулов.

"- В деревне как? То в избы, то из избы... И бегаешь! Одной избой-то в деревне разве проживешь? Все время ко двору надо выходить. Твое - хозяйство-то! Оно - гора-а-аздо шире избы..." (Поволжье, Тепловка Саратовской области. Меркулов)

Средний доколхозный крестьянский двор, с точки зрения его оснащенности, был устроен в форме простейшего, но достаточно надежного инструмента самостоятельного хозяйствования. Обращает на себя внимание отсутствие разного рода деталей, элементов специального назначения, которыми необходимо пользоваться

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

эпизодически (например, отдельно стоящих отхожих мест, мест для просушки овощей, коптилен и т.п.). Одна и та же хозяйственная постройка имела, как правило, многофункциональное назначение.

"- Хозяйство у нас было большое: лошадей 5-6, коров 4-5, овец до 30. Это еще когда все вместе жили. Из построек баня была, амбарушка для хлеба, амбар для скота. Сарай не теплые были, так, - скоту от ветра спрятаться. Колодец был общий по улице. А зимой на речку ходили за водой и скот туда гоняли на водопой." (Сибирь, Плотниково Новосибирской области. Логинова)

"Когда Гамзины приехали в Александровку, то поселились на улице Солонцы. Место под усадьбу выделил староста в порядке заселения улиц. "Построили небольшую хатенку, пригон для скота, амбар, баню. Строили сами. В хате ничего не было, одни стены. Удобств никаких не было. Воду брали из колодца "журавль". Рядом с хатой был огород. Туалетом был пригон для скота." (Сибирь, Александровка Алтайского края. Гамзин)

"- Амбары у каждого свои, а гумна, овины до колхозов тоже у каждого свои были?"

- Да, у каждого свои были. Мало у кого не было. Овин - это как изба, печка поставлена. И печка тепло нагоняет. Снопы насажены на жерди. Жердей наделано. Они не убирались. Истопят, насадят и сушат. Гумно вместе с овином под одной крышей. Это большая площадка. Пол набивают глиной. Набют плотный, хороший и на нем молотили." (Север, Красное Архангельской области. Попов)

"Рядом с домом строили хозяйственные постройки. Их число, строительный материал определялись достатком семьи. Хозяйственные постройки включали амбар для хранения зерна, мяса зимой, мелкого сельхозинвентаря, упряжи. Амбаров было от 1 и больше. Был пригон для скота и птицы - один или два. Если пригоны были не утепленные, то зимой появившийся приплод держали в доме. Бани были почти у всех. Но некоторые переселенцы, сохраняя обычаи западных губерний, парились в печах. "Потом все стали мыться в банях." (Сибирь, Александровка Алтайского края. Бикетов)

Дворы побогаче заботились о таких качествах оснащенности, как внешний вид ("приглядность") и относительные удобства - как для людей, так и для дворовой скотины.

Внутренняя оснащенность двора (дома) также была предельно элементарной. Крестьянский дом, как вспоминают информанты, был прежде всего местом для отдыха и приготовления пищи. И только в Южной России кухню обычно выносили из избы, строя для нее отдельное помещение. Но и там крестьяне спали.

"- Тады не такие кухни были, а порой больше хат. В одной комнате жило человек пять или шесть. И молодые, и старые. А что ж, конечно. Вот так же перегороджено. Солому принесут, настелют и спят. Ведь пола же не було - земля. Як утро - погоняют детей, солому уносят, все подмели и так каждый день. Да, не дай Бог!" (Юг, Б.Таловая Ростовской области. Скамаха)

Забота о внутреннем убранстве доколхозного семейного дома была минимальной - поддержание чистоты. Но это был продолжительный и в своем роде торжественный ритуал.

"- По весне в деревне обычно мыли избы. Тогда избы изнутри ничем не обивали, обоями не обклеивали, все было деревянное. Пол некрашенный, потолки, стены мыли с дресвой и щелоком. (Дресва - это разрушившийся камень из печки в русской бане, а щелок - печная зола, заваренная кипятком). Галина Максимовна говорит: "Вымоешь, оно свежее, пахнет-то вкусно! До чего хорошо!". (Север, Леонтьевщина Вологодской области. Щербакова)

Особый сюжет в рассказах об оснащенности двора - "инструментарий" для приготовления горячей пищи, который служил одновременно и средством отопления. В этом смысле знаменитая русская печь была одним из шедевров крестьянской

МИР РОССИИ. 1996. №3

изобретательности, универсальной инфраструктурой жилища, безусловным центром дома и двора. Были и другие хитрые (а на самом деле - весьма простые) приспособления, о которых вспоминают деревенские старики.

"- У нас сейчас духовка, а тогда русские печи-то были. А к русской делали барабанку небольшую, из жести. Потом сделают "чумалик" - труба железная - подтапливают. В русской печи ямочка небольшая - хозяйка выгребет, уголь сметет в ямочку (к одной стороне), чтобы можно было чисто печь хлеб, готовить. Здесь она суп поставит - и целый день суп горячий, а здесь - хлеб печется.

Хлеб пекли не каждый день. Сварить суп - подтапливали немного. Барабанка небольшая - куда поставишь? А когда русскую печь растопят, можно залезть, полежать - она теплая, горячая. Топили только утром. Потом русские печи ликвидировали, понаделали духовки эти.

- Хочется сейчас русскую печьку?

- Да, хорошая была. Маленькие были - хорошо на ней было, тепло, спали мы там." (Сибирь, Шабаново Кемеровской области. Шабанов)

"Изба наша была 4 окна по фасаду и 2 - по бокам. Была кухня, чулан, русская печка, рядом - полати. Рядом мать готовила еду. Если щи сварили, их ставили в печку и они целый день были теплые. Молоко держали в подполе, а летом - в подклети. Там был специальный шкафчик с дырочками, его ставили на сквозняке, и даже в самое жаркое лето молоко не скисало, его можно было на прохладе хранить хоть несколько дней. Спальня была 9 на 10 аршин.

В сених - кладовка, еще была горница - для того, чтобы спать летом. Там стояли сундуки с одеждой, хранились всякие вещи. Летом во дворе держали скот. Был еще и омшаник - для кур, поросят, овец - там тепло было даже в мороз. Печка - кирпичная. Был еще и амбар для ржи, чечевицы, мякны. Два сарая - их специально ставили не у дома, чтобы не сгорел, если вдруг сено загорится." (Нечерноземье, Городня Тверской области. Басукинский)

Ключевой фрагмент оснащения двора - это средства производства и переработки сельскохозяйственной продукции, а также обслуживания и ремонта дворовых "инструментов выживания". Точнее, это даже не фрагмент, а фундамент семейного крестьянского хозяйства. Обычно информация об этих элементах оснащения доколхозного двора поступает от респондентов в специфическом контексте - как воспоминания об утраченном и отнятом во время коллективизации. Поэтому рассказы на эту тему почти всегда окрашены напряженными эмоциями. Но крестьяне, на мой взгляд, часто преувеличивают значимость и качества былой оснащенности единоличного двора. Я выбрал более или менее нейтральные высказывания на эту тему.

"- Да, конечно, когда в колхоз объединились, никакого рабочего скота уже не держали. Это все болезненно было, когда отняли у крестьянина лошадь." (Сибирь, Шабаново Кемеровской области. Рудаков)

"- У отца до коллективизации была кузница. Но после создания колхоза он уже в кузнице не работал. Кузнецов объединили, и в центре села была колхозная кузня. Отец в своей кузнице лемеха клепал - самая тяжелая работа. Электричества не было - я горн раздувал. Делал не только для себя, но и для соседей. Все же пахали, а кузня была не в каждом дворе. У каждого был конный плуг, его каждый год нужно отбивать. Снашивается, его отклепают. Для сенокоса - у кого литовка порвалась, у кого - деркач (штунт)." (Сибирь, Шабаново Кемеровской области. Рудаков)

Но когда речь заходит о том оборудовании двора, которое перешло из крестьянского хозяйства в колхоз на правах средств производства, воспоминания становятся более подробными, развернутыми и не столь негативно-эмоциональными: оснащение двора не исчезло, а продолжало служить. И использовали его бывшие единоличники, вступившие в колхоз.

"- А что нужно крестьянину, чтобы он мог работать индивидуально, как встарь?

- Ну, надо лошадей обязательно. Сбрую... Инвентарь: плуг, бороны, сеялку. Вот, помню, как у нас артель организовалась в 1924 году. После отца у нас осталась жнейка-сноповязалка. Вот сколько

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

она стояла, не работала - двенадцать, считай, лет. А брательник взялся ее восстановить. Она у нас середь улицы прямо стояла...

Ну и восстановил ее брательник! Собрались они - два дяди, брательник, товарищи. Заложили в эту сноповязалку пятерку лошадей - и ка-ак пошел! Все только глаза вытаращили! Как начал он снопами устилать поле, как начал! Только держись...

Жнитво кончили, а рядом тут, у соседей, - молотилка-шестиконка была. Оне к нему, к брательнику: "Петро, пойдем к нам мастером..." И всей семьей, - у кого кто есть, собрались. Наладил он молотилку и поставил всех молотить. Гумна были рядом, пять-шесть дворов собираются и пошли - молотят молотилкой.

А уж потом каждый свое отвеивать примется. О-о, отвеивать-то - колкая работа! Солома-то вся перемятая, перетолченная. Но зато - быстро... Пара-тройка дней прошла - все обмолотились. Теперича давайте зерно свое выручать! Вот так вот было... Конечно, намаешься, но вот оно - зерно-то твое. О-о, в это время молотилка-то, едри твою мать, гудит! Только покрикивают: "Давай, давай! Подавай!.."

Вот и артели: они бы сами по себе создались! Ведь округ машины, интересно всем, подзараживает... Не то, что колхозы строили - насилкой. Тут-то без насилия все сделано было, - свободно." (Поволжье. Тепловка Саратовской области. Меркулов)

Респонденты много рассказывают о биосферно-экологической оснащенности двора и различных - производственных и бытовых - способах взаимодействия с природой. И опять в воспоминаниях крестьян - сожаление об утраченных свойствах деревенской природы, о разрушенных механизмах регулирования отношений крестьянства к земле. Природа была для двора не только объектом его повседневной работы. Природа была как бы "крупногабаритным инструментом" двора и даже (как конь в воспоминаниях Пелагеи Чемакиной - см. ниже) - полноправным членом крестьянского семейного хозяйства.

"- Как происходил раздел земли?

- У моего отца было 18 десятин. Душевой земли было 6 десятин, ее делили каждые 12 лет. Я только родился, а землю уже поделили. Я 12 лет земли не получал. А когда передел был, то меня включили. Делали жеребья. Перемеряют все земли и начинают делить с конца. Трясут в шапке, вынают: "Вот, Матасов, Иван Дорофеевич", - отмеряют ему норму и дальше идут.

Эта земля, на которой ты был, тебе больше не попадает. Каждый хозяин там, где солонец, удобряет землю, вносит навоз, перегной. Дает ей повышенный урожай, чтобы доход был. Где овражек размывает, там он укрепит землю. А сейчас в колхозе - овраг на овраге." (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Матасов)

"- В Семерихино и округе было очень красиво. Об этом заботились жители. Деревня была чистая, ухоженная, вдоль нее - липовая, с другой стороны - еловая аллея; много сирени было, цветов. Красота такая, что глаз не отвести. Люди жили как в раю; да, это был настоящий рай и лад. Теперь один бурьян, все искарежено, вам такой красоты и не увидеть." (Нечерноземье, Семерихино Тверской области. Колосова)

"- А какое хозяйство было у бабушки?

- Корова одна была, одна лошадь. Рыжка был, эх, какой конь хороший был! Он, бывало, летом, как отпустят, - он все ходил под окошко. Он придет да заржет, просит хлеба. Хлеба давали, приучен был. "Опять Рыжушко пришел, ну-ко, на-ко опять хошь кусочки!" Придет как: ржет, ржет, - так поневоле вынесешь куски-то." (Север, Леонтьевщина Вологодской области. Чемакина)

**Формы и способы использования
дворового оснащения**

Как использовалось единоличными крестьянами оснащение их семейного хозяйства? Какие социально-экономические и морально-психологические привычки обнаруживаются в повседневных действиях крестьянского двора?

Информация по этим вопросам достаточно разнообразна. Начну ее суммирование с общеизвестных фактов, значение которых, замечу, несколько преувеличено и мифологизировано в нынешнем общественном мнении. Речь идет вот о чем. Многие респонденты так или иначе говорят о своей особой привязанности к крестьян-

МИР РОССИИ. 1996. N3

ским занятиям, о любви к земле и своему хозяйству. По их словам, ради возможности общаться с землей они готовы пожертвовать многим.

"- Он (брат) грамотный был, до капитана дослужился. Пенсию большую получает... Он меня звал в Саратов шофером работать. И квартира была бы. Но я не поехала.

- А чего же Вы, Любовь Ивановна, не поехали-то?

- Люблю землю!.. Я даже вот зимой,- сплю ночью, а во сне копаю. Видишь, руки у меня какие?!.. У меня ведь здесь огород и там вон огород..." (Поволжье, Красная Речка Саратовской области Шишкина)

"- Я в городе не могу жить!.. Люблю землю. Вот через это мы сюда и попали. Мы оба с мужем к земле приросли. Для себя у нас было 22 сотки огорода около дома. Да еще за домом смородина была... Вот так копались и жили. А кабы не эта смородина - где бы мы за дом расплатились?..

- А что это значит - любить землю?

- Ну, это - для себя... По-моему, так. Я не знаю..." (Поволжье, Лох Саратовской области Протасова)

Но, обратите внимание, это говорят наши современники. И говорят они о себе, а не о доколхозном дворе, не о своих отцах и дедах. Я привел эти фрагменты из бесед с крестьянами потому, что распространенное мнение о вечном и безусловном душевном единстве крестьянина и земли и их взаимной любви вполне может оказаться самообманом и ошибкой. И если такое одностороннее мнение кладется, скажем, в основу некоторых политических акций, можно сильно просчитаться.

На мой взгляд, реальная картина повседневной практики двора (и сейчас, и раньше) гораздо сложнее и никак не резюмируется в любви к земле "от восхода до заката". Крестьянская любовь к земле - только одна сторона правды. Подчеркнутая нашими информантками любовь к земле - это, возможно, реакция на нелюбовь к земле и крестьянам, нередко прочитываемая в нынешних действиях современного чиновничества.

Вернемся к доколхозному двору. Судя по крестьянским воспоминаниям, ради интенсивного использования ресурсов двора, его материально-вещественного и трудового оснащения хозяин не жалел ничего, в том числе и подрастающее поколение, очень рано и всесторонне включая его в дворовую работу.

Много и интенсивно работали все члены доколхозного двора. Но здесь, как я понимаю, в основе лежала не одна только привязанность и любовь к земле, а, скорее, нужда или, мягче выражаясь, экономические соображения. Двор стремился реализовать все доступные его силам возможности. Ради этого - постоянная самоэксплуатация, жесткая экономия времени, подчеркнутая бережливость.

"- Мы ходили поливать вон куды - за саратовский мост, где сейчас коров колхозных доят. Там у нас тогда были огороды. Я побольше была, а сестра моя, Манька - поменьше. Жили мы в Курмыше, а туда ходили поливать. Каждый день почти, пешком... А оттоль идем - а там гора была крутая, огороды были в котловине - щавелю наберем. Пойдем с ведрами - у сестры было маленькое ведерко, а я уж с большим, поливать-то. А оттоль идем - щавелю нарвем. Все причучали нас!" (Поволжье, Лох Саратовской области. Симакина)

Сюда же можно отнести и такую сторону "невещественной оснащенности" двора как боязнь риска, привязанность к проверенным и традиционным технологиям. Пресловутый консерватизм доколхозного двора диктовался не "замшелостью" и необразованностью крестьянина, а его инстинктивным нежеланием рисковать и экспериментировать.

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

"- А если Вы, допустим, шли на риск, - на хозяйственный, на технологический, - вы чаще выигрывали или проигрывали?"

- Да нет, в таких случаях больше, понимаешь, стараешься делать все по технологии, которая выработанная. Чтоб заранее знал, как и что... И даже имешь календарь специальный, где показано, - если на этот день, - сегодня, скажем, - ясно, то через столько-то дней будет, значит, другая вещь... Это все тоже изучаешь. Применяешься к природе...

Ничего тут, понимаешь, такого нет, что бы ты хотел делать сверхъестественное и необдуманное. Идешь на риск с таким мнением, желанием, чтобы оно... выиграть. Оправданный риск! Делаешь - не шала-вала..." (Поволжье, Тепловка Саратовской области. Воротников)

"- Отец и братовья и все вокруг все знали по крестьянству: когда сеять, когда убирать и как убирать. Например, гречиху и просо надо бышо только по утрам косить, по росе. В жару нельзя было. Хлеб очень берегли. На телеге всегда палатка была, ни одного зернышка не теряли." (Сибирь, Плотникове Новосибирской области. Логинова)

"- Порядок в деревне был. Позже не выйдешь на сев или боронование, раньше - тоже не выйдешь. Все вместе! На свою полоску на луга на лошади ездить запрещалось, пока сено не подсохнет. Когда сено подсохнет, раза два или три поворошат, потом открываются мирские ворота, полусухое сено везут в сарай. Если сильный ветер, то топить ригу или овин запрещалось. Ходил селяцкий и предупреждал. Все делали по звоночку." (Нечерноземье, Городня Тверской области. Басукинский)

От форм трудолюбия и предусмотрительности в использовании оснащения доколхозного двора перейдем к систематизации информации о формах лености и беззаботности. Респонденты не забывают сказать и об этой стороне повседневного крестьянского существования. Забегая вперед, предположу, что крестьянская лень и безалаберность определялись, возможно, невысоким уровнем оснащенности двора: лентяями были, как вспоминают информанты, преимущественно члены бедняцких семейных хозяйств. Однако записанный на Юге рассказ О.Литвиновой (см. ниже) не вмещается в это предположение. Может быть, существуют региональные различия на этот счет? В дальнейшем изложении я попытаюсь рассмотреть эти факты в региональном аспекте.

"- Были люди такие, - они не старались потеть, не старались огороды обработать. Это опять же те, которые в Курмыше жили. Но мало их было! А большинство старалось, - единолично когда жили. Это позор, когда ничего не приобретешь! Когда ничего не соберешь, не промыслишь..."

- А помните ли Вы кого-нибудь из бедных? Какие они были?

- Да кто их знает!.. Мы ведь их не касались, они в нашем конце не жили. Они-то - в Курмыше жили, в Нетужилровке. Но там их немного бышо, бедных-то. Дворов шесть всего, не больше...

- Ну и что, - они хорошие были люди?

- Да Бог их знает! Они к нам не касались, и мы к ним не касались. И какая их была жизнь между себя и как они с людьми обращались - не знай!.. Ну, жили они как-то так... В общем, не стремились ни к чему. Да... Не стремились! Они в карты играли, в "очко", пели - все это было! Все было у них... А вот в Сибири-то не бышо такого. И в Улице - тут вот, у нас, - тоже такого не было." (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Самохвалова)

«

"- Это родители, наверное, воспитали в вас такое правило: "Трудись и будешь богатым?"

- Нет! Нет!... Ты знаешь, Валерька, - это природа! Трудолюбимая природа. Я думаю, что это от природы. Погляди вот, - родители плохо жили, и дети сейчас так же живут.

Возьми, вот, Саню Гришина. У них была избенка о трех ножках. Они ни огород свой не обрабатывали, ни посев свой не обрабатывали. Ничаво... А были они тоже многодетные. У них бышо четыре дочери, сын был. А они жили так бедно!.. Сноху взяли, ее выгоняли, дети на печи кричали... Там казнь, - вот чего там было!

Я к ним ходила, - она иконы тогда убирала. И в передней избе у них я три раза, наверное, убирала. Я приду, погляжу-погляжу, - ой, ой, ой! Ой, как живут!

А избенка? Входишь, а у ней все развалено, потолок висит... Казня, а не дом! И вот сейчас их дети тоже так же продолжают жить... Это, Валерька, природа! И еще чего-то - не знаю..." (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Тырышкина)

"- А работники они какие, - казаки?"

МИР РОССИИ. 1996. N3

- Вот раньше как было: казаки в орла играли, а казачки, ихние жинки, на мельницу ездили. Накладут мешков, - на быках тогда ж все было. Едет, сидит сверху и чулок вяжет: чтобы и чулок связать и муки намолотить.

Мало, мало было среди казаков таких, чтобы они были работники хорошие. Они - то на кулачках драться пойдут, то в орла играют... Но были и трудовые казаки. Всякие были..." (Юг, Атамановка Волгоградской области. Литвинова)

Еще одна черта в использовании оснащения доколхозного семейного хозяйства - это постоянная охрана его от злых сил, своеобразная "закрытость" двора. Конечно, этот обычай несколько отдает язычеством. Но правило - не оставлять дом и двор без присмотра даже в самую горячую пору, когда каждый работник на счету, - было, вероятно, устойчивым в некоторых регионах России.

"- От полудниц-то раньше дома у нас ставни делали, чтоб не залезали полудницы в окна, как темно наступает! Раньше во время страды мужчина из деревни не выходил. Дежурил. От этих полудниц-то! Раньше изба у нас большая была, трехстенок, окошки-то, - во! Рамки какие были! И на ночь закрывались, ставни были. А они, полудницы, чарапают, ходят. Они, если ты из дому уйдешь, весь хлеб унесут." (Север, Леонтьевщина Вологодской области. Богданов)

Противоположная форма - "открытость" крестьянского двора, полное доверие к односельчанам (никто без хозяев в дом не войдет) и к посторонним (всегда пускали переночевать и кормили странников).

"- Был порядок. Такой был порядок, - и не именно у них, у наших. Вот, пошлют тебя к соседу. Придешь, а у них на палочку пробой закрыт. А не просто накинута. Ну, мы сразу понимаем - э-э, это она далеко ушла!.. Мы замки-то тогда не знали! У нас не замыкалось сроду! Ничего не у кого не воровали. Воровства никакого не было!.." (Юг, Атамановка Волгоградской области. Шаронова)

"- Обычно в деревне раньше прохожий идет и переночевать заходит в самую крайнюю избенку: "Пустите переночевать". - "Ну что ж, садись, позднее время". Сейчас вряд ли кто осмелится впустить незнакомого человека.

- А тогда не боялись?

- Не боялись как-то, и сочувствие, и взаимопонимание было. Приходит, попросился - буран, сильные морозы... Мать чай поставит, картошки наварит. Человек переночует, утром пошел дальше." (Сибирь, Шабаново Кемеровской области. Рудаков)

Скупость и расчетливость, извлечение пользы даже из жизненных мелочей также были обычными, - и не самыми плохими, по мнению большинства информантов, - формами ведения доколхозного крестьянского хозяйства. В самом деле, незаметно, чтобы респонденты, рассказывая об этих сторонах практики двора, вносили в воспоминания явную негативную оценку. Предполагаю, что эти черты сохранились и на более поздних исторических этапах эволюции двора. Во всяком случае, это будет интересно проверить.

"- Федор был скупой, лишней вольной копейки детям не давал. Те обижались и не хотели жить с отцом: "Что с тобой жить - только работой на тебя весь день, а сам ничего не получишь". (Нечерноземье, Сиговка Тверской области. Клеткин)

"- Молодежь гуляла на вечерках, называлось - "досветки". Там знакомились. Клуба не было. Нанимались у хозяина на квартиру. Хозяин пускал и брал плату такую: парубкам заказывает камышу накосить для топки, девочкам - чтоб свет носили свой, из сала фитили делали. Девчата хозяйке помогают напрясть, пошить." (Сибирь, Александровка Алтайского края. Бикетов)

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

И, наконец, одной из важных мер, которые могли обеспечить сохранение и даже повышение уровня зажиточности крестьянского двора, был ответственный подход к выбору будущей родни, когда младшие члены двора намеревались жениться и выходить замуж. Традиции выбора жениха и невесты в доколхозном дворе были не только прочны, но и, что называется, святы.

"- Сватать приходили отец с матерью, родня какая приходили, сватали. Высватают. Договариваются, когда свадьба. Раньше жених с невестой до свадьбы не жили, боялись. Раньше по природе выбирали: если отец и мать работающие, то из той семьи будут сватать." (Сибирь, Плотниково Новосибирской области. Волкова)

"- Тогда еще многое зависело от родителей, не как сейчас: понравились и поженились. Тогда - не-ет!. Отец и мать еще спросят: "А на ком хочешь жениться?" - "Вот, такая-то." - "Нет-нет, не надо нам такую." - "А почему?" - Она лентяйка, она еще там какая-то. Вот, запротестуют и все, родители. Это скандальный был вопрос.

Если родители были согласны, то отец с сыном ехали к родителям невесты. Ехали, конечно, с бутылкой водки, с самогонкой... и договаривались. А там родители могут запротестовать: "Не отдадим свою дочку за вашего сына". Не понравился им молодой человек, вот и все. Или он пьяница, или лентяй. Вот так будут говорить: "Да куда нам такой лентяй, он топориче не может сделать!"

Так прямо и говорили, не стеснялись. И бывало так, что и не сходились, так и распалася вся свадьба. Строго было с этим делом. От богатства тоже зависело. Жених бедный, невеста богатая, вот вам все. Тут уже не может быть никакого согласия. (Нечерноземье, Сиговка Тверской области. Кирпичев)

Раннеколхозный двор

Систематизация информации, касающейся состояния оснащенности раннеколхозного двора, подтверждает впечатление, которое сложилось у меня, когда я изучал экономическую практику крестьянского хозяйства этого периода в целом. Сведения о дворе как производственной материально-вещественной единице заметно уменьшаются в объеме и разносторонности.

Но одновременно (и это поначалу кажется странным) в воспоминаниях почти нет информации о "противовесе" двора - колхозе. Я, разумеется, имею здесь в виду только один, частный аспект - "оснащение", так как иные стороны жизни раннеколхозного двора освещены более развернуто.

Мне кажется, что такого рода "умолчания" связаны с отсутствием впечатляющих перемен. Ведь кроме механизации растениеводческих технологий особых изменений в оснащении деревни новыми "инструментами" информанты не видели и поэтому, вероятно, мало говорят об этом. Сельское хозяйство еще долгие годы "ехало на лошадке", а это для крестьянина - вполне привычная картина.

Состояние материально-вещественной оснащенности двора

Специфика информации о состоянии оснащенности раннеколхозного двора состоит в том, что респонденты, рассказывая об этом, большей частью, что называется, "подсчитывают потери и убытки".

"- Кто вошел в колхоз, тому оставляли одну корову, овец не больше десяти, свиней - не больше трех. Птицу не трогали. А у тех, кто не входил, забирали все." (Сибирь, Александровка Алтайского края. Беза)

"- А что у хозяев во время коллективизации забирали? Быков забирали?..

- Да все забирали, в колхоз. Быков, инвентарь... Может, какую-нибудь корову оставляли. А так - все забирали! Ты знаешь чего? - даже харчи забирали! Подгребали... Ну, это не у нас, а у тех,

МИР РОССИИ. 1996. N3

которых раскулачивали - вот у них. И сушку (т.е. сухофрукты), и пшено, и чего было - все это подгрести". (Юг, Атамановка Волгоградской области. Носаева)

"- Сейчас этих домов ни одного не осталось - куда-то их сломали, развозили. Вот у вас в начале улицы - двухэтажный дом. Видно, что старый. Там жили богатые люди. Дома хорошие были. Почему разрешили их сломать и увезти? Никому ведь не досталось. Колхозник хоть сдохни, а дома куда девают? Такие наличники с улицы были красивые, разукрашенные!" (Сибирь, Шабаново Кемеровской области. Шабанов)

Не ограничиваясь констатацией потерь в оснащенности крестьянского двора, респонденты рассказывают о различных обстоятельствах разорения семейного хозяйства. Вспоминают о случаях, порой анекдотических, а временами - драматических, зловещих, обнажающих внутренние пружины действий местных активистов-самозванцев, которые в буквальном смысле уничтожали, ликвидировали материально-вещественную атрибутику единоличного семейного хозяйства.

"И.Карасева: - У нас стан был. Мама у нас и пряла и ткала сама. И шили сами... Вот, хлеб когда у нас забирали, мама наткала холстины и сшила мешков. Штук пятнадцать... новеньких! Когда хлеб забирали, говорили, что, мол, не в чего сыпать. Говорили: "Астафьевна, дай нам мешки..." А она: "Да как же я дам мешки? Как же я буду без мешков?!" - "Да мы отдадим опосля..." Ну, она им мешки отдала...

- Ну, а вернули ей их потом?

И.Карасева: - Нет! Кто их вернет?! Что вы?!.. Хлеб наш забрали в наши же мешки и увезли. Пятнадцать мешков пшеницы было, и ее с мешками вместе отняли.

- Это было тогда, когда колхозы начались?

И.Карасева: - Да! Да! Все вымели и мешки забрали. А она и холсты сама ткала, и мешки сама шила. Потом она ткала вот что - кровати тогда этим застилали. Ватолы называется... Стан был свой...

П.Карасев: - А это такой попался человек, который хлеб-то выгружал, у людей. Он позавидовал на новые мешки. А у него не было, наверное, мешков! Вот и он: "Давай, Астафьевна!" А вот и она (показывает на жену) - Астафьевна и мать ее - обои они - Астафьевны, по отцу...

И.Карасева: - И вот, мать-то, себя ругала: "Ой, ну что же это я дура такая?! Зачем я им про мешки говорила?" Она все об них тужила, а их забрали. Новенькие мешки, пятнадцать штук. И забрали все!.. А говорили: "Мы отдадим, Астафьевна, отдадим..." (Юг, Атамановка Волгоградской области. Супруги Карасевы)

"- А что в колхоз у людей отбирали?

- Ну, лошадей отбирали. Потом - инвентарь отбирали, отвозили его весь за село, - вон туда, где сейчас пруд вырыли. И весь инвентарь расстреляли, из ружьев.

- Инвентарь расстреляли?! Как это так, - расстреляли?..

- Вот, Панька Игошин и Васька Оришин... Взяли ружья и по сохам да по плугам, да по медам, из которых зерно рассевали, - взяли ружья и ударили! Подкинут вверх и расстреляют... Издевались: мол, это все стародедовские приспособления! Чтоб не было их! А чтоб был трактор, чтоб был колхоз...

А на дворе у крестьянина коровы оставались, овцы оставались и мелкая скотина. А весь инвентарь и лошадей отбирали к эдакой матери!" (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Цаплин)

Какой была общая картина оснащенности крестьянского двора после его разгрома? Судя по воспоминаниям респондентов, от семейного хозяйства остался, большей частью, лишь его основной "каркас" - крестьянская изба как место, где можно было продолжать существовать, ведя сильно убавившееся дворовое хозяйство.

"- А как отделились от свекрови, купили с мужем дом в степи, на бугре, деревянный, в две комнаты, за 300 рублей. Завели корову, 20 кур. А в доме было два стола, лавка, сундуки. А из посуды - чугунки, сковородки, чашки, кружки". (Сибирь, Александровна Алтайского края. Беза)

"Родители Галины Алексеевны жили бедно. У них был свой дом - большой по тем временам. Крыша была покрыта дранкой. Двор, средний по размерам, находился под одной крышей с домом. Мебели особой в доме не было. Одна железная кровать; а стол, табуретки, лавки, диваны, сундуки,

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

лари - все делал сам отец. В доме пол был некрашенный, стены не оклеены - такие дома были почти у всех в деревне. В хозяйстве у отца с матерью была корова, поросенок, овцы". (Север, Уткино Вологодской области. Бугаева)

Основное инструментальное оснащение крестьянского семейного двора перешло в колхоз, где оно стало использоваться как основное средство производства. Интересно, что крестьяне, говоря об оснащенности колхоза, рассказывают, в сущности, о механически суммированных фрагментах дворового оснащения. Но - фрагментах и вещах бесхозных, обезличенных, произвольно освобожденных от каждодневной хозяйской заботы об их исправности и сохранности.

"В личном хозяйстве крестьянина после образования колхоза мало что оставалось. "Тем, кто вступил в колхоз, только по одной корове оставили, а лошадей забирали. На них же мы и работали. Плуга, машины - все, все сдали. Когда коммуна была, сгоняли весь скот, а когда колхозы, только лошадей сдавали, а коров дома оставили. Лобогрейки, жнейки, молотилки - все это забрали в колхоз. Тогда можно было и каждому пойти в колхоз". (Сибирь, Плотниково Новосибирской области. Митраков)

"- В нашей деревне было 300 коров, а во время коллективизации осталось 120. В колхоз все взяли - лошадь, плуг, ригу. Все стало общественное. И упряжь отдали, и плуг. В колхозе записали - у кого что взяли. Сказали, чтобы отдавать в будущем, из прибылей. Но так ничего и не отдали.

Работали хорошо в колхозе до тех пор, пока все было в исправности - телеги, сани, бороны, лошади. Потом пошла обезличка. Сегодня один на моей лошади работает, завтра - другой. Так постепенно все и растрепали. Дела пошли хуже." (Нечерноземье, Городня Тверской области. Басукинский)

"- Имущество первое постепенно активисты спустили. Инвентарь изнашивался, не берегли, растащили. При организации в колхозе было 100 лошадей, 30 коров. Таким количеством много не вспашешь, а работы было много и народу было много. На одну прополку выходило до 170 мужиков, так как работы не было." (Сибирь, Александровка Алтайского края. Гамзин)

Каким образом раннеколхозный двор выходил из ситуации, создавшейся во время и после коллективизации и разорения семейного хозяйства? Он начал искать способы сохранения и восстановления (зачастую - с нуля) хотя бы отдельных продуктивных элементов дворового оснащения.

i

"Когда началась коллективизация, Елена Аверьяновна с мужем еще жили у его родителей. "Когда все начали забирать, тогда свекр и говорит, что надо разделяться и коров поделить, а то одну оставят на семью, тогда и по стакану молока не хватит." У них своя семья была большая, я пришла десятой в их семью. Муж Елены Авсрьяновны, Павел, ни в какую. Спорили, спорили, но все-таки решили отделиться." (Сибирь, Александровка Алтайского края. Наталоха)

"Семья Царевых вступила в колхоз в 1931 году. Два года они жили одиночно. -"В колхоз зашли, куда ж деваться? Нас ведь могли выселить, мы приезжие. Старожилы давно жили, у них потайные погреба были. А мы что? Налог сдашь, а себе ничего. Картошкой только и жили. Варим, терли. Крупорушки сами делали. Мы с апреля стали в колхозе жить. А как в колхоз зашли, нам не понравилось. Одиночно - лучше. Всей семьей ездили в поле работать." (Сибирь, Плотниково Новосибирской области. Волкова)

"- У нас был хлеб. Была у нас корова и телка в войну. Как забрали моего хозяина на фронт, так свекр со свекровкой решили корову продать. В Шмакове тракторист жил, у него много хлеба было, он заработал. Он пришел и говорит: "Вот, мне корову продайте за хлеб. Сколько будет корова?" - "Три центнера", - ему сказали. И он нам три центнера дал пшеницы.

А смолоть-то негде было. И куда этот хлеб девать? Дед, свекр, - сделал такую чурку, а на чурку такой ободок, а потом круг, а там как терка - берем и крутим. Сразу как отруби, потом еще на второй раз это же, и сколько раз сыплешь туда, - перемелить. А там все равно не мука, а крупинки получаются. А картошки натрешь и картошку туда и вот лепешки лепим. Вот так и пекли." (Сибирь, Плотниково Новосибирской области. Маньло)

В более позднее время (конец 1940-х - 1950-е годы) раннеколхозный двор приспособился к колхозу и начал, во-первых, накапливать элементы собственного оснащения (потихоньку подрабатывая ремеслом и торговлей) и, во-вторых, пытаться эпизодически встраиваться в обобщественную материально-вещественную среду (например, используя на вспашке и бороновании своих огородов колхозных лошадей, воруя семена во время посевной и смальывая зерно на колхозных мельницах и т.д. и т.п.).

Но в этот период это были лишь отдельные попытки, которые позже приобретут систематический, изолированный и даже циничный характер.

Формы и способы использования дворового оснащения

Как в течение трех первых колхозных десятилетий семейный двор использовал оставшееся после коллективизации и накопленное позже оснащение? Если говорить кратко, можно дать такой ответ: гораздо менее разнообразно и изобретательно, чем это можно было видеть на предыдущем этапе эволюции крестьянского двора.

Почему? Я вижу здесь три основных причины.

Первая: деревня как совокупность дворов в это время потеряла своих лучших хозяев, которые в своей повседневной практике использования дворового оснащения систематически "придумывали" и воспроизводили высокие образцы применения материально-вещественного и духовно-культурного "инструментария".

Вторая: сам уровень оснащенности двора в это время значительно понизился и качественно примитивизировался. Основные рабочие инструменты забрал колхоз. Колхоз же, как мы увидим чуть ниже, "оттянул на себя" и систему трудовых привычек крестьянства, которые тоже есть важный элемент оснащения двора.

Третья: большую часть времени раннеколхозные крестьяне были заняты в общественном производстве и до собственного дворового хозяйства руки у них почти не доходили.

Теперь посмотрим на интересующие нас процессы глазами наших сельских респондентов. Вчитываясь в материалы проекта, с удивлением и даже с некоторой тревогой обнаруживаешь, что крестьянский двор как инструмент выживания семьи то и дело "исчезает" из крестьянских воспоминаний. На его месте начинает фигурировать колхоз.

Но - и в этом, на мой взгляд, специфичность данного исторического этапа, - колхоз рассматривается не как нечто постороннее, чужое, а скорее как расширенный до границ деревни крестьянский семейный двор. Известная пропагандистско-ерническая советская поговорка о том, что "все вокруг - колхозное, все вокруг - мое!" вдруг приобретает свой истинный смысл. Она точно отражает правду того времени и в контексте записанных в деревне раннеколхозных историй полностью лишается своего двусмысленного самоиздевательского подтекста.

Позже, примерно с конца 1950-х - начала 1960-х годов все встанет на свои места: колхоз и крестьянский двор тайно "разведутся", и двор будет стараться системати-

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

чески объегоривать "родной колхоз", превратившись в его, так сказать, "эксплоярный филиал".

Что же касается того исторического времени, которое мы сейчас рассматриваем, то здесь ситуация была обратной, - именно колхоз выступал ни чем иным, как нормальным филиалом двора, являясь, в сущности, укрупненным крестьянским хозяйством.

Выше мы уже говорили о том, что основные средства производства перекочевали в колхоз из крестьянских дворов и довольно продолжительное время (до середины 1940-х годов) были главным элементом его материально-вещественного оснащения. Но в колхоз перешли и многие дворовые привычки, касающиеся форм и способов использования средств производства. Об этом респонденты рассказывают много и подробно.

Прежде всего, в условиях колхоза крестьяне обнаруживали ту же способность много и самозабвенно трудиться, то же стремление переделать все необходимые в хозяйстве дела, успеть все вовремя, да еще и прихватить завтрашней работы, - все то же, что можно было наблюдать в рамках единоличного крестьянского двора.

"- Раньше выходных не было у нас, работали сколько надо. И на комплексе раньше работали без выходных. Раньше даже и стеснялись днем по деревне болтаться. Я и не помню, когда маленькая отдыхала. Мама умерла в 40 лет, брат на руках остался, хозяйство - корова и поросенок. И по сей день я дом соержу." (Нечерноземье, Свищево Тверской области. Травина)

"- Работали прежде очень много, но было жить как-то веселее. Молотили, а сами пели, а сейчас и песни-то не услышишь. Много было и несправедливости, но что сделаешь." (Север, Уткино Вологодской области. Арбузовы)

И в этот трудовой процесс, воспроизводящий дворовое усердие, были вовлечены все - как взрослые, так и дети. Дворовые формы труда, имевшие место в ранне-колхозный период, определенным образом "украшали" колхозный строй. И не нужно, как мне кажется, удивляться и недоумевать, замечая те ностальгические настроения, которые часто сопровождают рассказы крестьян о первых колхозных десятилетиях. Двор сумел (хотя и временно) внести в колхозную работу экономику, мораль и этику семейного повседневного существования.

"- Иван Дмитриевич, вот вы были бригадиром... Скажите, есть ли, на Ваш взгляд, какие-то особенности в работе именно с сельской бригадой, с сельскими людьми? С крестьянами?..

- Здесь надо по-семейному себя вести. Но - строго! Вообще-то, тяжелее нету, как со своими работать... Вот чего я тебе скажу: в городе сильно уважают тех, кто от нас, из деревни, поухали... Вот они уехали, устроились в городе на работу и их там очень ценят.

У него ведь, у деревенского-то - привычка. Мы работали круглые сутки. Сейчас вот я заменяю товарища, - в ночь пошел. Утром пришел, - товарищ меня меняет... А в городе-то, на производстве, там этого нету!

А наш как в городе работает? Придет, включит с утра, и бьет. Бьет и бьет, безотказно бьет! Уж конец работы, ему кричат: "Иван, кончай, пошли домой, время-то уж сколько..."

Там, в городе, очень ценили нашего брата. Это именно деревенская закуска: начать и без конца вваливать! Городской-то: туды-сюды... "Мне домой надо!..." Хотя ему и нечего в дому делать, как в деревенском-то хозяйстве. Но он все равно домой стремится. А наш брат - бьет и бьет, бьет и бьет... У меня сейчас зять там работает в заводе, в городе. Как вол работает! В любом производстве. Там так и говорят: "Саньку нам давайте, он двоих стоит..." А он работает где-то в заводе, на бульдозере. Работает безотказно." (Поволжье, Тепловка Саратовской области. Меркулов)

"- У меня дети умницы были. У меня они трое в школу ходили, - так меня хоть раз бы за них вызвали в школу. Ни разу не вызвали. Теперича вон, сейчас, - и озоруют, и худо учатся... А они у меня - ни один! Ни из-за одного в школу меня ни разу не побеспокоили! Озорством они не занимались, умненькие были.

По хозяйству помогали. Эти придут из школы - девчонки, со мной бегут попеременно. Задание сделают, я на ферму, - и они со мной, какая-нибудь. Одна - сегодня, другая - завтра. А Толенька тоже сынок был, еще и маленький, а тоже в школу ходил, а как отпустят их на каникулы - так тогда

МИР РОССИИ. 1996. N3

сеяли какую-то кукурузу, так попросят его сторожить, так побредет тут же на реку, наверное, с километр. Коровушка у нас всю жизнь была. Коровушка, курочки, овечки... Теленочек, поросеночек, вот скотина. Не скажу, что уж мы богато жили, не так уж, средне." (Нечерноземье, Свищево Тверской области. Лаврентьева)

Респондентам запомнились те колхозные руководители, которые смогли понять постоянную (и я бы сказал - инстинктивную) нацеленность семейного крестьянского хозяйства на результат, на пользу, на выгоду - пусть даже самую малую и символическую. О таких начальниках крестьяне вспоминают с особым чувством.

"- Председатели менялись часто. Сначала приезжие были, потом свои стали. Сизиков был первым, и Бахарев был. Потом какой-то приезжий был Чердаков (1931 год), еще один 40-тысячник был, - фамилию не вспомню. Умный он был. Все время говорил: "Вот, поднял человек бревно, уплати ему хоть полкопейки. Тогда и все будет в порядке. Работать будут." Но он вскорости уехал. Потом много их сменилось: и Зенцов был, и Цеганков Абрам до войны были". (Сибирь, Плотникове Новосибирской области. Логинова)

"- После войны люди работали в колхозе. Сейчас техники больше. Раньше работали за конфетки. Бригадир говорит, что 1 сотка стоит 1 конфетку. И мы, девчонки, так и работали. Конфеты были такие маленькие, с сахаром, подушечки. Руки все были в гнойниках. Вечером он несет конфетки. Мы с детства понимали, что такое труд. Сейчас никто и не пойдет на лен, не то что за конфетки." (Нечерноземье, Свищево Тверской области. Травина)

Однако работа в колхозе ("большом дворе") вовсе не была праздником и наиболее удобным способом реализации крестьянских дворовых привычек. В колхозе, который все-таки был не своим семейным двором, довольно быстро начали вырабатываться такие качества, которые я бы определил как тупость, покорность, вынужденность, рабское поведение, боязнь самостоятельности, упование на судьбу и благоволение начальства. Короче говоря, - качества, представляющие серьезную опасность для безусловного выживания крестьянского двора, качества, решительно противопоказанные единоличному хозяйству.

"- Колхоз организовался, - мне тринадцать лет было... И вот так вот! И вот я и полола, и все... Чего заставят, то и делала... Ну, доставалось работы!. Но мы ее не боялись. Я не знаю, как это?.. Такое сложение было у нас. Мне никогда тяжело не было, я ни разу не замучилась... Ой!.../вздыхает/" (Юг, Атамановка Волгоградской области. Ситкина)

"- А на поле нам привозили что? Картошки какой толченой. А хлеба не было. Так, какой-то жмых давали, - по 200 грамм давали в обед. Хоть его ешь, хоть его брось! Так ели, - куда денешься? Ели... У нас бригадир был строгий. Делили, делили, а его брату (Ивана Емельяновича Милакина) не досталось хлеба.

Он заплакал, подбежал под березку. Он (бригадир): "Иди, ешь!". Все бабы, вот я дам, так и другие. А он: "Не надо мне! Мне надо, чтоб дали мой кусок". Все ж-таки поел, а после обеда пошел возить волокушки. Он (бригадир) его заставил - и возить заставил, и исть заставил... Кормили неважно, но народ дружный был." (Сибирь, Плотниково Новосибирской области. Маныло)

"- В колхозе привыкли. До этого - в единоличии привыкли, а потом - в колхозах. А колхозах посвободнее. Тогда, в единоличии, - болеешь, не болеешь, - а на свой участок надо идти. Тогда "рыга" у нас большая была. Зимой, бывало, дед цапами молотил. Намолотит. И корм в "рыге". Жгли...

И наша "рыга" горела. Соседскую рыгу подожгли и наша рядом загорелась." (Черноземье, Покрово-Марфино Тамбовской области. Юдаева)

В материалах проекта зафиксирована интересная, на мой взгляд, информация о том, как раннеколхозный двор опасался каких бы то ни было инноваций (технических, в данном случае). Это характеризует степень консервативности крестьянских дворов (или, точнее, части семейных крестьянских хозяйств) относительно возможностей обновления видов и форм использования производственного оснащения.

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

Однако, с другой стороны, эта подозрительность к техническим приспособлениям указывает на готовность (и способность!) крестьянина осилить любую сельскую работу, свидетельствует о, так сказать, "трудова отваге" крестьянского двора.

"- Послали меня на курсы в Ваймуши, - на бригадира там училась шесть месяцев. Приехала назад: два или три года бригадиром, в колхозе. Первую жатку привезли, самосброску. Бригада небольшая: человек десять. Бабы боялись жатки: "Мы лучше вручную!". Серпы возьмут, экое поле большое возьмут и жнут: только поле убывает и убывает (смеется). На жатке заставили потом: рожь вязали." (Север, Кобелево Архангельской области. Богданова)

Позднеколхозный двор

Роберт Редфилд нашел возможность обозначить крестьянство как центральный и наиболее весомый элемент "неразмывляющего большинства". (См.: Редфилд Р. Большая и малая традиции. - Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. - М., "Прогресс-Академия", 1992, стр. 200). На мой взгляд, это верно, когда мы наблюдаем дальнюю ретроспективу крестьянского мира.

Но начиная примерно с последней трети XX века, когда российские крестьяне пережили и вполне усвоили опыт двух серьезных аграрных реформаций (первую коллективизацию 1930-х годов, разрушившую двор как микросреду крестьянской повседневности и вторую коллективизацию 1960-х годов, уничтожившую компактный колхоз как мезосреду деревенского существования), - начиная с этого времени становятся заметными попытки формулирования крестьянами обобщенных представлений о переменах, выпавших на их долю. Крестьяне пробуют самостоятельно размышлять, причем публично.

Судя по тем материалам, которые были собраны в рамках проекта и которым я доверяю, крестьяне начинают думать о смысле исторических сдвигов, происшедших на их глазах, о том, что можно назвать "духом времени". Конечно, ничего экстраординарного в самом факте таких размышлений нет: любой обширный опыт рано или поздно естественно тяготеет к необходимости его структуризации и осмысления.

Но когда крестьянские попытки понять дух времени вдруг появляются в ходе ответов сельских респондентов на сугубо "онтологические" вопросы социолога (а жесткий принцип сбора информации в проекте был таким - "не добиваться от крестьян выводов и оценок!"), то это, как мне кажется, свидетельствует о том, что крестьяне систематически размышляют. И их подытоживающие, "аналитические" формулировки - только отдельные следы, только невольно прорывающиеся в беседу индикаторы внутреннего процесса осмысления, скрыто происходящего в их, как правило, невыговариваемом сознании.

Я говорю здесь обо всем этом потому, что сдвиги в общей картине оснащенности двора и деревни, имевшие место в "позднеколхозный" период, наиболее, на мой взгляд, системно выражают закономерности эволюции крестьянской повседневности. Это прекрасно видят и сами крестьяне. Именно состояние материально-вещественного оснащения двора (и деревни как "большого двора") сигнализирует о разрывах социального времени и вхождении в иное, чем прежде, социальное пространство.

Возможно, я здесь ошибаюсь. Но изучение материалов проекта вынуждает меня сформулировать именно такие аналитические оценки. Приведу отрывок из рассказа сибирского крестьянина Степана Тарасова.

"- Когда леспромхоз был в тайге, там рабочие жили в бараке. Наш колхоз, когда леспромхоза не стало, эти бараки закупил. И мы построили дом круглый - от магазина по проулку, в конце огорода. Там внизу контора была, тут, сверху, клуб, а посередке - детские ясли были.

А потом, когда селились, когда соединились с Шабаново, все туда увезли. И амбары тут были (там, где сейчас сушилка) - там амбаров было два ряда - еще одиночные, свои. Каждый ставили, собирали. И все это свезли в Шабаново.

Один амбар на сушилке был - кладовая - и тот увезли. Тут все развезли туда. Около конного двора общежитие построили - шефы приезжали на уборочную работать. Тоже там было оборудование, все было хорошо. Кино ставили. Тоже увезли.

Сейчас стоит избенка - там приемная была, картошку, мясо и др. принимали в заготконтору. Приезжают, и люди сдают. А эти годы - никто и не заглядывает. Кожи, овчины у каждого в Торопово - так они лежат на чердаке или собаки их таскают. Никто не принимает! А куда с ними, - в Шабаново на себе потащишь, что-ли?.. Раньше на конях заготовители ездили - собирают тряпье всякое, овчины, кожи. А сейчас?..

Поглядишь, поглядишь - отживательские сейчас времена." (Сибирь, Торопово Кемеровской области. Тарасов)

Хотя речь в этом отрывке идет, строго говоря, не об оснащении крестьянского двора, а деревни (после укрупнения колхоза), понятно, что именно у двора, у социально-экономической крестьянской повседневности было отнято ее "периферийное" оснащение в виде приемных пунктов, заготконтор, клубов, амбаров, сушилок, киноустановок и т.п. Отнято все то, чем семейное хозяйство привыкло пользоваться.

За предшествующие тридцать лет крестьянский двор привык рассчитывать на эти и другие элементы, рассматривая их как необходимое оснащение его каждодневной работы и, что еще более важно, - его социально-экономических и культурных намерений и планов. И принадлежащая Степану Тарасову, по существу, аналитическая констатация того факта, что наступили "отживательские времена", не кажется мне преувеличенной и неверной.

Состояние материально-вещественной оснащенности двора

Если раннеколхозный двор, пережив ощутимые потери в своей оснащенности, начал искать возможности использования колхозной производственной и социальной инфраструктуры, то для двора позднеколхозного (уже полностью встроившегося в оснащение коллективного хозяйства) характерна иная направленность. Семейное хозяйство стало больше заботиться о благоустройстве собственного быта. Реализовав в основном главную цель - хорошо прокормиться самому и помочь детям, уехавшим в город, - крестьянское хозяйство искало любые возможности, чтобы собрать побольше денег для строительства нового дома, капитального ремонта старого, оснащения жилища природным газом и, по возможности, водопроводом, покупки модной полированной мебели, другого культурно-бытового инвентаря (радио- и телеприемников, магнитофонов, холодильников, мотоциклов и мопедов для детей и внуков, приезжавших на лето в деревню).

"- В Шабаново я переехал в 1961 году, сразу после объединения. Я готовился строить себе дом в Торопово - думал там жить, не думая, что может такое (т.е. ликвидация Торопова как "неперспективки") случиться. В то время деревня строилась. Была какая-то эпидемия, - разрешили строиться и все строились. Потом это угасло. Но за то время деревня обновилась. Все, кто хотел построить, построили новые дома". (Сибирь, Шабаново Кемеровской области. Рудаков)

"После 1955-1960 года стали приобретать мебель. Особенно престижным считалось приобретение шифоньера, буфета и железных коек. Койки были разных размеров: одно-, полутора- и двухспальные, с железными пружинами. В доме Гамзиных имеется: столы, табуретки, скамейки, деревянная кровать, обеденный стол - это все сделано по заказу. Вся мебель старая, грубая, но удобная. Шифоньер купили в 1960 году, швейную машинку - в 1955, выписав ее с базы Посылторга. Стиральную машину

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

купили в 1965 г., привезли из Алма-Аты, а холодильник - в 1972 г. В доме есть радиоприемник." (Сибирь, Александровка Алтайского края. Гамзин)

"Дом на высоком подклете, сбоку пристроена низкая изба. Дом с поветью, хлевами. На поветь можно было въезжать по взвозу, который сейчас разобрали из-за ветхости. Дом родители, уже будучи на пенсии, покрыли шифером. Во дворе есть дровенник, русская баня, перед домом для девочек сделана бугра. За забором перед домом стоит амбар и колодец-труба, глубиной 32 метра. В колхозное время этим колодцем пользовались и для нужд скотного двора и конюшни, которые были расположена за домом Козьмина Николая Егоровича. Этот колодец отец копал сам. Колодец содержали артельно, все кто им пользовался. Колхоз тоже выделял деньги, канат, материал для ремонта. Последний раз колодец ремонтировали в 1976 году. Пользуются им до сих пор." (Север, Кобелево Архангельской области. Богданова)

"- А в каком доме Вам лучше всего жилось? Изю всей Вашей жизни?..

- Вот в этом, в последнем. Мы, Валерья, - мы хорошо жили. У нас было все. Ведь ты знаешь, сколько нам встало этот дом построить?!.. А тогда, в семидесятом-то году, деньги были дорогие. Он нам десять тысяч встал, этот дом..." (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Тырышкина)

"- Я ж тебе говорю: мои подружки, они хоч и не зажиточные, но и не такие бедные были. И вот как сейчас за модой гоняются, - так это с жиру бесятся, с избытка гоняются. С жиру, - прямо можно сказать. А тогда - вроде хотелось не отстать..." (Юг, Атамановка Волгоградской области. Литвинова)

До сих пор мы систематизировали информацию о "внутреннем" оснащении позднеколхозного двора. Теперь посмотрим, какие черты приобрело в это время его "внешнее", природно-биосферное оснащение?

Сельские респонденты, живущие в разных регионах России, будто заранее сговорившись, рассказывают о том, что после укрупнения коллективных хозяйств резко уменьшился круг возможностей ведения семейного крестьянского хозяйства. Природные ресурсы - выпасы, сенокосы, участки для разведения садов и ягодников, лесосеки и т.п., - все эти элементы "внешней" оснащенности двора стали для крестьянина малодоступными.

И этот простой факт внес в крестьянское сознание сумятицу и уныние. В самом деле: колхоз как источник разного рода ресурсов был для двора открыт (неважно - в легальной или в теневой, эксплоярной форме), а возможности непосредственных повседневных хозяйственных контактов с природой оборвались. И установить эти контакты можно было только через посредников - колхоз, лесхоз, водная инспекция и т.д.

Эта окольная, косвенная форма контроля властями любых (и крупных, и мелких, обыденных) хозяйственных инициатив и намерений двора очень болезненно переживалась крестьянами. Одновременно подобный контроль непроизвольно поощрял разного рода незаконные действия двора, - самовольные покосы, порубки, лов рыбы. Вместо того, чтобы идти и просить разрешения у вечно занятого и далекого начальства на тот или иной хозяйственно-промысловый контакт с природой, крестьянин стремился установить такой контакт, что называется, украдкой.

Это стало системой. В результате в крестьянском отношении к природе стали появляться весьма негативные черты - цинизм, стремление во что бы то ни стало, пока тебя не опередили, ухватить "даровой" природный продукт, не особенно заботясь о будущем. А те деревенские старики, у которых для подобных акций уже не стало сил и проворства, горюют и сетуют на судьбу, как коренная жительница Городни баба Даша.

"- Когда жили одиночно в Торопово, земли было сколько угодно?

- Была земля. Тогда было много очень естественных выпасов, сенокосов естественных. А потом освоение целинных и залежных земель - распахали очень много. Я помню до войны на целинных (залежных) землях - на сенокосах поставим по 2-3 тыс. ц сена. После того, как распахали, перепахали, стали сеять [траву] - столько сена уже не удавалось заготавливать.

МИР РОССИИ. 1996. N3

- А косить самим?

- Не разрешали. У нас таких свободных мест под покос нет - все вспахано, засеяно колхозом. Давали, но очень мало. Не было таких возможностей. Одно время мы пытались поделить делянки под личный сенокос. Я лично сам ставил этот вопрос: давайте закрепим участок, допустим, два гектара, для одной семьи. Чтобы крестьянин знал, что это его, и не беспокоился. Но не прошло. Два или три года этот вопрос толкли, но так и не смогли решить.

У нас психология такая: "Если мне плохо, то тебе должно быть в два раза хуже, но никак не лучше". И этот вопрос толчется из года в год. И объединились - все равно не можем с этим вопросом разделаться. И в этом (1990-м) году до сих пор нет участков для желающих. Я на пенсию пошел, какой-то участок в лесопосадке косил, а сейчас там кругом выпаса. Кормят все. Но эта постоянная зависимость приводит к тому, что у него нет постоянной уверенности, что к осени он получит столько-то сена..." (Сибирь, Шабаново Кемеровской области. Рудаков)

"- А вот представьте себе, баба Тоня, такую вещь: Вы молодая и Вы хотите построить дом, и у Вас есть средства. Где бы Вы этот дом заложили - здесь же или в каком-то ином месте?

- Здесь, здесь!

- А чем Вас это место привлекает, чем оно годится?

- Это место всем хорошо! Во-первых, тут у нас пустырь и гора. Теленка выводил, приколавивай на прикоп и до вечера забудь про него. Только пойдешь, перебежешь его да воды поставишь. Он под окнами: взглянешь - ага! - теленок на горе... Еще у этого места что хорошо?

У нас тут, бывало, раньше за сено ругались, если у колхоза украдешь. А мой муж, бывало, привезет ночью, мы его тут развалим, это сено, оно - раз! раз! - перевернулось и мы его в копну быстро складили... Раньше-то тута все было занято, на горе. Люди там жили, вся она выкашивалась, а теперь, вот, пустота!.. А раньше там были сады, - они были по всему склону до самой равнины.

- А еще что хорошего у этого места?

- Ну, у этого места что хорошего еще? Вот речка тут рядом, позади двора. А вот тут, под горкой, - тут родник был. Стали дорогу вот эту вот строить и его заглушили. А ты знаешь, Валерья, что у нас тут внизу раньше было? Сорок деревьев торнослива было и малины было кустов триста! И у нас этот низ вот этой вот асфальтовой дорогой сгубили. Она, речка, во-он где проходила, и родники при ней были, а они, кои дорогу делали, взяли и сюды вот ее вывели. Я через это плакала, - прямо плакала! А один наш подошел и говорит: "Тетья Тоня, не плачь, - тут дорога будет..."

А я ему: "Уйди отсель, а то я тебя убью сейчас! Какая дорога?! На кой мне нужна эта дорога! Какой огород на низах у меня сгубили!.." И только мы торносливу успели собрать ведер тридцать, сорок, а там бы его не знай сколько еще было, - а они дорогу сделали, все-все счистили вот эдаким вот преогромным бульдозером." (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Тырышкина)

"- Как ушла на пенсию, в 1986 году, 71 год мне был, - завела козочек, чтоб легче было перенести, что я на пенсию ушла. Тяжело было, что я работала, работала и вдруг - я на пенсии. Ну, и завела козочек, чтоб у меня нормальный день был: в восемь часов вставать, ну, там ложиться спать... Вот и завела козочек, а сейчас - не знаю, как их и прокормить. Вот так вот живем; до чего довели.

Раньше у Волги по горам косила, на задах косила, то этот сосед даст покосить, то та соседка даст выкосить, то канаву обкошу... А сейчас негде, ну совершенно негде накопить; совершенно ничего нет. Там - завод, там - скотный двор, здесь - какой-то кооператив построен.

Выгоноу вот, здесь, вот, на канаву, а еще канаву-то я берегу! Мне с нее на зиму надо косить - и вот таскаюсь с вязанками, чтобы двух козочек прокормить. Козочек! Не коров. Не знаю, как в этом году, что я буду делать. Наверно, придется под нож пускать. Потому что больше сил не хватает. Я измучилась. И жалко их, и кормить нечем. Лето-то продержу как-нибудь, а на осень придется под нож." (Нечерноземье, Городня Тверской области. Бабушка Даша)

Формы и способы использования дворового оснащения

Подробностей, касающихся повседневной практики использования оснащения позднеколхозного двора, в материалах проекта почти не отыскивается. Крестьяне почему-то избегают подробных разговоров о формах и способах использования дворового оснащения. Возможная причина этого, на мой взгляд, заключается в том, что, как уже говорилось, собственно дворовых забот у крестьянина в то время сильно поубавилось. Центр экономической активности хозяев двора передвинулся в общественное хозяйство.

Но уже не в той форме, какую мы наблюдали в период раннеколхозного двора. Отрабатывая колхозную норму, человек осознанно берег силы и энергию для соб-

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

ственного хозяйства и систематически тащил в свой двор все, что плохо лежит в колхозе. Или - что со временем стало происходить все чаще - пропивал украденное. Поэтому-то, вероятно, так мало в материалах проекта сведений о способах повседневной деятельности позднеколхозного крестьянства. Респонденты, если они и начинают говорить на эту тему, рассказывают, как правило, не о себе, а о том, что можно назвать сложившимся порядком вещей. Разговор, таким образом, идет безличный. Вот характернейшее высказывание.

"- Наклеывается сейчас такая жизнь - хорошего ждать нечего. Потому что народ сейчас не тот. Раньше-то старались лучше сделать - вот тут, мужики, сделать, вот тут... А сейчас нет - не договоришься. Раньше что-нибудь не так сделал - прогул злостный. Бригадир напишет два слова - вызовут: придет председатель. Его все возьмут в оборот, поговорят. Он: "Исправлюсь". А сейчас - сел-уехал, прогулялся: "Придете, сами поклонитесь". Раньше каждый старался, а сейчас один старается, а семеро - цап-царап." (Сибирь, Торопово Кемеровской области. Тарасов)

Нынешние порядки сравниваются с минувшими, раннеколхозными и, как правило, в укор сегодняшнему дню.

"- У каждой бригады был инспектор по качеству-ту. Назывались: "инспектора по качеству". Весной - вспашку, сев, боронование... Ну, впрочем, все работы эти инспектора проверяли. Если кто некачественно что сделает, то заставляли переделывать. За те же деньги. Знаешь, как раньше было вспахать или посеять?!"

Боялись, что пойдет проверка: заставят переделывать! Инвентарь мелкий увидят, что где брошено - штраф! Если раз предупредят, пойдут в следующий раз - не подобрано, штраф! А сейчас валяется все.. Тогда еще что, да хоть мешки, - поди-Ка, брось или оставь их где! А теперь все валяется: горы мешков! Прямо душа не выносит." (Север, Кобелево (Марьина гора) Архпнгельской области. Чемакина)

Даже наши самые откровенные и словоохотливые респонденты рассказывают о способах использования хозяйственного оснащения, имея в виду именно колхоз, а не собственный крестьянский двор.

"- А вот когда Вы в колхозе работали, Вы видели молодежь, которая могла бы 'перенять опыт старшего поколения? Видели Вы среди молодежи таких крестьян, какими Вы были сами?"

- Нет, нет! Дети наши уже не те были... Вот, сейчас, силос на ферму привезут, бросят три навильника, а остальное - увозят к себе. Спрашиваешь его: "Ты чаво это силос-то увозишь?.." А он говорит: "А мой-то коровы чаво, - голодные будут?!" Началось воровство. Я говорю, - а чаво же, мол, коровы-то попадают у нас, на одной соломе-то!.. Ну, вот так вот и следишь за ними, за этими воришками, за этим шалуньем.

Я курятницей работала, девять лет, в колхозе. И вот мне прислали туда девочек, цыплят выращивать. А они их в ящик, и закрывают. А сами - песни поют, танцуют, пляшут." (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Тырышкина)

Старые крестьянские трудовые привычки возродить вряд ли удастся, - так полагают деревенские старожилы, вспоминая порядки, сложившиеся и укрепившиеся во времена поздних колхозов.

"- Старого не вернешь, потому что народ сейчас другой. Да, другой! Сейчас старое ни в коем случае не вернешь! Сейчас ведь это - насея конопель, потом выбери его, вытереби. Привези его в речку, мочить. А ведь осенью его клали - холод! Да..

Он когда вымокнет, - а мы знали, сколько времени ему надо было мокнуть: неделю или две, или, может быть, месяц, - это смотря по тому, какая вода - теплая или холодная, - так вот, когда конопель вымокнет, его вытаскиваешь.

Потом сушишь. Баню специально топили и в бане его потихоньку сушили... А вот сейчас скажи кому про конопель. Тебе и ответят: "Э-э, да я лучше буду голышкой ходить!.." Вот так и ответят!" (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Тырышкина)

МИР РОССИИ. 1996. N3

Но если при всем этом, односельчане замечают в ком-то из соседей формальные, вынужденные отступления от трудовой дворовой этики, то это немедленно осуждается или добродушно высмеивается.

"- И вот на подловку я одна эти вязанки подымала. Сколько убивалась, сколько мучалась!.. И вот все живу и вот все здоровая... В гараж сена набили - чтоб зимой мне выйти, дать корове немножко, но чтобы сено было аппетитное, хорошее.

Вот три года я подержала корову после смерти мужа и не могла уже ее больше держать. Косить иду - дочь запираю. В обед бегу ее кормить... И вот так вот тяжело мучалась.

Осудили меня. Много разговоров было... "Не успела мужа похоронить, а уж хозяйство порешила, мол." (Поволжье, Лох Саратовской области. Протасова)

"- У нас вот один работает - он бригадиром на пилораме, около магазина живет. Вот дом новый - это сын его, Сережка. А он, отец, живет через дорогу. Нонче собрался - дом строить. Лесу выкупили, навозили, на пилораме обрезали - брусовой домик, вишь какой!.. Он стремится жить.

Не будет жить так, как один у нас в том краю живет. Тот три воза увез штафетнику, ограду городить осенью. Мы пилили. Я на пилораме работал, и штафетник этот пилили - он требование принес. А потом зимой его на растопки в печке пожгли. Весной подъезжает на тракторе. У нас горбыли там. Натаскал их и отвез. Два трактора зацепил и в один день отвез - огород городить. А штафетник - пожег!.." (Сибирь, Торопово (Шабаново) Кемеровской области. Тарасов)

Станным для позднеколхозного двора показался мне рассказ о стойком неприятии весьма обычных для этого времени элементарных технологических приспособлений, облегчающих труд животноводов. Может быть, инстинктивное сопротивление даже безобидным инновациям есть одна из коренных черт крестьянского двора?..

"Когда построили в Леонтьевщине ферму на 200 голов (1969 г.) - стала работать дояркой. Нагрузка была 20-25 коров. На ферме был установлен молокопровод, сначала в бачки, а потом переделали прямо по трубам, но ни одна доярка не стала пользоваться им.

Больше года платили нам как за механическую дойку - по 1 руб. 70 коп. за 1 центнер молока, вместо 3 руб. 00 коп. как за ручную дойку, - но так и не стали доить через молокопровод. Председатель (Редькин И. П.) плюнул и сказал: "Пусть работают так", и стали платить по 3 рубля". (Север, Леонтьевщина Вологодской области. Редькины)

Новейший двор

Информации о состоянии оснащённости новейшего крестьянского двора, а также о формах использования этого оснащения, к сожалению, в материалах проекта совершенно недостаточно, чтобы делать обоснованные выводы и заключения. Видимо, стоит в будущем позаботиться о том, чтобы этот пробел был ликвидирован в новом исследовательском цикле. Это относится и к другим сторонам функционирования новейшего двора.

Попытаемся систематизировать информацию, которая имеется в нашем распоряжении сегодня.

Состояние материально-вещественной оснащённости двора

Многие респонденты, рассказывая об оснащённости своего нынешнего двора, указывают на то, что почти все, что они сегодня имеют, перешло к ним от предыдущего поколения. Даже если хозяева и сумели вновь построиться и капитально отремонтировать дом и хозяйственные постройки в позднеколхозное время, - все это нынче изрядно поизносилось и требует обновления.

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

"Хата была в конце деревни на Сапуновке. Была баня, пригон для скота, колодец. Жила в этой хате до 1970 года. В 1970 году купила в Чернавке деревянную хатенку (за 7000 рублей), перевезла и поставила на той же усадьбе. Когда Василию (сыну) казенную хату выделили, мы эту хату сюда перетянули, не разбирая. Сейчас эта хата стоит во дворе. Сени пошли на пригон для птицы. В одной из комнат сделана кладовая. Другую комнату используют как летнюю кухню." (Сибирь, Александровка Алтайского края. Сапунова)

"За время проживания в Александровке, т.е. за 78 лет, Владимир Фирсович сменил место жительства 5 раз и 6 раз - сменил дом. Это было вызвано необходимостью улучшения и расширения жилья, женитьбой, выбором дома в центре села из-за ухудшения здоровья.

Дом, где проживают сейчас Владимир Фирсович и Ульяна Сергеевна, стоит в центре села, недалеко от магазина и медпункта, а больше они никуда не ходят. Дом деревянный, в нем три комнаты, кухня, сени. В доме есть печное водяное отопление. Печь топят только зимой. Есть газовая плита, которой пользуются весь год, а летом - особенно. Топят печь дровами и углем, который выписывают в сельсовете ежегодно и доставляют транспортом совхоза. Раньше топили камышом и кизяком. Готовили кизяк летом, этим обычно занимались женщины, а мужчины только помогали.

Из хозяйственных построек есть баня, пригон для птицы и скота, летняя кухня. Воду берут из колодца типа "журавль". Летом в колодец устанавливается насос, вода качается в емкости и используется для полива, стирки и хозяйственных нужд. Дом неоднократно достраивался, расширялся." (Сибирь, Александровка Алтайского края. Гамзин)

"В 1967 году Давыд Васильевич сам перестроил свой дом, и от родительского почти ничего не осталось. Дополнительно к дому были пристроены сенки. Участок под строительство дома родители выбирали сами. Рядом озеро, в двух километрах - хвойный лес. Кстати, улица Сапуновщина тянулась до самого леса в сторону Чернавки.

В настоящее время усадьба Давыда Васильевича находится на прежнем месте, что и в 1914 году, только соседних домов в сторону Чернавки уже давно нет. Сейчас его усадьба самая первая при въезде в Александровку, а до ближайшего соседнего дома примерно полкилометра. Так и стоит сиротливо усадьба Сапуновых на обочине дороги.

В настоящее время дом Сапуновых напоминает избушку на курьих ножках, только большего размера. Дом деревянный, немного покосившийся набок, неопределенного цвета. Окна маленькие. Крышу, покрытую шифером, почти не видать. Зато хорошо выделяется печная труба. В доме две комнаты, кухня и сенки. Пол деревянный, неровный, из шести досок. Вся мебель старая и ее мало.

Во всем облике дома и обстановке чувствуется старость, запущенность и безразличие ко всему. Невысокая ограда из редких досточек тоже уже не может ровно стоять. Во дворе просторно и неухожено, очень много каких-то пристроек, сараев, пригонов, баня, но и это все в таком упадке, что требует капитального ремонта.

Сейчас Давыд Васильевич уже стар, привык к своей усадьбе, к дому и что-либо менять в здесь он не хочет, да и сил уже нет." (Сибирь, Александровка Алтайского края. Сапунов Д.В.)

Вместе с тем многие респонденты особенно подчеркивают то обстоятельство, что старинное материально-вещественное оснащение двора, сработанное дедами в доколхозные времена, исправно служит хозяевам и сегодня. Эти моменты в рассказах крестьян, на мой взгляд, далеко не случайны. В сознании части нынешних сельчан начинает постоянно фигурировать некая мыслительная конструкция, в соответствии с которой прошлое устройство двора и крестьянского семейного хозяйства в целом более предпочтительно и удобно, чем нынешняя хозяйственная неразбериха и материально-бытовая запущенность, порождающая ощущение ненадежности жизни и эфемерности усилий по ее рациональному обустройству.

"Дом, в котором живет Аня с мужем и детьми, достался по наследству. Когда-то это был дом Диминого деда, Артамона Алексеевича Попова. Дом этот был двухэтажный. Из рассказа Анатолия Артамоновича Попова следует, что потом этот дом разделили и развезли.

В наследство от раскулаченного прадеда Кобылина Герасима с Большого Кротова, Диме достался старый амбар, который Аня характеризует, что он "крепкий-прекрепкий". Как переехали в дом, Дима срубил баню и сарай для дров. В 1992 году прирубил сзади дома хлев для скота. Погреб достался в наследство с домом." (Север, Красное Архангельской области. Попов)

"- Сарай для дров есть, амбар - старый, вековечный. Можно в Москву везти для выставки. Будешь жить на Красной площади, а за просмотр будут тебе деньги платить (смеется)." (Север, Кобелево Архангельской области. Попова А.Н.)

МИР РОССИИ. 1996. N3

Однако в оценке нынешнего периода крестьянского существования обнаруживается не одна только сильно приглушенная и застенчивая ностальгия по прошлому. Налицо и система (лучше сказать - элементы системы) намерений и мотиваций, связанных с перспективами жизни на земле, в своей деревне, в своем крестьянском дворе.

Я замечал, беседуя с людьми, что ожидание позитивных перемен понуждает крестьянина мысленно "процупывать" возможности лучшего оснащения его повседневного существования. И пусть эта "словесная разведка" звучит в устах крестьянина, как правило, смиренно и робко, мне глубоко симпатична и дорога эта неугасающая надежда на позитивные перемены, эта экзистенциальная устойчивость крестьянского сознания, эта способность до конца вытерпеть превратности судьбы.

"Уцепился, так держись!" - это народное присловье удачно, на мой взгляд, резюмирует систему неписаных правил крестьянской повседневности, медленно перемалывающей и хорошие и дурные жизненные обстоятельства.

"- Наша семья не намерена уезжать из Уткино. Здесь, по крайней мере, у нас есть своя квартира, есть дача, дополнительный участок для посадки картофеля, сарай для скота. Нет, от добра - добра не ищут, да и возраст наш не тот. Если, может, молодые надумают, но - не думаю..."

И они не захотят никуда тронуться: сейчас такая сложная обстановка, везде трудно с квартирами, не лучше и с работой. Можно и здесь жить неплохо, надо только руки приложить." (Север, Уткино Вологодской области. Бугаевы)

"- Из Огибалова мы переселились, потому что дом был старый, да и жителей почти не осталось там, вот сюда и переехали. Конечно, лучше было бы жить где-то на одном месте, но не получилось так. Хорошо было бы, если был бы свой деревянный дом с удобствами, да со двором, где можно было бы скотину держать... Но годы уходят, много ли нам теперь, старым, надо?.. Если бы стал строить дом, то не в Уткине, а ближе к реке (Новое)." (Север, Уткино Вологодской области. Шапкины)

"Место для дома в Кобелево Тоня получала в сельсовете. Ей дали место в Шехино, в центре Кобелево. Место это берегли для строительства продуктового магазина. А Тоня хотела место с краю деревни: где госконюшня была, где Пальцовский ручей течет все лето.

Поэтому место, где стоит дом, с одной стороны, ей нравится, так как это центр Кобелево: рядом магазин, школа, клуб, до сельсовета рукой подать, да и до места работы ей идти одну минуту. Но, с другой стороны, дом весь на виду, просматривается вся жизнь ее семьи. Так что это место ей нравится наполовину." (Север, Кобелево Архангельской области. Богданова)

Среднее и молодое поколение крестьян обнаруживает более резкие и определенные намерения по части перестройки дворового и деревенского оснащения. Некоторые из молодых строят только словесные планы, опираясь при этом на известный им опыт стариков. Другие - их меньше - реализуют подобные намерения в конкретных делах.

"- Мы сейчас все старое, что хотели выбросить, теперь оставим. Подлатаем и будем носить, хоть в огороде возиться. Надо молоть свою муку. Все свое должно быть! Вот, наши - сдали мясо на колбасу, им привезли... А может, если самим делать, то дешевле бы обошлось?.. Бабушка наша раньше делала колбасу. Кишки мы никогда не выбрасывали. Их натягивали на мясорубку и колбасы набивали. Я, конечно, в точности не знаю, как это все делалось... Но это можно узнать. Но чтобы все восстановить, это не один год потребуется.

- А если на будущий год станет хуже, вы решитесь развести скотину?

- Да, конечно. Тогда надо будет и какую-то переработку организовывать. Но много - не надо. Вот если бы здесь был колбасный цех! Большинство сдавали бы сюда. Они бы знали, что это все останется в селе. И каждый бы знал, что он пойдет и купит. Или лучше: сдал мясо, а взамен получил колбасу или тушенку.

Тушенку у нас и сейчас понемногу делают. Закрывают целофаном и заливают жиром. И не нужно металлических крышек. Да, если бы опять была своя утиная ферма, птичья ферма! Мы бы полностью были обеспечены! Каждый бы вырастил скотину и не повез ее на базар. Лучше здесь сдавать. А то здесь по осени сдавали мясо заготовителям, а деньги им еще не перечислили.

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

Вот еще если бы кирпичный завод был!.. Ведь лесопилка своя есть, лес - рядом. Никуда не надо бы было за кирпичом ездить! Стройся, старайся... У нас ниже на порядок одна бабка живет. Она сыр делает. Вкусный! Вот бы ей сыроваренный семейный подряд организовать!.. (Поволжье, Лох Саратовской области. Бочкарева)

"- У нас купленный трактор. Сын купил пополам с Кудряцевым. Они на нем заготавливают дрова себе и родственникам. Летом косят в выходные, сгребают, увозят, огород сажают, копают "трясучкой". Привезут навоз - перепашут. Все сами делают. Трактор был списан в ПМК. Они его разобрали дотла и все собрали за месяц. Они ребята очень смывленные, купили за 500 рублей, а потом цены пошли вверх. Сделали его как новенький." (Нечерноземье, Свищево Тверской области. Травина)

**Формы и способы использования
дворового оснащения**

В соответствии с принятой периодизацией время существования "нового двора" измеряется всего несколькими годами. Потому можно ожидать, что сведений о различных формах повседневности нового двора отыщется не очень много. Но на самом деле это не совсем так.

По сравнению с предыдущим, позднеколхозным, периодом эволюции крестьянского двора, о котором респонденты опасались, а порой стеснялись развернуто высказываться, повседневность нового двора более открыта для обсуждения. Прежде всего потому, что разговор идет о современности, об актуальных вещах и проблемах.

Кроме того, социолог расспрашивает своего сельского собеседника не о былом, которое этот приезжий специалист уже не сможет увидеть воочию, а о жизни, идущей, что называется, "за окошком". Все это облегчает доступ к интересующей социолога информации, дает возможность лучше понять систему действий и намерений крестьянского семейного двора.

Необходимо отметить, что разговор о формах и способах использования дворового оснащения получился в рамках данного полевого исследования специфическим. Дело в том, что наши респонденты (неважно - старики, пожилые или молодежь), рассказывая о нынешнем дне собственного двора, соседской усадьбы или деревни в целом, постоянно примериваются к будущему.

Они пытаются представить, каким может оказаться наиболее вероятное развитие событий крестьянской повседневности, если иметь в виду те возможности, которые время от времени декларируются высоким столичным начальством. Выше я уже говорил о крестьянских попытках словесной разведки будущего. Добавлю, что обсуждаются подобные вопросы очень конкретно, и при этом мобилизуется и собственный жизненный опыт, и наблюдения над действиями односельчан, городской родни, а в последнее время - беженцев, которые все в большем количестве оседают сегодня в российских деревнях.

"- А вот то, что сейчас хотят повернуть на старое?.. Ну да это хорошо, что опять на старинку поворачивают! Но только я думаю: не повернут. Я думаю, что сейчас нынешнюю молодежь не перекокаешь! Ну, не перекокаешь! Не переделаешь, не пересадить..."

Ну, вот, сказать: сейчас заставляют всех молиться. Ну, кто сейчас будет молиться?!.. Я не знаю... Или, вот, хоть единолично опять начать, как предполагают... Ну, может, пойдут и единолично работать? Но вот получится у них что-нибудь - этого я не знаю!" (Юг, Атамановка Волгоградской области. Носаева)

"- А не может ли нужда заставить людей вернуться к старому, как Вы думаете?"

- А может и так! У нас Коля вон, сын, говорит: "Это все еще не выдохлось у людей, - эти умения." Есть много людей - миллионеры и всякие такие, деловые. Еще это не выдохлось! Еще это могут сейчас! Ну, а уж ежели дальше больше?" (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Тырышкина)

МИР РОССИИ. 1996. N3

"- На все способность надо иметь!.. И жать - эдак же надо уметь... Все, все надо делать. И все - уметь! И еще надо ко всему приучаться... Сложных работ в крестьянстве для меня не было. Я - ничего не боюсь! И никакой противной работы для меня не было... Ведь как говорят: "Под лежачий камень вода не потекет..." Поработаешь - и наработаешь! И на платье заработаешь..."

Вот я слепая, а работаю, - чулки вяжу. И все мне за это молока ташат! И тогда все эдак же... При бедности нашей... Любая работа была приятная. И все было охотно! В этом ведь мы рождены...

Вот умажешь дом или хлев, затрешь, выбелишь - глядеть дорого! У нас маленькая была избенка. Ее дождем обобьет - страшная она стоит. На крыше - солома. Ветер подул - снес. Раскрыл солому-то. А избенку - вымоешь сперва, потом тонким песочком затрешь, выбелишь... Я, бывало, выбелю и на бугор выйду... Погляжу с бугра-то - эх, какая стоит изба хорошая!.. А дождик пойдет и опять все обобьет. Опять она страшная стоит..." (Поволжье, Лох Саратовской области. Симакина)

"- Вот, слышала я, городские говорят про деревенских, что, мол, - мы хитрые... А в чем хитрость-то?! Работают и работают - никакой тут хитрости нет! В чем мы хитрые?! Не знаю... Может, просто они в городе делать ничего не хотят, а мы тут - шевелимся... Вот и вся наша хитрость. Крестьянин-то - он из мелочи пользу вынет... Чай, это не хитрость, это - работа! Городских-то нужда еще заставит. Не будет в городе ничего, поголодуют они там - и они сумеют все. И они хитрые будут... А то как же?! Иначе никак..."

Вон у нас - приехали из Баку, беженцы-то. Муж с женой и с ребятишками. Эдак же она боялась: не коли что за титьку у коровы уцепиться! Она саму корову боялась... А сейчас? Пришла к гузну узда... Ну, нужда подошла - и вот, пошло дело! Нужда-то, говорят, и барыню гребет! И сейчас она, которая из Баку-то, - доит. Доит, как деревенская! Дояркой работает... Говорит: и садиться к корове умею, и полоть научилась... Нужда-то - все заставит делать..."

А вот: скотину бояться резать которые... Ой, чего ж тут хитрого?! Я вот трусков резала. И кур... Ну, куры-то - это самая последняя скотинка! Сколько я курей порешила, - страсть!" (Поволжье, Лох Саратовской области. Симакина)

Надо сказать, что и при обсуждении своих ближайших личных перспектив информанты говорят о неизбежности продолжения привычной жизненной линии, о таких способах использования дворового оснащения, при которых крестьянское семейное хозяйство остается и средством, и целью, и проверенным инструментом выживания.

"Намерений уехать из своего села у Александры Алексеевны никогда не было. "Меня дочка зовет в город, а я не хочу, не хочу ехать. Я тут и помру. Не хочу в город ехать, с зятем не хочу жить! Не хочу в город и не боже мой!"

Вот уже два года, как Миша женился. Приехала Тамара за мной. "Поехали, мама, к Мише на свадьбу?". А как же я поеду, мы уже тут огород посадили и все. А как раз поехали, и буря поднялась, и все огурцы замерзли. Шибко буря была большая! Я одну ночь там переночевала и домой, домой. И до сих пор никуда. Дома все. Там, в городе, дома большие и все на свете. Выйдешь и не знаешь, куда идти. А в деревне все понятно, куда, что. Привыкла, как кулик в своем болоте." (Сибирь, Плотниково Новосибирской области. Маныло)

"- А может, это нужда Вас заставляет работать, а не то что там любовь какая-то к земле, к крестьянскому труду?"

А. Тырышкина (немножко укоризненно): - Валерьк!.. У нас ведь некоторые ничего не любят работать! Я вот гляжу и думаю: да как же надо это дело делать-то?!

Вот возьмем нижний огород. Там сейчас столько делов, - если б ты знал! Одна моя сила ту работу не возьмет, мотри. А делать надо! Расшибиться, а сделать это дело надо! Вот какое дело, - сурьезное дело там надо делать. Вишню прорубать надо, надо полоть ее! Вот стоит там дерево, торн. И дерево это - старое. И он такой погон дал, столько молодого подросту выгнал! Вот ты веришь-нет, - круг такой этого погону, вот с эту избу. И этот погон все заложил. Не пройти! И вишню всю заложил...

А торн, - он редко родит. Он в пять лет раз родит. И надо его оставлять только один куст. А Колька, сын, - этого не понимает. Вот приедет, надо с ним туды идти и показывать, где рубить, где чистить. Таперя, Валерька, вот что, - соседский торн лезет на наши яблони. Я прошлый год сказала Кольке, что его, мол, вырубить надо. А он не хочет, не понимает.

А я давеча поглядела, - прям срастается яблоня с торном! Там - одна тайга! Вот дед был живой, он прорубал. Деда нет, и они вновь там выросли, - прям спасу никакого нету. Я скажу Кольке: "Не будешь ты рубить, - я сама буду рубить. Подохну тут, а это все вырабулю. Я больше этого не могу терпеть!.." (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Тырышкина)

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

"Разделение труда в семье традиционно для этих мест. Дима все делает по двору. Эта работа связана со строительством, распиловкой и рубкой дров. Помощь матери в уходе за овцами: Дима вывозит навоз от овец на картофельное поле, огород. В марте-апреле по лесобилету он пилит в лесу древесину на дрова, а потом вывозит на наемном транспорте. Дима увлекается рыбалкой зимой и летом. В свободное от работы время он выезжает на рыбалку в тайгу на 2-3 дня на озера или реки.

Аня ведет все домашнее хозяйство: готовит, топит печи, стирает и полощет белье. Аня сама может нарубить дров, что умеют все женщины на Севере. Приносить воду доводится и ей, и мужу, также как и выносить отходы и грязную воду, это как придется по времени. Баню топят и моют в основном Аня, девочки помогают ей нянчиться с Ваней, мыть посуду, ходить в магазин за продуктами.

Даша не пропускает ни одной маминой дойки, ходит за ней как хвостик, знает всех коров по кличке. Когда мы ездили на утреннюю дойку летом, то Даша была там и помогала загонять коров из стада на дойку. Она знала всех маминых коров, называла их по кличке, отгоняла чужих, не маминых коров." (Север, Кобелево Архангельской области. Поповы)

"Неустойчивость экономической и социальной жизни вызывает в Ане, с одной стороны, сожаление, что у нее четверо детей, и что она родила в 1991 году сына, и неизвестно, что ее ждет, а, с другой стороны, Аня завела в 1992 году в своем хозяйстве корову. Приходится надеяться на себя в большей мере, чем раньше. Развал совхоза, государства связан с утратой веры в крепкого хозяина, силу государства, которые создавали раньше какие-то общественные гарантии стабильной жизни человека." (Север, Кобелево Архангельской области. Поповы)

В рамках систематизации информации о способах использования оснащения крестьянского семейного хозяйства хочется привести примеры, характеризующие степень "открытости" и морально-этической "благоустроенности" двора. "Жить по-русски" в крестьянском понимании - это быть добрыми и гостеприимными. Причем это не поза, а некие существенные основания крестьянской повседневности.

Когда удается получить такого рода информацию, появляется чувство уверенности, что у крестьянского двора есть будущее. Своеобразный жизненный уют, нерастрепанность и несуетность на базе терпения и нечеловеческого труда - такие качества крестьянского двора отчетливо высвечиваются и, несомненно, являются безусловной ценностью на фоне любых жизненных отпавлений сельского населения России.

"- Даю людям, а оно все остается... Это у нас здесь как-то смех был. Страсть и все!.. Пришел один мужчина, и чего это... Под полкой стоит кастрюля с яйцами, а там было девять яиц... Он говорит: "Тетя! Ой! Ну, яиц у нас нету, а я хочу... Давай, я их заберу." Я говорю: "Бери." Он взял эти девять яиц... А я пошла - да десять яиц сняла..."

Я говорю: "Вот и все." Вот, такая вот жизнь идет у нас вот все время... Как вот, Господь... Хоть говорят - нету, но он есть..." (Юг, Атамановка Волгоградской области. Ситкина)

"Анна Ивановна: "Мы никогда, ни с каких гостей не берем денег. У нас так заведено. Мы живем по-русски и наше гостеприимство от нас не отнимешь: "Что есть в печи - все на стол мечи!". (Север, Леонтьевщина Вологодской области. Редькины)

ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ КРЕСТЬЯНСКИХ ДВОРОВ

Настоящий раздел данного текста несколько отличается от предшествующего с точки зрения его организации. И эта специфичность требует краткого вводного комментария.

Предыдущее изложение было организовано таким образом, что многие оставшиеся в памяти крестьян события, происшедшие в российской деревне в последние восемьдесят-сто лет, я систематизировал и подвергал анализу, глядя на них как бы "сквозь" семейный крестьянский двор. Вся деревенская жизнь, увиденная в этом ракурсе, вращается вокруг "оси" крестьянского двора и замыкается на него. Это

весьма существенный, но, разумеется, далеко не единственный аспект анализа эволюции повседневного крестьянского существования.

И поэтому в этом разделе я попытаюсь передвинуться на новый аналитический горизонт. Продолжая наблюдать крестьянский двор и в полной мере опираясь на него информационно, я буду подниматься на уровень села. Однако село в данном исследовательском аспекте - не противоположный, не иной, не чуждый двору объект анализа. Село я здесь понимаю в качестве системы дворов, связанных сетью многообразных отношений.

Эти отношения заметно профилируют облик, характер и специфику каждого конкретного села. И, что самое, на мой взгляд, главное, обеспечивают едва ли не основной (как материально-экономический, так и нравственно-психологический) ресурс выживания села как обжитой и наполненной людьми точки социально-географического пространства, в которой ежедневно и постоянно возобновляется человеческая жизненная энергия.

Можно предположить, что именно междворовые отношения являются одним из действенных факторов того, что данное село сохранилось по сей день и продолжает существовать. Надеюсь, я здесь не преувеличиваю. По крайней мере, в условиях нормальной эволюции (то есть без посторонних патологических властных импульсов, например, без коллективизации крестьянских семейных хозяйств и без укрупнения сельских поселений) именно отношения дворов есть ключ к пониманию того, насколько село жизнеспособно и хозяйственно-экономически продуктивно. Насколько оно, так сказать, "natura naturans": насколько оно, живя здесь и теперь, порождает новую жизненную волну людей и поколений, вписанных в один и тот же природный регион и пейзаж. Именно в этом, как мне кажется, состоит историческая крестьянско-деревенская норма.

Эволюционная патология (когда власть произвольно вмешивается в жизнь крестьянского двора и, следовательно, села) действует в этом плане скорее негативно. Сеть междворовых отношений систематически рвется, искажается. Отношения дворов приобретают характер скандальности и завистливости. Судьба сельского поселения становится опасно непредсказуемой. Более подробный и предметный разговор об этом состоится чуть ниже.

Несколько слов об индикаторах аналитической систематизации первичного материала. Их два - "А. Поводы дворовых контактов и отношений" и "Б. Нравственно-психологические доминанты отношений". Они, обращая на это внимание, выделены и сформулированы несколько искусственно, с известной натяжкой. Дело в том, что информация о взаимоотношениях дворов трудно членится на какие бы то ни было "герметичные" отсеки. Здесь все идет "сплошняком", - слитно и синкретично.

Однако, строя аналитическую модель отношений крестьянских дворов в их соотнесенности с судьбой села, можно и нужно доискиваться тонкостей и ловить ускользающие грани и оттенки. Ибо в них-то как раз весь смысл. Поэтому не исключено, что один и тот же информационный "квант" будет фигурировать и в пределах систематизационного индекса "А", и в составе индикатора "Б", но под разным углом зрения и с особым аналитическим комментарием.

Доколхозный двор

О значении соседских отношений и междворовых контактов в деревне хорошо, на мой взгляд, высказался старейший усть-медведицкий казак Софрон Любимов.

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

"- Есть такая поговорка: "Сосед - это семьянин!" Если чуть что надо, соседи просят: " Ты посмотривай тут, в случае чего..."

Вот оно и сейчас так же: если куда-то отъезжаем, то замок - замком, а соседский догляд нужен. Черт-те знает, что может случиться, если за домом не приглядывать!.." (Юг, Атамановка Волгоградской области. Любимов)

И хотя Софрон Иванович говорит здесь лишь о необходимости постоянного соседского наблюдения, "догляда" за крестьянским домом, постройками, скотиной и т.п., можно полагать, что общая широкая взаимораскрытость крестьянских дворов как относительно автономных жизненных миров и укладов - это транзисторическая норма деревенской повседневности. Это - хорошее правило, из которого, впрочем, всегда есть (и обязаны быть) исключения. "Открытость" двора относительна. В нем всегда есть собственные запретные зоны, почти недоступные для стороннего глаза. Недаром же говорится, что "сор из избы выносить негоже".

Сосредоточусь на изучении каналов взаимодействия и взаимодоступности крестьянских семейных хозяйств.

А. Поводы дворовых контактов и отношений

Наиболее широкой и событийно насыщенной "зоной контактов" доколхозных крестьянских дворов были такие повседневные дела и заботы, которые можно терминологически обозначить как "хозяйственно-организационно-экономические". Речь прежде всего идет об отношениях дворов по поводу сложившейся в данном селе практике выживания как отдельного конкретного двора, так и деревенского крестьянского сообщества в целом. Воспоминаниям об этой стороне жизни двора и села уделяется в устных семейных историях много внимания и места. Поэтому из весьма обширного материала мне пришлось выбрать для цитирования лишь некоторые небольшие куски. Много по соображениям экономии места пришлось убрать под "аналитический прилавок".

Явный эпицентр междворовых отношений - это система совместных крестьянских действий по распределению главного "инструмента выживания" двора, земли. Рассказывая об этом, респонденты припоминают многие обстоятельства и детали процесса наделения семейного хозяйства землей. И в этой дотошности я, кроме всего прочего, вижу косвенное проявление коренного свойства крестьянской человеческой природы - генетического стремления владеть и распоряжаться обозримыми и посильными для хозяйственного присвоения фрагментами региональной биосферы. Вчитайтесь в подлинную крестьянскую речь: "азарт владения" мощно встряхивает и мобилизует как рациональные, так и эмоциональные стороны крестьянского существа, - оттого-то воспоминания деревенских стариков наполнены и довольно точной "статистикой", и окрашены довольно острыми переживаниями.

"Помещиков тут уже разогнали, землю их поделили. Были уполномоченные из волостных комитетов, из уездов, наезжали в населенные пункты, землю делили.

А тут крестьяне и сами делили, как прогнали помещиков. Они сами захватывали землю и сами делили. Много скандалов было. Собирался сход деревни, и решали, - сколько человек семья, и какой-нибудь кусок давали.

Были и ссоры. Вот, мол, Иванову хороший кусок достался, а мне плохой. Сходы эти собирал староста. Тогда еще старосты были и решали вопросы земельные. Кому досталась какая полоска, так он и жил на этой полоске до коллективизации. До этого никаких переделов не было. Я помню хорошо 1920-е годы, помню, как мы единолично жили, и как я, мальчик 10-ти -12-ти лет, выходил с косой, косил. Мне нравилась в то время одиночная жизнь." (Нечерноземье, Свищево Тверской области. Кирпичев)

МИР РОССИИ. 1996. N3

"- Пахотной земли было мало. Вот здесь только (показывает на угоры за усадьбой), а сенокосы были там. Землю выровняли все вместе и распределили. Я еще помню, как землей менялись, делились.

Тут вот Дюков наволок: тот конец этот год ставят наши, а потом - другие. Через год меняли. Душник был. У тебя - две, а у тебя, скажем, три души было, а у другого - пять душ...

Размеряли на всех. Если мальчик родился, прибавляли. Раз в десять лет, потом почаще, - через пять лет. Бывало, соберутся наши летом на улице. Горюшка к Жабоконцам принадлежала. Список, душник. Палка одна - одна душа. Палка, - не полтора и не два метра, а побольше, - называлась душник. Если на сей год ты первый получал, то на следующий год будешь последний получать свою долю: передвигались. Колесом все шло. Список хранился..." (Север, Кобелево Архангельской области. Попов В.Т.)

"- А как делили землю под сенокос?

- Так, сажнями отмеряют - и вежу поставят. По веже прокосит сенокосилка, ограничит: вот твое поле, а это - твое. Так подряд по списку и идут.

- И каждый год делили?

- Каждый год. Кто сами не косили, отдадут исподол косить, нанимают для косьбы. А у кого сенокосилки были, то есть те, кто скота держал помногу, - так они скосят и договорятся с хозяином: "Мое-то дело - скосить, а твое - сгрести, копнами поразделать, пометать и все..."

Платили за это опять же сеном. А то и вместе работают, несколько семей: на своей делянке - свое сено, а на другой - тех, чья делянка." (Сибирь, Торопово Кемеровской области. Тарасов)

В крестьянских рассказах о практике доколхозного двора освещаются не только внешние обстоятельства и порядок распределения земли, но и реконструируются некоторые важные детали, если так можно выразиться, внутридеревенского организационно-хозяйственного механизма использования земельных наделов.

Судя по тому, что рассказывают крестьяне-очевидцы подобной практики, семейные дворы умели довольно точно соразмерять свои хозяйственно-технологические возможности и физические силы с количеством и качеством труда, необходимым для получения требуемой двору продукции. И, если этих возможностей и сил не доставало (или, напротив, они были в избытке), дворы налаживали такую систему компенсационных отношений, которые являлись не только экономически взаимовыгодными, но и (что весьма важно) социально-психологически комфортными, надежными, "желанными" для конкретных условий данного села.

"- Ты знаешь, разница-то была какая между ними, - между богатыми и бедными-то?.. Я тебе скажу. Богатый человек - у него объем работы был больше, а у бедного - меньше. Вот он, богатый, идет и бедного просит: "Помоги мне!" Но он бедного за просто так не просит. И бедный ему за так не помогал.

Богатый ему чего-нибудь сулил: говорил, что, мол, я тебе какую-нибудь десятину вспашу, или чего тебе надо привезть, или там чего еще... И у них уважение один к другому было. Без этого на хуторе не делалось ничего.

Ведь не у всех лобогрейки были, и не у всех молотные машины были. А если человек идет, просит, то другой человек дает ему. Были быки, были верблюды... А лошади были не у всех. А ведь тогда лошадь была самый скорый транспорт.

Бывало, скажет один другому: "Дай мне лошадь, пожалуйста!" - "А зачем тебе?" - "Да вот у меня быки ушли, - я их настичь хочу!" - "Да, конечно, возьми поди лошадь да пригони быков..."

Оно, уважение-то промеж людьми, - с малого начинается и кончается большим." (Юг, Атамановка Волгоградской области. Любимов)

"- Я помню, у нас был один в деревне, - сколько жил в этот период (речь идет о времени коллективизации - В.В.), он все время ждал. Он все время ждал, - что с ним будет, к кому его отнесут, какую ему категорию припишут?.. Вот такая у него была судьба. Но никуда он не уехал, ничего с ним не случилось..."

У него была "куус-ложка" - так называлась молотилка. В то время они у нас только появились, а до этого были кустарные молотилки - один барабан и все. Пропустил один раз сноп, обмолотил, солому женщины - они по паре стоят - убирают. Вот это была простая "кустарка".

А он, будучи единоличником, купил "куус-ложку". Но ведь одному ему она зачем?!.. Он обрабатывал и других. Мы, как и другие, свозили снопы в огород, и потом организовывалась как бы

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

помощь в десять-пятнадцать дворов. Говорили: "Сегодня молотим у вас. Обмолотим - переходим к следующему!".

Я помню тот день, когда молотилка должна прийти к нам. В доме тревога: "Надо готовиться! Надо же людей напоить-накормить..." Ведь это же за зерном глядели не так, как сейчас: полог надо приготовить, чтобы зерно на земле не лежало.

- Это молотили только свое?

- Только свое - тогда еще одинолично жили. И вот с этой молотилкой он ходил по деревне.

- И за это брал деньги?

- Конечно!.. Но денег тогда мало брали - тогда хлебом брали. Что он молотит, тем и берет. Я не помню, сколько точно брали за это дело. Он работал напряженно этот сезон.

- А своя земля у него была?

- Была, была... Он так же пахал-сеял, все у него было. Он свое обмолотит, а потом уже работает на других. Мы бы сейчас этот союз назвали кооперативом, а тогда этому никто не давал названия. А вот именно так и делалось.

Сенокосилку тоже ведь не каждый же имел, тоже объединялись. К этому сейчас и стремятся - возродить то, чтобы объединение произошло не сверху, а снизу. Сами!.. Ты крестьянин, я крестьянин. Что нас может объединить? Интересы, стремление к тому, чтобы жить, прокормить семью прежде всего..." (Сибирь, Шабаново Кемеровской области. Рудаков)

"- Зяби не делали мы... А вот беда какая, уже при советской власти, была. Если раньше на два, а то и на три-четыре года делили землю и нормальный ее оборот был, то при советской власти каждую весну делили землю.

А раньше? Как разделят землю всему селу, то это на все три-четыре года - закон. Вот это поле: здесь у тебя нынче яровые. И у всех - яровые! Можно разное сеять, но обязательно яровые. А это поле, значит, - только пары. А это поле - только озимые. Вот - три поля... Но ты сам меняешь на этом поле: нынче здесь пшеница, а завтра, скажем, пропашную...

А в колхозе? Тоже, примерно, так, - но все как-то хуже. Ничего не получается. Наоборот, чем ни больше делают, тем больше заразы разводят, сорняков.

А как было у нас, в одиноличном хозяйстве? Если только попадет какой-нибудь, понимаешь, вредитель, - то сей же час сход кличут! Скажем, озимая совка съедает начисто верхний слой, растение, то сразу: "Мужики! Вот так, мол, и так. Завтрашний день - на борьбу с совкой!" Все - с лопатками...

И вот вроде общественное дело, а все равно, выходит, свое. Вдоль своего загона делаешь канавку такую. Совка-то дойдет сюды - и провалится в эту колею. А делаешь так откосы, ну, стенки, чтобы она туда упала, а оттуда не вылезла. Гладко делаешь стенку. Надо гладко, красиво сделать!..

Речки у нас все чистые были. Был приказ по дворам: "Чистить речки!" И все идем чистить..." (Поволжье, Тепловка Саратовской области. Воротников)

Однако вряд ли можно полагать, что организационно-хозяйственные отношения доколхозных дворов были стопроцентно демократичными, рациональными, равноправными и безусловно продуктивными. Это, разумеется, далеко не так.

Однако наши сельские респонденты гораздо больше внимания в своих воспоминаниях уделяют именно "ладу", гармонии, приемлемости в практике междворовых контактов. И это понятно, - в этом, кроме всего прочего, прочитывается негативное в целом отношение к нынешнему состоянию отношений между дворами.

Вместе с тем в материалах проекта наличествует целый ряд рассказов о весьма непростой, далекой от "лада" "механике" отношений семейных крестьянских хозяйств, находящихся на разных ступенях деревенской социально-экономической иерархии. В каждой деревне заметно выделялась роль дворов, так сказать, "принимающих решения", дворов, имеющих неписаное право задавать границы и рамки хозяйственных действий и инициатив основного населения села.

"- А как, например, решались какие-то важные для всего села вопросы? И кто верховодил на селе?

- Староста у нас был. Он был самый главный начальник. Бывало, сход собирали. Один старики сходились. Сойдутся и решают, что, вот, мол, - пруды надо обделывать для скотины. Решают, пастбище где для скотины отвести. Еще старики землю на сходе делили, обсуждали, что где сеять...

Вот эту вот землю, душевую, - ее каждый год делили на сходах сельских. Бывало, кричат нам в окошко: "Сергей Иванович, на сход, на сход!.."

Собирают на сход, ходят по окошкам. Стариков собирают! Всех-то не гнали, как сейчас. Бывало, это говно, - молодежь-то, - ее, бывало, никуда не брали! Нет, нет! Только одни старики!

Все сойдутся, с бородами, и решали, - где какая земля будет. Бывало, на сход сойдутся; и говорят, что эта земля будет только для картови, а эта - для бахчи... Эта земля - для проса. И вот все это решали. И землю делили.

- А старики эти из каких семей были? Из богатых?

- Конечно, из богатый! Гольтьбу-то не приглашали. Да и она, - гольтьба эта, - она сдавала эту свою надельную землю. Они возьмут ее, душевую-то землю, и сдадут. Они вот как, гольтьба-то, делали. Сдавали свою надельную землю богатым, хозяевам...

Потом их звали, и они, на своей же земле работали, за хлеб. (Усмехается презрительно.) Хм, свою землю сами не хотят обрабатывать, а за хлеб приходили к хорошим хозяевам, работали..." (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Тырышкина)

В систему организационно-экономических отношений доколхозных дворов входили контакты односельчан по поводу найма работников. Я уже отмечал в начале этого текста (см. стр. 6 и далее), что о наемном труде, о батрачестве крестьяне рассказывать как бы стесняются, часто замалчивая эти рядовые для единоличной деревни факты.

И это действительно так. Но подобные умолчания заметны лишь на начальных стадиях интервьюирования, когда собеседник еще не слишком раскрыт социологу с диктофоном, когда он по устойчивой жизненной привычке прячет сокровенную информацию.

Однако блок вопросов об отношениях дворов расположен в программе интервью ближе к ее концу. И к этому моменту многие респонденты начинают высказываться более открыто и без опаски. К тому же, рассказывая об истории междворовых контактов, крестьянин, как мне показалось из опыта собственной полевой работы, не в силах преодолеть "гравитационную энергию" системной картины соседских отношений. Тут уж необходимо рассказывать или все или ничего - логика подобных отношений не допускает крупных информационных прорех. Поэтому-то "кулак" и "батрак" появляются в воспоминаниях как необходимые персонажи доколхозной крестьянской повседневности.

Обращает на себя внимание эмоциональная окраска приведенных ниже фрагментов. Она - довольно ровная, лишенная каких бы то ни было особых страстных инвектив в ту или иную сторону. Что это? Отражение действительного положения вещей, когда хозяин и наемный работник - законные и ординарные агенты производственного процесса?.. Или же - стертая временем, хладнокровная реакция человека, видавшего на своем веку разные виды, в том числе и на громоздкой колхозной "галере", которая была порой похлеще любого хозяйского найма?..

"В селе все занимались хлебопашеством, даже если они занимались и другим ремеслом. К примеру, Сокол магазин держал, а работника нанимал в поле робить. Кузница была долго, но землю кузнец все равно пахал, работника нанимал.

Бедные нанимались работать у богатых. Условия найма были разные: кто за еду и одежду, кому пшеницей платили, кто поденно ходил работать за деньги, кто "за отработку" людьми, кто "за отработку машины".

Был и свободный найм между сельчанами. "Когда работника нанимали, то договору письменного не составляли. Когда нанимают, то говорят: "Я тебе пшеницей дам". Когда косить начинают, то хозяин говорит: "Выбирай себе полосу с любого краю". Вот он ее убирает..."

Еще за отработку нанимались. Если молотить - то идешь договариваться за отработку. За молотилку - вот столько-то дней. Ну и зарабатываешь -и дней, и людей... На молотилке в день за работу платили сорок копеек: "Пойдешь?" - "Пойду." - "Приходи!" В селе уже знают, кто ходил." (Сибирь, Александровна Алтайского края. Гамзин)

"- В селе разное жили. И богачи были, и бедняки были. Мы средние были. Богачи были только скотиной богаты. Коров много держали, коней. Работника и работницу нанимали. В поле сами выезжали, в степу все вместе жили, не вылазили все лето. За скотину только кулаками и были. Их богато потом на Турухан выслали. Голосом голосили..."

Богачи и поденно нанимали. Дети кизяк за обед делали, им платили десять, двадцать, тридцать копеек. Хозяйка, бывало, кажет: "Дети, идите кизяк делать. Я борщу наварю".

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

Поденно еще нанимали. Вот я за машину хожу, обрабатываю. За молотилку - столько-то дней. А потом лошади ходют, она молотит у нас. Мы приехали в нужде, потом разжились. Средняки были. Бедности не знали. Хозяйство було, и материал уже брали в лавке..." (Сибирь, Александровка Алтайского края. Сапунова)

Довольно интересный и красноречивый факт, имеющий определенное отношение к использованию труда соседей, записан в Атамановке Волгоградской области. Расчетливость и, в известном смысле, экономическая беспардонность хозяина моста вспоминается рассказчиком с легким юмором и, как мне показалось, полным оправданием: дед Лисей имел право так поступить.

"- Дед Лисей свою мельницу сделал, сам. Речка тут у нас бежит, он ее запрудил, желоба поставил, сделал мельницу, камни установил. И она водой молола...

- Это еще до колхозов было?

- Конечно, до колхозов... И через речку через эту сам хозяин этот построил мост. Ведь у нас, как разлил весной - нельзя ездить. Ни на лошадях, ни на быках. А через этот мост ездили. Вот, он, дед Лисей, сделал этот мост, а у людей просил, чтобы ему помогли лесоматериалами. Ну, помогли ему...

А он сделал будочку, посадил дочку там, но два года разрешил бесплатно ездить по мосту, "зайчиком"! Это за то, что ему помогли лесом. И тех только он пускал, кто ему помогал. А такие, кто не помогал, те должны были деньги за переправу платить. А через два года все стали платить деньги за проезд по мосту.

Вот так люди жили! Казаки - они такие... Ну, правильно: он же свой труд затратил и почти все свои материалы..." (Юг, Атамановка Волгоградской области. Карасев)

К сфере повседневных организационно-экономических контактов дворов относятся отношения, развивающиеся вокруг строительства, эксплуатации и ремонта общедеревенской междворовой инфраструктуры (изгородей, плотин, водопоев и т.п.). Блок подобного рода сведений, рассказанных крестьянами, я уже поместил в разделе об оснащенности двора. Прочитирую здесь лишь краткий рассказ о колодцах, которые являлись в деревне не только источниками питьевой воды, но и своеобразными "инструментами" объединения дворов (как, впрочем, и их разделения).

"- А раньше у каждого свой колодец был?

- Раньше - общие колодцы были. Артельные колодцы - сколько человек создало, сами все за ним и следят. Вот у нас: Аксенья, мы, отец с матерью и Никита егта жил, - тоже был пайщик. Дальше Игнатий Иванович был. Но он в пайщики не пошел, - с матерью моею у него совета (то есть "лада", "согласия" - В.В.) не было." (Север, Красное Архангельской области. Попов)

В материалах проекта имеется выразительный рассказ Антонины Ивановны Самохваловой о системе дворов, организованной с помощью уже не внутри-, а вне- или, точнее, трансдеревенских экономических связей. Из этого рассказа следует, что доколхозный крестьянский двор мог быть включен в достаточно широкую (в географическом смысле) сеть отношений. Интересно, что эти отношения, при всей их ответственности (ведь дело касалось, как вы сейчас увидите из цитаты, финансов), могли быть принципиально неформальными. Эти отношения могли строиться на безусловном взаимном доверии, простирающемся довольно далеко за пределы данного села.

"- В общем, я так понимаю, Вы об еде не страдали до колхозов, так? И мясо у Вас было на столе?..

- Нет, не страдали, нет! И мясо у нас было без конца... Только вот, знаешь, - середь лета мяса не было. Если вот, скажем, кончится мясо... И все равно, - мяса немножко есть на леднике.

А у нас в Гремячке был один мужик хороший, - он мясом торговал. Он овец накупит в Петровске, коров. Нарезет их и едет по деревням, подойдет к окошку, постучит.

"- Кто?," мол... А он: "- Мосолов - кто, кто? Не знаете, что ль, кто?! Мосолов приехал!" (Смеется) Ага... Идите, мол, мяса возьмите. Отец выйдет, скажет: "- Да у нас еще мясо есть! Немного, свое..."

МИР РОССИИ. 1996. N3

Отец ему и говорит: "- Да вот, деньжонок нет, - жалованья еще не получил..." А Мосолов отцу говорит: "- Деньги-то я не прошу. А тебе говорю, мол, мяса возьми. Христа ради - только мяса возьми!.." (Смеется.)

- Ну, это еще до колхозов было?

- До колхозов! Да..." (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Самохвалова)

К разряду "хозяйственно-организационно-экономических" поводов междворовых контактов относятся и такие, которые, в отличие от освященных выше (повседневных, ординарных), я бы мог условно назвать как "экстраординарные".

Речь идет об отношениях дворов, порожденных уже не повседневными, рутинными, нормальными заботами о выживании, а некими экстремальными обстоятельствами, серьезно осложняющими жизненную практику крестьянского семейного коллектива (неуправка с хозяйством, недостаток запасов питания, пожар, падеж дворовой скотины, смерть кормильца, одинокая старость и т.п.).

В этих ситуациях деревенские дворы обычно оказывали внезапно ослабевшему хозяйству серьезную и, как правило, бескорыстную помощь. Но в рассказах крестьян о такого рода отношениях нет ничего от самолюбования и героизма: "Вот, мол, мы какие, вот как мы друг дружку выручали!.."

Напротив, судя по крестьянским воспоминаниям, подобные контакты были нормой и необходимым условием выживания как двора, так и деревни в целом. Нормой и условием, порой тягостными, отнимающими у односельчан немало сил и средств, но одновременно выступающими причиной всплеска деревенского гуманизма, очищения человеческой души и нередко - поводом для деревенского микропраздника с угощением и песнями. Скучного праздника людей одной судьбы...

"- Вот у тебя, скажем, есть лошадь. А мы уже старики, с Марьей-то. Совсем старики! А нам, старикам, жить надо. Как это делалось, бывало? Вот, гляди. Вот, вспашем мы свои яровые, ранние яровые, - за три дня. Пришло воскресенье. Я иду к тебе, ко всем, понимаешь, родным, к шабрам, то да се... Говорю: "Помогите!" Старикам-то. Называется это - "помочи"..."

Собираются: восемь плугов, восемь борон, севцы, прочие... Выезжаем по всему полю, сразу все эти плуги - э-эх! - гурьбой! Только держись! К обеду закончим... И человек, старик, - будет жить... Приезжаем сюда, в деревню.

А тут уже, понимаешь, флакончик, закуска. Что есть духу... Запели... Все люди, значит, у нас. По-настоящему-то нищих и брошенных - не было! Плохо ли?! А чего ж сейчас-то этого нет?.." (Поволжье, Тепловка Саратовской области. Воротников)

"- Вот, на Пасху, за семь недель до Троицы, ребятишки бегали где-то там и подожгли. И у нас сгорели все постройки, ничего не осталось. Восемь дворов сгорело сразу - и дома, и амбары. А потом ребятишки от второго мамино мужа сюда к нам приехали жить, в Плотниково. Потом они купили на помощь погорельцам дом в Мотково и его перевезли, и построили на своей усадьбе. И так и жили там". (Сибирь, Плотниково Новосибирской области. Маныло)

"- В Нижних Рудинах в каком-то там году, - никто не упомнит, но еще в прошлом веке, - градом выбило весь хлеб. Три деревни остались голодать на весь год! И мой дед этим голодающим отдал весь свой большой запас хлеба без процентов, на неопределенный срок.

Так тогда все местные помещики на него окрысились, но сделать-то ничего не могли, потому что крестьяне сказали: "Николай-то Васильевич не лыком шит, а нам он дает не барское, а свое". (Нечерноземье, Сивовка Тверской области. Клеткин)

"- Когда я на Романове жила, то, помню, жили деревней дружно. Друг другу помогали и навоз вывезти, и дом построить. Бедным, которым картошки, хлеба до следующего урожая не хватает, то ведь обязательно дадут взаймы. Если тебе сеяться нечем, то обсеют тебя: получишь, отдашь. Здесь, в Леонтьевщине, я по соседству равнодушно жила." (Север, Леонтьевщина Вологодской области. Кузнецова)

"- А хлеба если не хватало, все, бывало, занимали по людям. Я, вот, жила в прислугах, а ко мне ходила мать, к хозяину. Скажет: "Сват, у нас, вот, хлеба не хватает..."

А он: "Да, что же вы, сваха, - все она вас кормить, что ли, будет?.." Это про меня... Ну, дадут, там, два мешка. Потом уродится, нажнут - и отдадут. А то и не отдадут. Потому что те скажут: "Не

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

надо! Работает раз девчонка - не надо, не отдавайте..." (Поволжье, Лох Саратовской области. Симакина)

"- Раньше люди в деревне дружнее жили, помогали друг другу. Вот один раз у моего отца лошадь околела... Ну, как получилось? Он на этой лошади поехал в Саратов. Возвращался отголь, ехал, и в Нееловке выпряг лошадь, чтоб ее маленько покормить.

А она взяла и какой-то травы поела, - не знай какой. И чегой-то она объелась. И вот до Сокура он доехал. Тут лошадь начали ногами бить. Бьет ногами и никак не идет в запряге. Он там сразу к врачу заехал, в Сокуре. Сокурский врач говорит: "Ты ее выпряги и в поводу веди..." Ну, и какого-то лекарства выпоил ей. А он довел ее до церкви, и она у него околела. И дело как раз перед весной, пахать надо скоро. Он в это время ездил-то, пахать нечем...

И вот Владимир Микифорыч, Василий Микифорыч, Иван Микифорыч и, вот, Тонин отец, Михаил Сергеевич - двоюродные братья отца, пришли и говорят отцу: "Иван, ну чаво же, - тебе сеять надо." А отец говорит: "Ну, пшеницу чтоб посеяли, я нанял. А вот семечки и просо надо бы посеять, надо бы помочь..." Ну, поехали и посеяли, помогли отцу...

А эту помощь пришли делать на Егорьев день. Отец им говорит: "Нынче - праздник большой, работать-то нельзя." А они говорят: "Чай, у тебя несчастье, нас Бог простит." Но не простил...

Ну, посеяли просо, прямо вот эдакое хорошее получилось. Мы пришли его полоть. Травка кое-где только выглядывает, перебили всю ее руками... И до конца еще маленько не дошли, вдруг туча взмыла, и град грянул. Все током положило, все просо враз повывило!

Ну, маленько проветрилось, - они пришли и все по-новой посеяли. И это новое просо все выросло... Так что на Егория не можно нисколько работать..." (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Самохвалова)

Следующая, вторая по счету, группа поводов деревенских междворовых контактов связана с тем, что можно терминологически обозначить как отношения в "празднично-досуговой" сфере крестьянской повседневности. Казалось бы, "праздник" и "повседневность" - явления взаимоисключающие, противоположные.

Однако крестьянское деревенское существование было устроено так, что праздник являлся облегченным, по возможности разнообразно украшенным и более сытным вариантом будничного порядка жизни. Но об этом лучше и подробней могут написать культурологи и этнографы. Моя же нынешняя задача - показать, что и как рассказывают деревенские старожилы об этой стороне доколхозного крестьянского существования.

Вот одно из типичнейших воспоминаний. Из такого рода фрагментов, читая тексты собранных в селах России устных семейных историй, можно подобрать целую библиотечку.

"- Собирались летом на гульбище, - там, где теперь контора. Все собирались. Ходили по очереди: то до одной улицы, то до другой. Скандалов не было. Праздники все были по три дня.

На Пасху нарядные все выходят, спивают, веселятся. Качели були. Весело было. Обеды хорошие были. Колядовать ходили, пели: "Сею, сею, посеваю, с Новым годом поздравляю!". Молодежь посеять и рождествовать ходила. Саночки возьмут и гурьбою ходят.

Спивают хоры. Дают все-все - и сало, и колбасу, и хлеб. Потом молодежь соберется где-нибудь и гуляют до утра, - водку пьют, опохмеляются... На Масленицу коней готовят, украшают, катаются по улицам. Солому палят, камыш: "Маслену палят"...

В Троицу березы привозят, закопают и под нею справляют... Самогону богато гнали, целые лагуны самогона были... Но раньше и пьяных меньше было, по улицам не валялись". (Сибирь, Александровка Алтайского края. Сапунова)

В материалах проекта содержатся сведения о других вариантах празднично-досуговых междворовых контактов, которые охватывали не все село, а распространялись преимущественно на родовые кланы, на систему родственных крестьянских дворов. Впрочем, одно другим не отменялось - были и общедеревенские, и, так сказать, приватные праздничные "мероприятия".

Особый интерес представляет приведенный ниже фрагмент из рассказа внучки выдающегося деревенского богатея - Сергея Ивановича Матасова - восьмидесятишестилетней краснореченской крестьянки Антонины Михайловны Тырышкиной.

Из него следует, что богатый двор стремился поддерживать обычай праздничного подаяния односельчанам, причем не только бедным и слабым, а всем подряд, двору за двором. Как я понимаю, это была, кроме всего прочего, превентивная инстинктивная мера, употребляемая зажиточным двором как средство против возможной злобы и зависти земляков-однодеревцев.

"- Баба Тоня, расскажите, а как Вы в старое, еще доколхозное, время готовились к праздникам?"

- Бывало, к празднику наготовят праздничных пирогов столько! А потом - вот эдаких вот пышков напекут. И у нас были вот такие вот решета, большие. На эти решета пышков накладывают, и в один конец деревни одна сноха пойдет, а в другой конец - другая сноха. И чтоб эти все пышки... чтобы их все раздать людям.

А сейчас разве дадут кусок?!..

А пышки, бывало, какие! Ведь это испекут их так: опару поставят на хмелю. Он, хлеб этот, - такой душистый, такой вкусный! Валерь! Ты знаешь, - я очень ведь горазда хлебы печь, пироги печь! А на поминки!?! Вот на поминках кому только я не пекла?! Всем! Пироги: вот такой вот длины и вот такие вот вышины. (Показывает гигантских размеров пирог - длиной со столешницу и высотой с кастрюлю). Очень я пеку хорошо!.. (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Тырышкина)

Третью группу причин для контактов крестьянских дворов можно обозначить как "охранно-судебно-воспитательные". Дворы были соединены постоянной заботой о внешней и внутренней безопасности деревенской повседневности. Причем эта забота носила форму не столько реализации писаного закона, сколько исполнения давно принятого обычая, воспроизведения привычного порядка вещей.

И хотя доколхозная деревня не обходилась без формальных лидеров, "командиров", последние были преимущественно символами и гарантом власти, нежели экзекуторами (за исключением урядника, который брался за дело в исключительных обстоятельствах, а в остальное время наводил страх и порядок лишь своим грозным обликом).

А вот староста и поп не "мельтешили" по мелочам, а решали наиболее принципиальные вопросы. Можно сказать, что они своим авторитетом как бы обозначали направление "правовой самостоятельности" отдельных дворов и деревни в целом. И эта самостоятельность нередко принимала форму не очень разборчивого в средствах, но оправданного деревенской традицией самосуда.

Слабые отголоски такого рода судебно-воспитательной практики имеют место и сегодня. И я не раз был свидетелем междворовых "разборок", внезапно вспыхивающих, сопровождающихся оглушительным криком, бранью (но уже не насилием, как часто было раньше), и столь же скоротечно угасающих.

"- Раньше всей деревней командовал поп. Что он скажет, то и правильно. А вокруг его, попа, вся власть - староста, писарь, урядник... Тур твою мать! - ведь это все на моей памяти было!.. Слушайка! Вот у нас сейчас село без охраны стоит. А раньше - всему селу охрана была. Селу! Всему селу!..

Вот идет по ночам по деревне караульщик, - идет и стучает. Стучает и стучает. У него такая доска и шарик на веревочке. Стукалка называется. И он сообщал, если чаво не так. И потом - ежели он стучает, то все нормально, а если не стучает, то народ глядит из окошек - чаво это он стучать перестал?.. Беспокоился народ. Но это редко было...

И еще в деревне был караульщик, - от пожара. Не от кражи, а специально от пожара! Чуть чаво, - он сразу гремит в пожарный колокол. У нас в Красной Речке была пожарная охрана. Крепко, крепко было! Порядок был. А сейчас - ни одного пожарника не видать". (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Цаплин)

"- Драки были. Часто бедные и богатые дрались. Одного бедного забили, три дня пожил и умер. И никто, и ничего... Захоронили - и все. Некуда ведь было обращаться..." (Сибирь, Александровка Алтайского края. Сапунова)

"- Я тебе скажу, какие раньше люди были!.. Управляли в Бурасах только два человека. Один - староста, а другой - писарь при нем. Выбирался староста только всем народом. Хороший человек!.. У

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

него, понимаешь, медаль была. В-о-о-т такая вот, с блюдце. Латунная, что ли... Когда, значит, сход в деревне, - он ее надевал. А как же?! Староста. Старшина! Знак власти!

А второй - писарь. Писарь имел папку, потому что староста мог быть и неграмотным совершенно. Это вот два управителя. И третий человек был, - урядник. Он имел револьвер. Коль! Заряженный одной тяжелой патроной. Как привесит, понимаешь, эту штуку-то, - а в ней два с лишним килограмма, - она у него ниже жопы висит. Чудо!

Было такое помещение, в половину избы, с окошком и с железными прутьями. Запирывали туда вот этих вот озорников и прочее... А так-то, - нас старики пороли! Если только я приду к ним, еще без усов, - я считаюсь молокососом. И смотри, - при людях, при мужиках что-нибудь не соври, что ты, мол, тоже человек. Тебе сразу: "Цыц! Молокосос! Пороть вас надо!.." Раскладывали и пороли.

А судья жил в Аткарске: на восемь волостей один Приезжал один-два раза в году, - для маленького, понимаешь, досмотру. А вообще-то мужики судили. Пороли! И такого, как сейчас, воровства и озорства и в помине не было. Дворы никогда не запирались. Воровства никогда между собой не было. Это - позор!.. (Поволжье, Тепловка Саратовской области. Воротников)

"- Раньше старику было очень большое уважение. Бывало так: идет старик, ты ему обязательно поклонись, сними шапку и скажи: "Здорово дневал!" А если ты ему не поклонись, не поздороваешься, то или он тебя берет за уши, или спросит: "Ты чей?"

Ну, ответишь... Тогда он: "Скажи отцу, что ты со мной не поздоровался..." А отец в таком разе бил нещадно! А сейчас видишь как? Идет и не взглянет на старика! Раньше, как тебя посылают куда, говорят: "Иди, да смотри - здоровкайся! Да ниже кланяйся!" Всегда предупреждали. А потом еще спрашивали, проверяли..." (Юг, Атамановка Волгоградской области. Любимов)

"- Озоровали мы! Не воровали, а озоровали! Полезем куды-нибудь: либо в сад к кому-нибудь, либо на бахчу. Ну вот, догадываются люди. Один раз отец выгоняет скот, и шабер, сосед, - выгоняет скот. И говорит отцу: "Иван! Володька-то у тебя озорует!" Отец послушал соседа и больше ничего не калякает. А сосед: "Он, де, мол, по садам лазает..." Да... Отец больше ничего не должен говорить. Оправдываться - не имеешь права! Видишь, как?! Виноват..."

Отец - ко мне, с уздой, и давай метель меня! Я: "Тятя, прости! Тятя, прости!" Глаза-то продаю и: "Тятя, прости!" И ты должен только так, - прощения просить. А он: "Ты что, сукин сын! Долго будешь нашу семью канифолить?!" Вот такая штука! Он, тятя, долго-то не оправдывался перед соседом, а взял да и отлупил меня. Вот тебе и все! И это, я считаю, хорошо было. Маленько поозоровал, и тебя маленько потрепали. И снова все можно начинать!" (Поволжье, Тепловка Саратовской области. Воротников)

"- Был в деревне сотник. Он ездил верхом. У сотника была медная бляха с гербом государственным. Он носил ее на колотую. Вот попробуй его задень! Это была как власть. Сходки помню. Мне лет пять-десять... Там голосовали. Три человека сидят за столом и говорят: "Мы выбираем хозяина деревни. Не ошибайтесь!" Да еще несколько раз повторяют. Еще помню, - сотник подъезжает и кричит: "Сегодня будут собирать подать!" Всех объезжает, всех.

Или ездит сотник и говорит: "Сегодня будем разбирать вора!" Украла старуха ведро из-под сока. Одели это ведро ей на шею, дали палку в руки и повели по деревне. Заставили кричать: "Больше воровать не буду!" Вот такое было наказание за мелкое воровство.

Драки обсуждались. Измен не помню, что разбирали. Вот рассказывали: молодая женщина ушла от мужа. И тем более она от него убегом ушла. И вот он ее нашел, привязал с конем рядом. Раз - по коню бичом, раз - по ней. На это он имел право.

Воров ловили лучше, чем милиция. Был самосуд. Даже убивали воров. Ведь конь - была жизнь для человека. Лучше и дороже коня ничего не было для крестьянина. Ехали мужики мимо и каждый бил этих воров. Так и забивали насмерть. Одного вора убили, у него девочка осталась. Ее общество после покойного отца воспитывало. Каждый двор должен был пятидневку кормить. Что с ней потом стало, не знаю.

Была такая ленивая-ленивая баба - Зося Жук, по первому мужу. У них трое детей было. Она тут болталась со всеми, и с австрийцем тоже, Вадик Михайло. Пришел Жук Иван с плена, она его не приняла. Он сам ее за измену наказал, и за волосы по деревне тащил, а бабы следом ведут, в заслонку стучат, песни поют. Общество признало Ивана невиноватым, дом оставили за ним. А Зося Жук болталась везде, по баням". (Сибирь, Плотниково Новосибирской области. Панцевич)

"- А кто верховодил на хуторском сходе? За кем было последнее слово? Кто был главным?

- Атаман!.. У нас такой случай был, на моей памяти. Ехали мимо нашего хутора какие-то нездешние люди. Ну и в конце хутора остановились переночевать... А у нас тут жили такие нехорошие люди. Воры... Их трое было - Василий, Климан и Федор. Вот пошли они ночью и обокрали проезжих людей. Те пожаловались атаману. Он созвал сходку и на сходке определили им наказание: пострелять! Они уже не впервой воровали..."

людей. Те пожаловались атаману. Он созвал сходку и на сходке определили им наказание: пострелять! Они уже не впервой воровали...

Вывели их к оврагу, поставили и по команде расстреляли. Климана и Федора сразу убили. А Василия, - его Васяткой сроду звали, - не убили, а, видать, ранили. Но он упал замертво. Его стали проверять. Пытали его, спичкой палили. Он не ворохнулся. А ночью - приполоз! Приполоз он домой и потом жил всю жизнь. Когда он с расстрела приполоз, тогда уж его вдругорядь не судили. Ну, правильно! - это не Васяткина вина, что он после казни живой остался. Это - не его вина. Это, видать, Бог его спас. Видишь, какой тогда был закон! Какой жестокий, но справедливый закон?!

- И это наказание вора назначил не сам атаман, а именно сход хуторской?

- Да, собрание это решило, собрание. Народ! И тогда не было такого разбоя, как сейчас. А сейчас власти нет, нет строгого закона..." (Юг, Атамановка Волгоградской области. Любимов)

И, наконец, нельзя не указать на наличие в материалах проекта информации (ее очень немного), свидетельствующей о том, что поводы для междворовых контактов в доколхозной деревне практически отсутствовали. Это, конечно, как мы уже могли убедиться, не совсем так. Но и в этом утверждении крестьян содержится, видимо, часть правды. И то, что эта часть заслоняет собой общую картину довольно тесного общения доколхозных дворов, говорит, вероятно, о специфическом характере (нелюдимости, осторожности, замкнутости и т.п.) того семейного двора, членом которого являлся рассказчик. Вот два характерных высказывания на эту тему.

"Поскольку в Александровку стекались люди из разных мест, единого целого не получилось. Все оказались слишком разными по семейному укладу, по характерам. "Никто никого не уважал, каждый жил и живет сам по себе, своим домом, своим хозяйством, своей семьей. Слишком много работы было, общаться некогда". (Сибирь, Александрова Алтайского края. Наталоха)

Б. Нравственно-психологические доминанты отношений

В отличие от довольно, на мой взгляд, простой и логичной схемы поводов междворовых контактов (какой она сохранилась в памяти крестьян), картина, характеризующая нравственно-психологические доминанты отношений дворов, гораздо более сложна и противоречива.

Во всяком случае, как я постараюсь показать ниже, первая схема зеркально не отражает вторую, хотя этого можно было бы ожидать. В определенном смысле, бытие здесь не определяет сознание. Сумма повседневных дел, выполняемых крестьянскими дворами сообща, в тесном контакте, далеко не всегда "параллельна" и равна сумме чувств и переживаний, сопровождающих эти общедеревенские дела.

Но начну систематизацию материала как раз с моментов взаимопонимания, дружбы и гармонии в междворовых отношениях. Труд (забота о выживании) и отдых (забота о физической и психологической "очистке" тела и души) - вот две основные сферы деревенской повседневности, где крестьянские дворы стремились прежде всего примениться один к другому, заметно сдерживать свои возможные амбиции и приватные намерения, идти на разного рода компромиссы, быть терпеливыми и лояльными не только в отношении соседей, но и сельского мира в целом.

"- Раньше соседи обязаны были только в дружбе жить. Только так! Это, понимаешь, законом Божьим установлено..." (Поволжье, Тепловка Саратовской области. Воротников)

"В деревне 20-х годов люди жили очень дружно, друг другу помогали во всем бескорыстно. Если у кого-то корова еще не доится, приносили им молоко - сами, бесплатно. Коровы-то телятся у кого раньше, у кого позже, поэтому у всех всегда было молоко в достатке. С яйцами - то же самое.

Молотили для всех по очереди; убирали урожай все вместе у одного, потом у другого. При необходимости очередность менялась. Все делали артелью, все было как свое, без разбору. Землю распределяли полосами, по ее качеству. Сами следили, чтобы все было по справедливому". (Нечерноземье, Семерихино Тверской области. Колосова)

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

"- Ты знаешь, - вот сейчас молока в деревне не купишь. А раньше вот, у кого коровы нет, молока ташат ему. Ему столько нанесут, - у хозяина сесто нет. А сейчас и за деньги не купишь молока! Вот ведь время-то какое пришло! Вот бы сейчас старые люди встали и сказали: "Да как же вы живете сейчас? Да разве эдак можно жить?!.."

А тогда кака-то была в жизни... желанность! Ведь, бывало, вот когда побрали мужиков-то на германскую войну-то, - солдаткам-то помогали! Бывало, скажет дедушка Сергей отцу, когда он пришел с войны: "Миша, вспашите вот этой вот женщине..." И тятя вспашет. Чаво же - она осталась с детьми, а муж-то погиб на фронте..." (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Тырышкина)

Так было в повседневном труде. Воспоминания об отдыхе и досуге также освещены теплыми положительными эмоциями рассказчиков.

"- Соседи разные были. Много було. Жили дружно, хорошо. В селе народ дружный был. Выскочек не було, все равные были... Праздники отмечали все весело. Песни пели, частушки. Танцуют все. Гармошки, балалайки були. Баянов и патефонов не було. Музыкантов в селе не було. Рождество отмечали всяко. Обед давали, гости приходили. Колядовать молодежь ходила: "Рождество, рождество! Тебя снегом занесло, Я пришел откапывать - деньги зарабатывать". Денежку давали или 100 грамм наливали.

На Новый год тоже весело було. А на Масленицу устраивали бега, качели делали, хороводы, катались на конях. На Пасху качели устанавливают, высочайшие, хороводы водют. Як мак все цветет! Христосуются. Игры разные. Мужчины любили яйца катать. Колесо такое, катали по очереди. Начинают и маракуют: если твое яйцо попало в другое, то все яйца твои. Иначе - нет ничего..." (Сибирь, Александровка Алтайского края. Гамзин)

"В то время (1928-1929 гг.) народ в Плотниково жил дружно и весело. "Когда пришли сюда (в Плотниково), у нас здесь была улица, а напротив нас берез было много-много, и сделали качели. Вечером девки с гармошкою пляшут, а у меня маленький ребенок уже был. Только выйдем на улицу да смотрим. А молодежь вся нарядная!.. А теперь все боятся чего-то, и молодежь-то не видишь..." (Сибирь, Плотниково Новосибирской области. Маныло)

Одновременно с подобными высказываниями в устных крестьянских историях содержится довольно объемистый пласт воспоминаний о моментах недружественности, непонимания, пренебрежения, отсутствия стремления дворов идти навстречу друг другу. Причины такого рода нравственно-психологических доминант в отношении дворов лежали в самых различных сферах крестьянской повседневности. И рассказывают крестьяне об этом по-разному.

Но особенно горький душевный осадок в воспоминаниях того или иного рассказчика ощущается тогда, когда речь заходит о проблемах хозяйственно-экономического выживания бедного, обиженного, оттолкнутого, обманутого в своих ожиданиях крестьянского двора. Мне тяжело было слушать эти рассказы. Крестьянам тяжело было об этом вспоминать. Пережитая обида и через толщу времени пробивается к нам в ее подробной и острой "свежести".

"- Павел Петрович, я вот что хочу переспросить. Вы про амбары рассказывали, какие были у богатых... И что, действительно, дверей не было у этих срубовых амбаров? Через верх зерно засыпали?

- Да нет - двери-то были. Как же без дверей? Но через двери полный амбар не насыпешь зерна! Вот у нас, у бедных, были такие амбары: они квадратные, маленькие, в них досками сусеки нагорожены - тут просо, тут ячмень, тут пшеничка. Все по кучке!

А у него чего? У богатого-то? Он, если просо засыпает, то под крышу, если пшеницу, то тоже под крышу! А потом - мы если лишнее повезем, то это будет мешка два-три-пять. На станцию повезем, чтоб чего-нибудь купить. Сапог или ботинок...

А он, богатый, нагрузит целый обоз хлеба, и попер!.. Да еще были такие богачи, которые, хорошо, что не дожили до коллективизации, померли. А то ведь они такие слова говорили!.. Вот, у него пять амбаров засыпано, а он говорит: "А-а, теперь бы я погядел, если б года два-три неурожай - погядел бы я, как старые батраки дохнут!.."

Это для чего же так?! А он бы не давал никому?! Разве это правильно?.. (Юг, Атамановка Волгоградской области. Карасев)

"- Когда мы вернулись сюда из Тифлиса, в 1918 году, отцу моему было 42 года. Бурасы - это наше село. Нас здесь все знали, - моего отца и мать...

- А что вы делали, когда приехали? Чем вы начали заниматься?

МИР РОССИИ. 1996. N3

- Тогда ничего другого не было, кроме земледелия. Крестьянства. Только крестьянство! Насили-насилу себе сделали дом. Причем дом делали два раза... А родители мои до переезда в Бурасы были довольно состоятельные. Но деньги в революцию враз лопнули! Лопнули они все в банке! И приехали мы сюда, как говорится, голозадые - нет ничего у нас...

А до этого, когда отец с матерью присылали сюда, в Бурасы, из Тифлиса посылки, то родня наша из-за посылок прямо-таки дралась! Посылки-то всегда не метрами и не аршинами мерились - сукно, там, и легкая ткань всякая. Слали они материю большими тюками. Тюками: нате вам, делите! Всей своей родне...

А когда отец с матерью сюда приехали, без денег, без имения - их не признали... Ну, признали, однако - с прищуром. Да с оговоркой... И мы стали почти самые бедные в деревне. Вот тебе и люди, вот тебе и родня!..

Богач-то, понимаешь, он - действительно богач! Он несколько более вежливо калякал, но, во всяком случае, он тебя прижимал! Вот у меня мать. А у матери брат - богатенький. Средняк. Нет, выше гораздо середняка. У него, помню, голос был красивый, он с попами возился, кушаком подпоясывался. То да се... А мы - очень бедные были...

Вот мать пошла к нему: "Ляксандра! Дай нам хлеба шесть пудов. До нови..." А осталось - две недели ждать, понимаешь, только. А там уж новый хлеб поспеет... А он в ответ: "Аксинья, ну что ты вчера не пришла?! Только вчера шабрам отдал..." Это что, брат?! Сестре-то не дал, а шабрам-то дал..." (Поволжье, Тепловка Саратовской области. Воротников)

Наряду с обостренной формой недружественности дворов в доколхозное время имела место примерно такого же рода форма, но, так сказать, "стертая". В крестьянских воспоминаниях это прочитывается так, что дворы специально не задирались, сознательно не шли на развертывание разного рода конфликтов, обуздывали, "окорачивали" свои возможные (и нередко справедливые) негативные чувства и страсти.

Как мы увидим ниже, это была осознанная (но чаще - инстинктивная) позиция, по возможности сберегающая атмосферу внутренней деревенской безопасности. Смирная дворовая амбиция, крестьяне, как я понимаю, заботились не столько о себе, сколько о выживании села как более или менее стабильного социально-психологического и нравственного пространства.

"- Дядя Ваня, а какие семьи в деревне не уважали?"

- Да вот были у нас отпетые - Канцер, Мордвов. Они воровали. Они и коров воровали. Их за это и били, и судили. Тогда суд-то был какой?.. Был самосуд - пороли их. Они из погребов мясо вытаскивали, из кадушек. Солонину...

Да вообще-то это вопрос глупый, - "кого не уважали"?.. Один ты не будешь всему миру мил!.. Кто-то тебя уважает, а кто-то - нет. Уважение, - оно вот так вот, гнездами, по родне, по соседству идет. Вот у нас наспротив сосед был, валяльщик. Мы с ним дружили, уважали его. А он нас..." (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Цаплин)

"По мнению Ивана Федоровича, в селе не было никогда не только уважаемых семей, но даже такого понятия. "Таких семей не было. Весь народ - одинаковый. Каждый себе, каждый в своем дворе. Что я к нему пойду? Указывать, что делать?!.. Хм, уважаемые семьи!.. Люди-то разные: были, которые получше, а которые и похуже. А понятия "уважаемые"?.. Такого не было в нашем селе..." (Сибирь, Плотникове Новосибирской области. Митраков И.Ф.)

"- А какие семьи в деревне были наиболее уважаемы и почему?"

- А они, богатые-то, друг по дружке уважались. Потому что они все - родня. Богатство-то сплошь идет, из поколения в поколение. Ну, а бедный - он по бедным уважался! К нашему отцу на гору ходили мужики, разговаривали. Я маленькая тогда была еще. Полна изба народу придет, разговаривают. А свету-то не было, без свету сидят, говорят. А я под столом лягу и усну. Потому что спать захочу! А они сидят...

Про сев разговаривали! Как вспахать, да как посеять, да как убрать, - все дельно говорят и говорят. Особенно, вот, Постом... Тут ведь уже люди к посевной готовятся. Прямо, разговаривают очень долго - как организовать это все дело, вспахать... А лошадей-то нету у бедных... Но богачи к отцу не ходили, а только свой брат бедняк. Богачи брезговали бедными-то... Конечно!..

- Как же так, Любовь Ивановна?! Вы, вот, говорите, что у Вас не было ненависти к богатеям, не было к ним никакой неприязни, а они, видите, брезговали вами?

- Да нам некогда было с ними калякать. Отец у нас печничал, печки клал. Семью-то кормить надо!.. А мать с детьми сидит, никуда не ходит. А я работать к богачам ходила, за кружку молока... И

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

злости у нас к богатым не было: отец не связывался с ними. Никогда с ними не ругался. И мать тоже..." (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Шишкина)

"- А вот этих, которые в Курмыше жили, - их тоже презирали? Которые, как Вы уже рассказывали, в "очко" играли?..

- Да этих-то?! На них вообще не обращали внимания, - какие они там, хорошие или плохие!¹ Жили они себе и жили... То играют, то пьют, то уворуют чаво-ничаво. Про них и разговору-то мало было.

- А не было такого: они у себя в Курмыше бедокурят, а деревня им скажет - кончайте, мол, а то выгоним отсюда, из села? Не было такого?

- Это чтобы их убрать?!.. Нет, не было такого. На них просто не обращали внимания..." (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Самохвалова)

"- Баба Тоня, а бывало так, что в старое время между соседями ссоры возникали? Сейчас-то я знаю, как живут: чуть чего - и сцепились. А вот в старое время какие были причины для ссор между соседями? Вообще, - ссорились соседи?

- Да нет, Валерька, тогда как-то не ссорились... Как-то все были самостоятельные. Ну, вон там, навверху, на Нетужилковке, в Курмыше, были такие, которые раньше в "очко" играли. Играют, играют, а потом возьмут да заспорят... Это я, Валерьк, про Нетужилковку калякаю. Вот там эдакие были.

А тут, у нас, в Улице, в Сибире, - как-то все самостоятельно жили. В "очко"-то не пойдут играть, ни за что!! Да и раньше-то, видишь, что было? - раньше не приходилось спорить. Ведь у каждого своя полоса была! Ведь это сейчас, в колхозе-то, как? - он нынче украл, а я - нет! Как же так?!.." (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Тырышкина)

Таковы основные нравственно-психологические доминанты междворовых отношений в доколхозное время. Формулируя очень приблизительно, их можно определить так: "дружба", "вражда", "подчеркнутое равнодушие".

Вместе с тем в текстах воспоминаний время от времени попадаются абзацы и строчки, свидетельствующие о том, что народ прав, утверждая: "не стоит село без праведника". Время от времени в воспоминаниях возникает образ смиренного, кроткого, покорного судьбе, осторожного и деликатного человека, отношения которого с односельчанами никак не попадают в число сформулированных выше нравственных доминант, поскольку они сложнее и тоньше.

Это - не дружба, не вражда, не герметичное равнодушие. Это - иная, трудноопределимая позиция. Но она, как мне представляется, способна служить точкой отсчета, безусловной "моральной шкалой", которая в экстремальных (как, впрочем, и во вполне нормальных) ситуациях только и может оказаться единственно правильной мерой оценки людей и событий.

Раннеколхозный двор

А. Поводы дворовых контактов и отношений

Работая над систематизацией информации, характеризующей раннеколхозные порядки в отношениях дворов, я попытаюсь сохранить ту же систему аналитических индикаторов, которая сложилась при рассмотрении доколхозных междворовых отношений. Это необходимо как для констатации исторически устойчивых форм контактов между крестьянскими дворами, так и для наблюдения над изменениями, происходящими в этой сфере деревенской повседневности.

Итак, рассмотрим группу "хозяйственно-организационно-экономических" контактов. В раннеколхозное время такого рода междворовые отношения стал во многом опосредствовать колхоз. Именно через посредничество коллективного хозяйства крестьянские дворы вынуждены были, занимаясь повседневными хозяйственно-экономическими делами, общаться большую часть времени.

МИР РОССИИ. 1996. N3

Но и в этих изменившихся условиях поддерживался привычный, во многом неформальный, основанный на прочно укоренившихся деревенских традициях "рисунок" междворовых связей. В крестьянских воспоминаниях эта специфика прослеживается достаточно рельефно.

"В то время работали дружно - на лошадях пахали, мужики поедут на пашню. "Первое Мая" был небольшой колхоз, все люди были хорошие. Работали дружно". (Сибирь, Шабаново Кемеровской области. Шабанов)

"- А раньше люди дружнее жили?

- Дружнее...

- Вместе что-то делали?

- Да все делали!.. В первые-то годы скотные дворы все были саманные. И вот все пацаны топчутся, глину месят - ночами. Много работали, а сейчас - нет. Это мы тогда скотные дворы, коровники колхозные строили. Кошары были, овец держали. И пасека была. Потом ее в тайгу увезли, а потом продали ее - пчел всех распродали". (Сибирь, Торопово Кемеровской области. Тарасов)

В следующем отрывке из крестьянских рассказов прошу обратить внимание на самую последнюю фразу. На мой взгляд, она очень важна для понимания специфики раннеколхозных междворовых отношений, в которых во многом сохранились единоличные пристрастия и привычки семейного крестьянского хозяйства.

"- Я помню такое дело... Наше село тянулось далеко - около пяти километров. До половины села речка текла близко от деревни, а тем, кто остался от речки далеко, приходилось на лошадях возить воду.

Вот, на сборне собрали всех мужиков и говорят: "Сколько мы неудобств испытываем из-за того, что речка далеко ушла, - давайте разделим этот участок и каждый прокапает канаву, чтобы речка пошла напротив самых огородов! А со временем и русло сюда пойдет..."

Мужики собрались, порешили, каждому дали участок. Я свой участок тоже помню. Вот, не помню, сколько там было метров, но мы копали, и родители наши копали. А на следующий год речка пошла по этому руслу - неширокая, примерно с один метр шириной. По этому каналу пошла вешняя вода, залила луга. В середине лета вода спадет в речке, и мы ходили туда. Каждый очищал свой участок русла от сушняка, всевозможных наносов. Потом, - мы уже стали большевиками, - ходили рыбачить на это русло: рыба там пошла. Она уже стала шире-шире идти.

Сейчас это русло основное, а Старой речки теперь уже нет. Новое русло называется старым именем Косьма. На этой сборне все эти вопросы решались - те, что касались общих интересов.

В основном же - каждый себе..." (Сибирь, Шабаново, Кемеровской области. Рудаков)

"- Как колхоз начался - не было кадров, а работать надо было. Начали распахивать и залежи на тракторах этих, и обрабатывать землю стали. Но в большей мере работали, конечно, на лошадях. Что это - несколько тракторов на весь колхоз?! Так что и пахали на лошадях, и сеяли на лошадях, и убирали на лошадях. В том числе и руками ведь еще работали!

Сеяли тоже руками - сеялок тогда не было, не хватало. Лукошко вешали и ходили, семена разбрасывали по полю...

- Даже в колхозное время?

- Да, даже и в колхозное время! Даже до 1933, до 1934 года это практиковалось. Ну, нечем было сеять, а жить-то надо было!.. Ну, мужчины организовались и пошли. Сеять - значит сеять, другое делать - значит другое!

Кто-то подвозит, кто-то подносит, кто-то ходит с лукошком, сеет... А народ-то все же понятливый, умный был. Крестьянин - он и есть крестьянин!.. Значит, нынче если посеяли руками, то денег дадут полежать зерну на земле, чтобы оно прогрелось на солнце. А потом пускали бороны, заваливали.

Тогда больше сеяли под бороны. Это вот сейчас сеялкой сеем. И говорим: "На восемь сантиметров семена нужно заделать..." А тогда на это никто не смотрел: как оно легло, семя-то, так оно и лежит. Некоторые зерна, может быть, и наружи оставались, птица их склевывала, а большинство - заделывали бороной. Особенно если с ней проедешь и вдоль, и поперек поля...

Но хлеб-то - родился? Родился! Жили мы?! Жили!...(Поволжье, Тепловка Саратовской области. Рычагов)

В разряд "хозяйственно-организационно-экономических" отношений дворов необходимо отнести и контакты, продиктованные необходимостью совместного

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

выживания семейных хозяйств, реализуемого через систему мелких и крупных актов взаимопомощи, взаимоподдержки, взаимовыручки. На первый взгляд, картина, характеризующая объем и интенсивность подобного рода отношений в эпоху раннеколхозного двора, мало чем отличается от той, которая была нарисована в воспоминаниях респондентов о доколхозной деревне: та же открытость, та же безотказная готовность к помощи, та же неформальность в определении и возврате трудового и финансового вклада соседей в твою нужду.

"- Народ очень бережливый был друг к другу... Вот, - я живу и у меня посев есть. И я подготавливаю женщин выжать поле. Прибежут человек полдесяток у меня. Пожнут у меня. И надо их вином угощать. За помощь - только угощенье.

А если дом строить, то каждый сам себе строит. Вот, если мне надо, то поможет сосед. Если свободен - сосед, если нет - то соседи. А вот еще лес-от худо давали. Давали 9-10 дерев бесплатно. Кому надь строиться, то я беру у соседа, опять на другой год отдаю! Каждый год так. Бесплатно. Заготавливают материал. А строить помогали родственники. Соседей приглашали, но только за деньги. Ведь раньше дешево все было! (Смеется.)". (Север, Кобелево Архангельской области. Богданов)

"Раньше общения у людей было больше - не было телевизоров. Люди искали место, сходились вместе, квартиры были больше... Старые в карты играли, молодежь песни пела под гитару или мандолину. Помогали друг другу свободно - картошку собрать или коня поводить. Это делали безотказно. Попросишь - помогите...

То же самое и я, сказали - помочь, и я пойду, помогу. Не пойти - это уже было бы неприлично. Осудят люди, если не ответить на помощь!.. Бывают и споры, - сойдутся и ругаются. Но особенных споров нет. Скоро и помирятся..." (Нечерноземье, Сиговка Тверской области. Мельников)

"- Когда вы дом перестраивали, - вы все сами с мужем делали или кого приглашали?

- Нет, нам помогали. Мы никого не звали строить дом. Все сами пришли. У нас ведь Флавиана обожали мужики!.. Мы на двадцатый день домой перешли. К Флавиану все пришли, и все пришли помогать в отработку. Вот, второй сын ходил, отработывал, помогал людям тоже. Мы ведь денег-то не платили..." (Север, Кобелево Архангельской области. Попова)

Однако в воспоминаниях крестьян, относящихся к этому времени, слышится некая дополнительная нотка, становится заметен некий добавочный оттенок, усложняющий и обогащающий довольно ясную и простую картину соседских отношений в период существования раннеколхозного двора.

Полагаю, что в приведенных ниже примерах прочитывается мысль о том, что семейный двор, - как бы ни был он открыт и доступен сельскому обществу, "миру", - все же одновременно и особая, в меру закрытая, относительно автономная хозяйственная и социально-культурная система. Можно сказать, что двор как семейное хозяйство как раз и находится, "удерживается" в точке динамического равновесия центробежных ("от двора" к "дворам") и центростремительных ("внутри двора" от "дворов") социально-экономических и морально-нравственных акций, обусловленных деревенскими традициями и неписаными правилами сельского общежития.

"- Соседи между собой хорошо жили, а помогать - так у всех же огород, своя полоса!.. Так всяк свое и работал. Как тут помогать?!.. Ну, помогали, конечно, помогали. На похороны, или еще в нужде какой, - попросишь - помогали. Но надо угостить было - и едой, и выпивкой... Что тогда, то и теперь... Нашу семью уважали в селе. А родителей?.. Тогда ж жили всяк сам по себе. (Нечерноземье, Свищево Тверской области. Лаврентьева)

И если попробовать аналитически "подняться" от двора и села на уровень общества, можно, как мне кажется, сделать такое обобщение: какой бы ни была государственная экономико-политическая машина, крестьянский двор будет стремиться занять в ней особое место, одновременно и связанное с государственным "силовым агрегатом" (политическим, экономическим, финансовым, ресурсным и т.п.) и, по возможности, - отключенное, независимое, в меру далекое от него. "Нам

бы никакой власти не надо!" - так сказал об этой особенности семейного двора один из поволжских старых крестьян В.И.Воротников.

Следующая разновидность междворовых отношений - "празднично-досуговые". Но, прежде чем перейти к их характеристике, отвлекусь ненадолго в область методики систематизации первичного материала. Думаю, что мои соображения на этот счет отражают специфику преданализа и говорят о его объективных трудностях и о возможных способах их преодоления. Дело здесь заключается вот в чем.

Работая над предыдущим текстом, я стремился как можно более аккуратно и бережнее "разбирать" синкретичные крестьянские воспоминания на отдельные отрывки и цитаты, ориентируясь при этом на принятую в начале работы периодизацию. Иначе говоря, буквально каждый процитированный выше отрывок был "приписан" к вполне определенному этапу эволюции повседневного существования российского крестьянского двора.

Но вот настал момент, когда я вынужден отступить (разумеется, временно) от этого жесткого правила. Причина этого - своеобразие материала, который я намерен ввести в данный раздел анализа. Для характеристики "празднично-досугово-бытовой" стороны междворовых отношений я хочу использовать фрагмент из разговора с Иваном Васильевичем Цаплиным. В нем, как мы увидим чуть ниже, сравнивается "раннеколхозный" и "новейший" порядок повседневных междворовых контактов.

Этот не очень длинный текст, в котором мысль и чувство рассказчика неоднократно "перебрасываются" из прошлого в настоящее и обратно, настолько целен и эмоционально выразителен, что у меня не поднимается рука, чтобы пунктуально "стричь" его на отдельные отрывки и затем "рассовывать" их по соответствующим историческим этапам эволюции двора.

Повторяю: это, конечно, против принятых мною ранее правил систематизации материала. Однако данная ситуация, когда "разорвать" текст почти невозможно без ощутимых смысловых потерь, в ходе преданализа возникает то и дело. Более того, она типична, поскольку отражает специфику первичного материала, собранного в рамках социологического исследования. И, как мне кажется, будет методически и аналитически оправданным, если этот интегральный, трудноделимый, проникнутый цельным и отчетливым чувством фрагмент беседы с краснореченским мельником и валяльщиком Иваном Васильевичем Цаплиным останется в его первоизданном виде. И пусть сам читатель мысленно "разнесет" крестьянские характеристики изменений, происшедших в непроизводственных взаимоотношениях семейных дворов, по строгой хронологической шкале.

"- Раньше-то вот какие были соседи... Вот сейчас, в это время, • ночи стали длинные. Осенью-то... (Диктофонная запись данной беседы состоялась 17 ноября 1992 года. - Валерий Виноградский).

А я курил раньше. Встаешь утром, - бабушка печку затопляет. Тогда ведь каждый день печку топили: блины пекли, молоко квасили... Ну, встаешь, идешь к соседу, насидишься, наговоришься, накуришься! Потом идешь домой. Вот так вот...

А сейчас?! Сейчас друг к дружке совсем не ходят. Это какая хрен жизнь?!.. Вот, скажем, пол-литра у меня есть, - примерно. Так я ее норовлю выпить один, украдкой. Кабы кто не пришел!

Вот, вчераш пошел подстригаться. У меня была бутылка. Пошел к брату двоюродному, подстригся. Ну, и увел его сюды • идем, мол, ко мне, выпьем. А его жены не было дома... Ну, он выпил, ушел домой. Так она, когда тоже домой вернулась, меня всю ночь кляла - зачем я ему выпить поднес?! Вот такие стали люди! А он мне - двоюродный брат, родня...

- Значит, раньше соседи были как-то больше доступны друг другу?

- А то разве как сейчас?! Сейчас - никаких соседей нет! И никакого сейчас разговору нет!.. Друг от дружки сейчас воруют, и крадут, и боятся друг дружку. А тогда не боялись...

Вот тогда были гулянки! Как вот, от нас, и до самой до Любы Шишкиной - всех приглашали

в одну компанию. Как зарядят, - лети ж твою мать!..

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

Вот тут - два стола стоят, и вон там тоже два стола стоят. Плясали!.. А у меня были тогда пчелы. Бабушка моя нальет меда в чашки. А они медом пятки смажут и по столу пляшут. Это - для куражу! Да и пятки-то липнут к столу, - шум, гром, потеха...

- А это в каком же году-то было?

- Да это все было уже при колхозе. И до войны так было, и после войны. Люди тогда дружнее жили, чем сейчас!.. А Горбачев - это собака. Собака!.. При нем все люди друг к дружке охолодели. Это он, Горбач, всех расстроил. Всех поссорил между собой! (Стучает по столу кулаком. Молчит. Пауза.)

- А, вот, помочи раньше были? Шли люди на соседские помочи? Отказа соседу не было никогда?

- Вот я помочи делал... Это - когда я дом строил, и когда надо было его мазать. Глины намали тремя лошадьми, все село сбеглось и за два часа, - за два часа всего, слышишь! - всю избу и замазали. И тут же, - отмыли руки, - гулянка пошла! Чай, готовишься к этому, к помочам-то, припасеешь, самогонку гонишь, закуску жарить-паришь...

- А, вот, ссоры между соседями раньше были? И если были, то по какой причине?

- Да ну, это... (Уклончиво.) Всякая причина была. Чай, смерть найдет причину!.. (Смеется. Хитро смеется.)

- А сейчас ссорятся?

- Да вот я тебе говорил: меня брат постриг, я ему налил, а его жена на меня пошла копной, - это ты, мол, Иван, его затравил! Страмит меня... Да, чай, у него своя голова на плечах есть!.. Если я не хочу, - попробуй, затрави-ка меня! Ну, это я примерно говорю...

Соседи, Валерка, раньше лучше были, - не как сейчас. Куды ни пойдешь - отказу никакого нет. А сейчас, тур твою мать, - все прячут друг от дружки!..

Вот, слушай-ка... Вот, раньше, я помню, - я еще небольшой был. Вот, где сейчас Тонька Тырышкина живет, - за ней, там, еще один дом там был. Растегаевы там жили. Уж их никого нет...

И он по зимам все время к нам ходил, - делать-то в это время не хрена было. Постелят тулупы на пол - в тулупах они ходили. Постелят они тулупы, сидят все на полу, курят. Рассказывают про эту заваруху, про семнадцатый год.

И вот, сидят, курят... Припасут тыквенных семечек, лузгают. А пить - не пили совсем!" (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Цаплин)

Для полноты картины приведу еще три отрывка из крестьянских рассказов, характеризующих некоторые важные детали празднично-досуговых контактов дворов. Заметно, что в них вся деревня превращалась на время в один большой, дружный и веселый двор.

"- Отмечали раньше не только религиозные праздники, но и советские. Составляли списки участвующих, не обязательно только соседей, и по очереди ходили праздновать. В селе очень любили петь. Пели и женщины, и мужчины. Особым шиком считалось "так запеть, шоб лампа загасла" - от сильных голосов". (Сибирь, Александровка Новосибирской области. Сапунова)

"- Молодежь в селе хорошо жила. Увлечься было чем. Вот, зимой делали беседку, на беседку ходили. Когда ко всем по очереди, чаще - когда выкупали беседку, деньги собирали и платили. Не хочешь - не ходи. А если не заплатишь, то тебя и не пустят. Но большинство девки платили, потому что девкам надо было где-то место...

Потом изба-читальня была. Она организовалась уже в колхозе. Был даден отдельный дом. Книжек там не было. Было радио, шашки, домино, бильярд. А читать-то там нечего было. Этот дом колхоз у хозяина специально откупал. У него было два дома. В одном доме он жил, а в другом избучитальню сделали. Уже не знаю, как этому хозяину платили, но только этот дом все равно хозяйским считался. Вечером там народ собирался, весело было". (Нечерноземье, Свищево Тверской области. Смирнов)

"- У нас еще с первых лет коллективизации очень много вели пропаганду отдыха. А крестьянин считал большим удовольствием и отдыхом, если он на своей полосе. Работает он, и если у него все "клеится" - хорошо. Лучшего отдыха и не надо...

Раньше организаторов, по-моему, не было. Обязательные выходные, праздники, в большинстве религиозные, как-то сплачивали людей. Мы жили на самом краю, - тогда после коллективизации многие разбежались. Напротив нашего дома возвышенность была, и там весной, - раньше, чем где-нибудь в другом месте, - земля освобождалась от снега. Там была полянка.

Весной, в выходные и в праздники, молодежь собиралась. Идут из деревни - гармонист, девки по одну сторону. За руки возьмутся - припевки, ну а мы, поменьше, - за ними, а еще поменьше - туда, подальше. Приходим на эту полянку - качели, играли в городки, по нашему - "бокалки". Среди девчо-

нок различали - серьезные, менее серьезные. Девчонок посадят на качелю, парни раскачиваются и думаешь: "Вот-вот перевернется!.." И так целый день..." (Сибирь, Шабаново Кемеровской области. Рудаков)

Что касается сведений о "воспитательно-судебных" отношениях дворов, то информация о них из крестьянских воспоминаний раннеколхозного времени исчезает. Это вполне объяснимо: новая хозяйственная власть приняла на себя и функцию судьи и экзекутора, тем самым оттеснив дворы и деревенское сообщество в целом от каких бы то ни было правовых и основанных на неписаных законах, на традиции инициатив.

Но зато в крестьянских рассказах, приуроченных к времени раннего колхоза, появляется новый информационный узел, определенным образом связанный с темой "охранно-судебно-воспитательных" междворовых отношений. Я имею в виду ряд дворовых действий, нацеленных на обеспечение имущественной и личной безопасности тех семейных дворов, которые подлежали раскулачиванию, ссылке, "корчевке", "верхушенью" и тому подобным властным санкциям.

Слушая крестьянские рассказы об этом, понимаешь, что предупреждения о грядущем раскулачивании - важный момент деревенской корпоративности, который возникает всегда, когда дворам (и селу в целом) грозит какая-либо опасность, навдвигающаяся извне, из постороннего, чуждого деревне мира.

И неважно, что (как сообщает в своем рассказе Иван Васильевич Цаплин) подобного рода предупреждения распространялись прежде всего на родню и на ближайших соседей. В российских деревнях того времени больше половины дворов были связаны узами кровного или семейного родства - близкого или далекого, уходящего корнями к пращурам и основателям рода.

"- А были ли у вас в хуторе люди, которые предупреждали, что будут кого-то раскулачивать? Соседи или родня..."

- Были, конечно! Вот, заседание идет, сельсовет заседает. Решают, кого будут раскулачивать. А какой-нибудь сознательный человек, член совета, видит, что собираются разорить соседа или родню, - он и подсказывает: "Слушай, ты гляди, берегись, - насчет тебя в совете разговор шел!" Ты, мол, подходящий для раскулачивания. Были такие люди, подсказывали..."

Да и я в то время был сколько раз в сельском совете исполнителем. При мне там, в совете, разговаривали про людей, обсуждали. Придешь домой, скажешь, вот этого обсуждали, вот этого ругали. Потом пойдешь, как-то предупредишь человека. Потихоньку. По-соседски..." (Юг, Атамановка Волгоградской области. Любимов)

"- А, вот, были ли такие люди, которые потихоньку предупреждали, что вас, мол, будут вскорости раскулачивать? Чтoб эти люди, которых собираются корчевать, что-то попрятали или же совсем уехали куда-никуда..."

- Да, были, конечно! Как же не было?! Ну, вот, свои люди... Вот, скажем, мол, сейчас Микулиных вот будут корчевать. Ну, так она прибегла, сваха-то, - она Федорова сестра была, Анюта... А ее свекровь к нам прибегла, Микулиных свекровь. Прибегла и говорит мне: "Тоньк, а Тоньк! Надо бы к вам добро перевезть. Вас-то не будут кулачить. Вы только отделились..."

А мы, и правда, недавно только отделились. И у нас еще ничего не было. Дом только купили мы себе... Ну вот, она говорит: "Вас не будут кулачить. Давай к вам добро перевезем..." Я говорю: "Сваха, а если докажет кто?.." А она: "Ночью! Чтoб никто не знал..."

Ну, они к нам все свое имение и перевезли. Ночью. Лошади копыта тряпками обмотали... Ну, а к ним пришли, а у них там нет ничего, нечего отбирать... Ну, и многие так делали.

- Ну, это ведь родственники ваши были?

- Родственники, да!.. Ну, еще и так, друг по дружке, убирала с глаз кое-чего..." (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Тырышкина)

"- А можно было предупредить какую-нибудь семью, что их будут сегодня вывозить? Ссылать?.."

- Да, да, можно было... Дроня-то, видишь, как смог ускользнуть..." (Сибирь, Шабаново Кемеровской области. Шабанов)

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

Но "в семье не без урода!.." Были в деревне дворы (прежде всего, бедняцкие), которые цинично, на глазах всей деревни, грабили и растаскивали ошеломленный, нокаутированный властями зажиточный, как правило, двор. Но таких рассказов в информационном массиве проекта сравнительно немного.

"- Добровольности при вступлении в колхоз не было никакой, все принудительно было, несправедливо. А ведь это все своим трудом было нажито..."

А активисты по дворам лазили да пьянствовали. Пики делали, в земле шарили, скрытое искали... Кулаков все обыскивали. А иногда соседи, те, кто знал, разбирали добро молча..." (Сибирь, Александровка Алтайского края. Гамзин)

Б. Нравственно-психологические доминанты отношений

Воспоминания о нравственно-психологической атмосфере в отношениях раннеколхозных дворов показались мне (в основной своей массе) гораздо более скупыми и, так сказать, "элементарными", чем это можно было видеть в рассказах о контактах единоличных семейных хозяйств. В них почти нет подробностей, деталей, почти не ощущается то, что можно назвать специфическим духом времени. С чем это может быть связано?

Может быть, с коллективизацией, резко и вдруг "упростившей" довольно прихотливое устройство крестьянской повседневности, в том числе и довольно сложную структуру междворовых отношений? Или же с тем, что былая социально-экономическая и нравственно-психологическая значимость дворов заметно померкла перед лицом вновь организованных в деревне политических, хозяйственно-экономических и моральных отношений?

Возможно и это. Возможно и иное. Возможна и комбинация различных факторов, разобраться в которых необходимо. Но, как мне показалось, и до анализа ясно, что "элементарность" эмоций в междворовых отношениях данного этапа эволюции семейного крестьянского хозяйства заметно преобладает, проявляется то и дело.

Вот как крестьяне вспоминают о моментах дружественности, взаимораскрытости и взаимопомощи в повседневном трудовом процессе.

"- Скажите, Наталья, а вот, чем именно то время было лучше по сравнению с нынешним? По вашему ощущению? По рассказам ваших родственников?"

- Чем то время было лучше?... Мне кажется - народ был лучше. Сплоченный был народ!.. Если идет, например, гулянка - то гуляет все село. Идет уборка - убирает все село..." (Поволжье, Лох Саратовской области. Бочкарева)

"- А как вернулся я из армии, в 1937 году, у меня друг был, Кнутов. Так мы друг без друга и жить не могли - и в работе друг другу помогали, и во всем. А как гуляли, так по неделе". (Сибирь, Александровка Новосибирской области. Сапунов)

"- В 1950-е годы все семьи жили одинаково. Было легче жить тем, у кого была поменьше семья. Все были очень дружные. В деревне тогда такая мода была: весной, когда коровы еще не все отелились, и не у всех молоко, то молоком делились. Вот, если у тебя молока нет, то обязательно: придешь домой и на крыльце уже горшки стоят - кто-то принес молоко.

Если у меня нет, - мне несут, а если у меня есть - я несу тем, у кого молока еще нет. Была еще и такая мода, что на праздник угощали сливками... Раньше сажали картошку все вместе, и вся деревня друг к другу ходит, пока все не справятся". (Нечерноземье, Сивовка Тверской области. Терентьева)

Все здесь по-деревенски просто и обыденно, нормально, никаких специфических (региональных и личностно-психологических) деталей. Можно, несколько заостряя формулировки, сказать: это - пустой, ординарный, необязательный, наполненный ностальгической вежливостью по отношению к минувшим жизненным порядкам

МИР РОССИИ. 1996. №3

разговор. Правда здесь лишь угадывается, и не столько в словах, сколько в интонациях рассказчиков.

Моменты же скрытой недружественности (при внешней благожелательности и приязни) также слегка угадываются в воспоминаниях крестьян, только как слабый сигнал сложности и неоднозначности в отношениях дворов. Уточняющие детали, оттенки, порой определяющие смысл рассказанного, отсутствуют.

"- Мы дружно жили. У нас хорошие были соседи. Сидоровы жили рядом, напротив - Кудинцевы. Овчинниковы были, и все хорошие были... И Кичапины хорошие были!.. Отношения хорошие были... А в работе друг другу - не помогали..." (Сибирь, Плотникове Новосибирской области. Маныло. - Подчеркнуто мной. - В.Виноградский)

В рассказах о празднично-досуговых отношениях опять-таки трудно найти особые нравственно-психологические оттенки. Все здесь просто и элементарно. Обычно...

"- С соседями всяко было. Людей тогда сильно много было. Раньше дружнее жили! Раньше без ругани, а сейчас только - "гыр-гыр-гыр!.." На пасху весело в деревне. А песен, а качелей!.. На каждой улице.

Песен пели очень много!.. Раньше весело было - и дуга, и колокольчики. Как май, так кругом сидят в разных местах...

- А особой дружбы с соседями не было". (Сибирь, Александровка Алтайского края. Беза)

"- В селе жили очень мирно, - не как сейчас. Мы даже не запирались - воровать нечего было, жили очень дружно. И Новый год справляли, и Первое мая, и октябрьские праздники... У нас в комму-не мужики пили на праздники только, четыре раза в год. И не потому, что были трезвенники, а потому, что больше, чем на четыре раза денег на водку не хватало". (Тверь, Городня Тверской области. Пету-

"- И жили хорошо, и здоровые были, и дружно жили, и не глядели друг на друга скосо, и все довольные были!... Одна баня была на весь край и все мылись в ней. Не то что сейчас, - в каждом дворе баня. И никогда никто не скажет: "Что, мол, ты идешь?.." Всем хватало как-то.

А сейчас живем по соседству, а соседи не здороваются никогда..." (Сибирь, Александровка Алтайского края. Сапунов)

Некоторым исключением в этом смысле является рассказ северного крестьянина Георгия Николаевича Козьмина. В нем содержатся выразительные детали, говорящие о том, что колхозный строй, существенно упростив междворовые отношения и начальственно их опосредствовав (вероятно, ненарочно, вероятно, без специального умысла!), все же не смог формализовать мощную тягу людей к прямому, непосредственному, многообразному, нерегламентированному и существенно оздоравливающему психологический климат деревни, общению.

"- А, вот, Вы были когда молодым, были праздничные гулянья?

- Да, были!.. Жили мы, вроде, плохо, неважно, а люди не горевали. Общались больше чем сейчас. Сейчас люди не общаются. Не только общение, а и свою-то родню порой забудут...

Жили в недостатке, а праздники проводили все: и Богородицу, и Николу, и советские праздники. И советские праздники проводили, и религиозные отмечали. Все отмечали. Соберутся - и обед в колхозе сделают. Каждый свое несет на стол, - у кого что есть. Пиво варили. Общественных пивоварен уже не было, так по домам варили. Колхоз что-нибудь немножко выделит: мяса, там, даст на праздник. Теленка зарежут...

- А где собирались?

- А у кого изба побольше, да где семья поменьше, да чтобы хозяйка организовать сумела. И проводили очень весело. Во время войны мы жили в лесу, я на лесозаготовках жил. В 1945 году я жил, - карточки, хлеба нет, но мы не горевали, весело жили. Придешь с работы, - только пятьсот граммов хлеба давали. Никаких приварков, никаких спецовок, - ничего не давали! Не то что сейчас.

Придешь, поешь, что есть покушать, и обязательно идешь в клуб. Собираются все и поют, и пляшут. Ежедневно ведь так, понимаешь, ежедневно!.. И в лесу, и в деревне. Если в клуб не пошли,

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

вечеринку такую устроят в бараке где-то. Там опять что-нибудь чудим. Жили дружно, хорошо. Пели и чудили!.. Жизнь текла интересно..." (Север, Кобелево Архангельской области. Козьмин)

В крестьянских воспоминаниях содержится и блок рассказов о подчеркнуто равнодушном отношении некоторых дворов к тем семейным хозяйствам, которые подверглись репрессиям во время коллективизации. Объяснить такого рода психологическую доминанту трудно. Но в рассказе тверда Валериана Колерова содержится микрооговорка, которая в данном случае может навести на истинный след. Я имею в виду упоминание Колерова о том, что крестьяне прохладно относились к судьбе тех дворов, которые по разным причинам определялись в деревне как "наши".

"- У нас раскулачивали, - Шишиху увезли. Основное дело она вела. Муж был на подхвате - воду привозил в чайную. Сослали Шелковых... Был еще Михайлов, волостной старшина. Дом, помню, был у него большой..."

Старшина был небогат. Но тогда старались сослать всех выбранных. А выбирали у нас толкового, грамотного, хозяйственного человека... Кулаки были налицо. В деревне раскулачиванию не радовались и кулаков не жалели. Отнеслись равнодушно. Никто не возмущался. Не было чувства, что это - наши, что их надо отстоять..." (Нечерноземье, Городня Тверской области. Колеров)

Примерно та же причина равнодушия к раскулаченным, но в очень скрытой, неразвернутой форме просматривается и в воспоминаниях сибиряка Степана Тарасова.

"- А раскулачивали только тех, кто держал работников? Или же всех подряд?

- Ну да, тех, которые держали работников, - этих кулачили больше всего. А так...

- А их жалели в селе, когда их в ссылку увозили?.. Ну, тех, которых раскулачивали?

- Да ну-у... Нет!.." (Сибирь, Торопово Кемеровской области. Тарасов)

Но гораздо более объемист и информативен массив воспоминаний, где рассказчики воспроизводят обстоятельства тех обыденных психотравм, которые были получены семейным хозяйством в процессе междворовых отношений, касающихся политической, экономической, имущественной и, в целом, социальной безопасности отдельного крестьянского двора. Недоумение и обида на представителей власти и на соседей, которые грубо вмешались в повседневную суверенность двора, остро переживаются крестьянами и сегодня, почти шестьдесят лет спустя.

Память об этом оскорблении, как мне показалось в ходе полевых социологических процедур, перешла у наших информантов на глубинный, так сказать, "социально-генетический" уровень. И, я думаю, в этом - возможное объяснение того непонятного и глухого недоверия крестьян к любым (не только аграрным) правительственным инициативам, которые имеют место сегодня, в середине 1990-х годов.

"- Под раскулачивание мы по-настоящему не попали, но в деревне поговаривали, что, мол, к Меркуловым, а, вернее, к Муравьевым, надо бы подобраться... Но ничего нас это не коснулось, - болтали и перестали... А болтали, я тебе скажу, кряду на всех, кто мало-мальски нормально жил. Кто не ходил с сумкой по дворам побираться Христа ради, кто кусочками чужими не пробавлялся, а сам старался работать..."

Ведь какой у нас народ был? Разный... Были и такие, которые всю жизнь ходили по соседям: то картошечки им дай, то хлеба кусочек, то крупки, то гвоздь... Сколько в то время таковых было?!.. Да немало..."

И вот они, эти побирушки-то, и говорили про тех, к кому ходили постоянно просить: "Вон он, мол, - богач. Его убирать, мол, надо..." Ведь в коллективизацию они-то всю судьбу и решали, эдакие люди. Они и командовали... Ну, не они сами, конечно, - и повыше их были. Но как чуть что, - их

МИР РОССИИ. 1996. N3

собирают и начинают с ними советоваться: что, мол, будем делать дальше, кого разорять?.." (Поволжье, Тепловка Саратовской области. Меркулов)

"- Налоги были большие: молоко - сто пятьдесят литров отдай, если есть корова. Мясо - пятьдесят килограммов отдай! И еще пятьсот рублей плати!.. И с меня, с девчонки, тоже требовали. Это было до войны еще. Я как-то зашла в сельский совет и говорю: "Вы что, шлюхой меня сделаться заставляете? Где же я такие деньги возьму?.."

Сдавали все в Лесном. Там и отмечали, кто сколько сдает. Да еще и требовали сдавать в определенное время. А народ этим днем друг на друга косится, - как бы кто в дом не влез, ведь у всех деньги лежат приготовленные..." (Нечерноземье, Свищево Тверской области. Теличко)

"- Вот они, - тетка Елена, и родители ее, - они побогаче жили некоторых. А тут были такие, - Шамши, вроде. Это - прозвище их. И вот они на родителей тетки Елены взвельись: "А-а, да они богачи! - выселить их..." На них, и на тех, кто побогаче, зло кое-кто на хуторе имел. И их выселили. А эти, кто на них зло имел, - они шубу у них забрали, сапоги, валенки, самовар... Себе забрали. Разжились за счет этих семей..."

Коллективизация, по сути дела, правильно делалась. Коллективизацию делали правильно. Но, вот, неправильно то, что, вот, они, начальники-то, - что они слухали своих подпевал!.. Свои же им все и передавали, и людей подводили под монастырь. И их сгоняли отсель... Так что свои все тут творили! Свои на людей поклепы чинили. И их ссылали..." (Юг, Атамановка Волгоградской области. Ключков)

"- Всех людей, которые чем-то выделялись, - их всех куда-то ликвидировали. Чего там говорить-то! Вот, у нас дед был, Григорий. А недалеко от нас жил, в соседях, Ефим Филиппыч. У него было два сына и две снохи. Они недалеко жили от нас... И вот этот Ефим у нас всегда по весне семена просил, у деда. И дед Григорий ему никогда не отказывал. И вот сын этого Ефима у нас в работниках работал, - когда хлеб зародится, он всегда у нас работал.

Теперича, когда дед бабушку увез, то он, дед, сюда опять приехал. Тут оставалась моя тетка, Груня. Она с 1918 года... Вот он и приехал за ней... Ну, днем дед где-то в посадках лежал, а вечером, как стемнело, он идет. Идет там, в конце хутора. Полежал там еще маленько в канаве, осмотрелся и встал.

И вот этот самый Ефим Филиппыч, который у деда хлеб просил и брал, - он шел в это время с плантации. А дед только-только дорогу переходил. И Ефим Филиппыч угадал дедушку Григория. Кричит: "Стой, Григорий Иванович!" Дедушка остановился. Ефим спрашивает, строго так: "Чаво пришел делать?"

Дедушка говорит: "Да вот, я пришел навестить своих, поведать, как они живут..." Тогда Ефим ему говорит: "А ну-ка, пошли за мной!.." Взял его, деда, и привел его к депутату Совета. Или как это тогда называлось? - к секретарю Совета, что ль? И говорит: "Вон, я врага привел! Куды его будем девать?!"

А чего ж, вечер на дворе... Секретарь говорит: "Да куды ж мы его будем девать-то?.. Веди его к председателю Совета..." Ефим деда Григория повел. Привел, а председателя Совета нету. Дед ему говорит: "Ефим Филиппыч, -пусти меня. Я куда не уйду. У меня тут дочка, Марфуня..." Ну, он взял его и пустил. Дед пришел к дочке, к Марфе, спрашивает: "Где Груня-то?" - "Да вот, так и так, - вчера они уехали..." И дед говорит: "Ну, прости!" И даже в хату не зашел. Говорит: "Мне надо отсюда быстрее уходить, - я попался!"

Это было дело в субботу. А утром в воскресенье я встала, ставни открываю, гляжу - Ефим Филиппыч идет с базов, подходит ко мне, спрашивает: "Где дед Гриша?.." А я и не знаю ничего... Говорю: "Ефим Филиппыч, да дедушки-то нету..." А сама-то не пойму ничего.

Ефим Филиппыч выругался: "Эх, мать его перемать!.." Пошел, все у нас в доме переглядел, полез на подловку слазил... Слезает, выходит, а я стою, ничего не знаю. А Ефим: "Ух, вчера еще надо было его ушкордать! У-у, враг он народа!"

- А как это - "ушкордать"? Что это такое?..

- Ушкордать-то?.. Ну, это просто!.. Это значит - удуть... (Юг, Атамановка Волгоградской области. Любимова)

Позднеколхозный двор

А. Поводы дворовых контактов и отношений

Схема междворовых отношений, актуальных для времени позднеколхозного семейного хозяйства, заметно отличается от картины контактов, которую мы могли наблюдать на двух предыдущих (доколхозного и раннеколхозного) этапах эволю-

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

ции крестьянского двора. Крестьянские представления об этой новой ситуации в отношениях дворов можно резюмировать, используя два коротеньких фрагмента из рассказов деревенских стариков.

"- В настоящее время нет никаких отношений с соседями - не ругаемся, но и не дружим. Я считаю, лучше ровно жить. Мы до них не касаемся". (Сибирь, Александровка Алтайского края. Ната-лоха)

"- Семьями дружат только родственники..." А какие семьи дружат, Александра Ефимовна не знает." (Сибирь, Александровка Алтайского края. Беза А.Е.)

Вглядываясь в детали этой новой картины, можно увидеть то, что называется "мерзостью запустения", как в повседневных хозяйственных делах, так и в повседневных отношениях людей. Я вполне отдаю себе отчет в том, что знаменитое библейское выражение не следовало бы употреблять всеу. Однако повод для этого, как мне кажется, более чем серьезный.

Ведь буквально на наших глазах, за какие-то двадцать пять-тридцать лет (начиная с 1960-х годов), произошло ошутимое перерождение самой "материи" междворовых контактов. Она стала, если так можно выразиться, злокачественной, - отсюда и беспорядок, бестолковщина и какой-то особый цинизм в хозяйственно-экономических и многих других общих делах, прежде связывавших крестьянские дворы в прочную и продуктивную систему. И не только дворы, но и деревни стали в это время иными. Некоторое представление об этом дают следующие фрагменты из крестьянских рассказов.

Обращаю внимание читателя на то, что в первом (сибирском) фрагменте Яков Степанович Шабанов противопоставляет доколхозные междворовые отношения позднеколхозным. Остальное - понятно из его рассказа.

"- Когда одиночно жили, бывало, всем обществом собираются. Объявят старику, - тому, кто собирал на сходню: он был бедненький, ему и платили за это, - "Давай, мол, обойди по деревне, позови на сходку!" Там, на сходке, решат: вот тут пруд сделать.

Как-то было все это артельно: кто - пласты делает, кто - камень возит, кто - чистит... Вот так плотину и сделают!..

- Эта мельница была общественная?

- Да, не частная!.. А воды в пруд набирали - другой раз из берегов выйdet!.. Хорошая мельница - она хорошо работала. И все другие тоже работали хорошо...

- А когда их сломали?

- Да вот уж в артелях мы были, а они все существовали. В Торопово и при колхозе она еще долго жила. А потом их сломали таким образом. В тайге заготавливали лес, а по этой речке стали сплавлять бревна на шахты, на крепление.

В Торопово лес выгружали. А зимой его возили на лошадях - штук десяток людей из колхоза пошлют и возят.

- А мельницу сломали - другую построили?

- Потом, видишь, какие были? - с электричеством. Внизу такое колесо, ремень... А то и с движком, - до электрической мельницы. Потом наверху, в Николаевке, вальцовую мельницу построили. Она работала года три. Потом мельник, - у него была одна нога, на протезе, - как помер, больше никто за это дело не взялся.

А потом там ведь много приборов - так хомяки все поели да растащили. А этот мельник до этого на старых мельницах все работал - и там, на вальцовке, у него хорошо получалось!..

Потом все забросили. А сейчас, если пекарню построят, - если бы своя мельница была, - смолоти бы! С государства хлеб бы не брали, а свой бы выпекали. А сейчас все колхозы навалились на государство.

- А что, раньше свой хлеб пекли?

- Ну, конечно, оттуда, от государства-то, не брали!" (Сибирь, Шабаново Кемеровской области. Шабанов)

"- Вот если сейчас по деревне закричат: "Общественное, мол, надо делать!..", - то все уходят, прячутся. Ну, водопой или прочее, там, - пруд, ну, в общем, все казенное делать - не выходят!.. Сгори,

МИР РОССИИ. 1996. N3

мол, оно все! И это потому, что ты испортил меня вдребезги! Я ничего не боюсь - ни тебя, ни наказания...

И до чего доходят!! Говорят: виноват, мол, Горбачев. Да разве он виноват, что безобразие такое сейчас творится?! Ведь это у нас с тобой гадость творится!..

И не трогай его, - ни на какую работу. А ежели тронули - сей же час крик, вой..." (Поволжье, Тепловка Саратовской области. Воротников)

Разумеется, у любого правила есть исключения. И любое обобщение допускает противоречащие основному выводу и не вмещающиеся в него моменты. Так и в нашем анализе: в крестьянских рассказах об отношениях дворов позднеколхозного периода отыскиваются фрагменты, где отчетливо видна ненарочная, растворенная в повседневных потребностях и делах забота о поддержании нормальных человеческих отношений между дворами и о психологическом здоровье деревни в целом.

"- С соседями я живу очень хорошо. Помогать, если я попрошу чего, они сделают. У меня радио не говорит, я к соседскому сыну пошла: "- Витя, у меня радио не говорит!" - "- Счас приду, тетя Настя, - посмотрю". Поглядел: "Тут у тебя все исправно, это почта виновата".

Я, если что помочь надо, то помогу... Как-то мы копали картошку. И соседка, вот, моя, - тоже рыла картошку. Ну, свою вырыла и бежит к нам. Я говорю: "- Нюра, хватит!" А она: "- Ты меня не гони, я пришла помочь, ты меня не гони!"

Я с соседями не ругаюсь. С соседями - разве можно?!.. Сосед - такой же семьянин. Я разок заболела, так пошла к ней: "- Нюра, ты толкони утром дверь, может я опрокинусь, помру, ночью-то". Я затворять не стала, она ко мне пришла: "- Ну, как ты?" Я говорю: "Да вроде ничего". Никогда не ругаюсь...

Были и другие соседи. И с этими жила хорошо". (Черноземье, Рыбное Тамбовской области. Сизова)

Кратко прокомментирую последнюю цитату. Обратите внимание: Анастасия Федоровна Сизова не говорит за всю деревню, а рассказывает о совершенно конкретных контактах с ближайшими соседями. И получается, что жить-то - можно!!.. Можно жить!!

Мне кажется, что, как бы плохо не отзывались нынешние крестьяне о междворовых отношениях, в деревне существовал (и, видимо, существует до последнего времени) какой-то таинственный механизм самосохранения дворов и всей деревни.

Не слишком добро относясь к соседям и к самому институту позднеколхозного деревенского соседства, сельские люди, как правило, властно обуздывают себя и свои возможные амбиции в минуты реальных соседских контактов. И если крестьяне, как говорится, не пластаются, стремясь во всем угодить и помочь соседу, - они все же никогда не отказывают ему в разных житейских мелочах, в вежливости, в охотливости и во внимании.

И все же общая ситуация, характеризующая отношения позднеколхозных дворов, скорее печальна, чем оптимистична. Из одной семейной истории в другую переходят негромкие жалобы одиноких деревенских стариков. Стариков, оставшихся без присмотра детей, которые разъехались в города, и соседей, которые просто отвернулись от людей, уже отработавших свой жизненный ресурс.

"- А, вот, когда уже в колхозе люди привыкли жить, - между соседями помощь тоже осталась? - Нет! Тут уж хуже стало... Нет, никто... Не помню я такого случая, чтоб взяли и людям помогли. Никого и не попросишь... (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Самохвалова)

Заканчивая систематизацию материала по данному аналитическому индикатору, хочу привести довольно длинный отрывок из воспоминаний Марии Ивановны Силкиной из тамбовской деревни Покрово-Марфино. На мой взгляд, ее подробный рассказ о строительстве колодца - своего рода краткая энциклопедия междворовых отношений позднеколхозного времени. Перед нами здесь предстают

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

"насквозь колхозные" дворы с их не слишком хорошими привычками и с их обыденной маргинальностью.

"- Раньше колодцы были большие, деревянные - из дуба. На нашей улице колодец был за два дома от нас, примерно за двести метров, - напротив Мишиных, что жили там раньше. Носила воду оттуда. Особенно, когда яблони посадили и огородик. Поливать ведь надо было много...

Сделал себе колодец сосед, что через дом живет, за Данилычем. А у нас еще не было колодца. Егор Иванович попросил у него провести трубы к себе. Тот согласился. Что ж, вода свежее будет, если ее забирать больше. Мы так и качали ее в бочку, а потом поливала я огород. Насос тогда был ручной. От трактора насос какой-то Егор Иванович приспособил.

И вот посадили мы весной огурцы. Одна пачку семян мы с Нюрой, женой Данилыча, на двоих разделили. Я поливала их каждый день. И они уродились у меня осыпанные. А у них ничего не уродилось. Она ж, Нюра, не поливала. Вот и позавидовала она...

Встаю как-то утром, - Егора Иваныча не было уже дома, - а сосед кричит мне: "- Вас побил!" А я ему отвечаю, что меня, мол, пуля не берет. Тогда он говорит, что порубили ваши трубы. Подхожу, и в самом деле: топором и скрепкой побиты они. Откопали и никак не могли сразу побить. Видать, это были бабы: Нюра, хохлушка и еще одна. Им же никак было сразу не разбить!..

Пришел Егор Иванович, а я ему и говорю об этом. Он молчком пошел, собрал наши трубы и домой их принес. Вот и говорит мне Егор Иваныч, - где бы трубы купить?.. Мы бы, мол, и сами построили себе колодец. И сказал, что видел у одного мужика в Тарбеевке трубы.

Я пошла туда. Вижу, лежат трубы вокруг омета... Спросила у него о покупке. Он поинтересовался - мол, зачем мне надо. Да, говорю, Егор Иваныч что-то собирается делать... А никто же не знал раньше, что из них можно делать. Это ж он на фронте был и там посмотрелся. И ведро с клапаном оттуда перенял...

Тогда ведь и печи русские стали выкидывать. С пол-войны это началось, когда мужики некоторые приходили домой. Вроде как чистота появилась, не так грязно от топки, дровами стали топить. Таган кто-то придумал тогда. Ведь удобная же штука получилась!.. Горит себе под низом, только подкладывает, да помешивай!..

Вот там, в Тарбеевке, я и купила две трубы по четыре метра каждая за двести рублей обе. Привезли их домой с Егор Иванычем... А было это дело, когда Наташке годик исполнился, то есть в 1958 году. С утра вместе с ним стали рыть. На четыре метра прорыли, а потом буром еще прошли на четыре метра. Бур Егор Иваныч взял на почте, - когда столбы ставили, то буром ямы под них рыли. Вот я с Егором Иванычем и копала колодец. Землю относил... Какая ж я тогда сильная была! - ведрами глину носила.

Мужики шли на работу утром и спрашивают у Егора Ивановича, что это, мол, будет?.. А он отвечает, что, мол, сами увидят, когда получится что-то. Он такой был, - не любил нахваливаться...

Вырыли мы яму, пробурили. Туда трубы вогнали, обратно землей забросали все. К вечеру уже было готово. Я убрала вокруг, подмела. Лишнюю глину отнесла на зады, - пригодится для чего-нибудь.

Мужики возвращаются, а у нас уже колодец готов. Они подивились, что так быстро и так чисто сделали. Егор Иваныч вынес литровую кружку, привязал ее к веревке и дал им воды попробовать. Вода вкусная у нас!..

Вот так мы себе и построили колодец. Считай, вдвоем с ним. Когда стали трубы загонять, то мне одной не поднять трубы. Позвали соседа одного. Он подсобил. А так все вдвоем сделали. Егор Иваныч сам ведро сделал с клапаном. Жаль только, что крыльцо близко и нельзя сделать круг, чтобы поднимать ведро не руками.

Гляжу, опосля, и другие соседи себе стали делать колодцы. У Данилыча трубы немного шире. Он колодец обделал снаружи и сделал сверху у него крышу, да круг. Брат, Володя, тоже сделал себе колодец. Но трубы, хоть и шире, чем у нас, а ведро не ложится. С клапаном ведро делают.

А колонки на улице поделали, но проку от них мало. За ними же следить надо!.. Но этим никто не занимается. Еще когда ставили, то по плану возле нашего двора должны быть. Да "Кулек" звал к себе тех, что тянули трубопровод и поставил им магарыч. Они возле него и сделали колонку. Ее трактор потом сбил. А восстановить - некому. Кое-как сделали. Камень поставили, дак на него и не заберешься!..

Когда свой колодец сделали, то поливать легче стало. И все же вручную натаскать воды в бочку нелегко...

Однажды Егор Иванович приходит и говорит, что насос есть электрический в магазине. Я так сразу пошла и купила его. Поставишь в колодец и поливаешь себе. И как-то мы забыли его снять на ночь и забрать в дом. Утром выхожу, - а его уже и нет. Кто-то утащил...

Другой купили. Но он не качает из колодца. Только из бочки. Туда же налить надо вручную... Один раз сидели - Егор Иваныч, "Кулек" и "Тархан" - как-то летом и выпивали. Я уже легла в двенадцать часов ночи, а они до часу сидели на крыльце. А утром проснулась я, глядь - нет насоса!..

Спрашиваю у Егор Иваныча, - не снимал ли он?.. Говорит, что нет. Так и второй электронасос уплыл от нас...

Теперь этот, новый электронасос, я уже как зеницу ока берегу. После полива снимаю и заново в дом. Ни за что не оставляю его!... (Черноземье, Покрово-Марфино Тамбовской области. Силкина)

Б. Нравственно-психологические доминанты отношений

В этом разделе я попытаюсь систематизировать те сюжеты из крестьянских воспоминаний, рассказывать о которых нашим собеседникам как-то неловко, неудобно. Реконструируя обстоятельства магнитной записи подобных бесед, я обнаруживаю в стенограммах и долгие задумчивые паузы, и стеснительное покряхтывание, и какой-то по-ребячески простодушный уход от основной темы разговора.

"Выделить наиболее уважаемых семей в селе не удалось: каждый знает себе цену и считает себя не хуже других. А может, и лучше!.. Обычно уклончиво отвечают: "Ну, все уважаемые...". Например, Матрена Леонтьевна Сапунова ответила: "Коргуны, Суховой - уважаемые..." (Сибирь, Александровка Алтайского края. Сапунова)

Это - не случайное высказывание. Подобная осторожность и уклончивость - прямой сигнал неблагополучия в междворовых отношениях. Отношения эти внутренне обострены, но перед приезжим социологом "сор из избы не выносят", хотя, разумеется, в сети отношений у каждого двора свое место, свой уровень, своя слава и свой позор.

Немало и вызывающе резких характеристик климата деревенских отношений. "Все люди в селе - плохие!" - так можно резюмировать этот блок высказываний.

"Семей в Александровке особо уважаемых не было. Говорит А.Е.Беза: "- Что-то я не заметила, что такие семьи были и есть на селе... Сейчас люди стали такие ехидные да брехливые.

А раньше - уважаемые были! Вот брата моего, Фильку, все уважали. Шибко он хороший "был". (Сибирь, Александровка Алтайского края. Беза)

"Соседи с 1964-го года у меня одни и те же. С соседями я живу хорошо. Я не ссорюсь!.. А, вот, кто жадный, - так он из-за борозды будет ругаться. Счас все какие-то злые стали!.. Но я не хочу ругаться...

Помогают соседи только злом! Больше нечем! Одним злом! Говорят: "- Я б вот жил, а ты - как хочешь!" Одним злом...

У нас че?!.. Один - хамает (то есть кушает, ест.- В.Виноградский), а другой - нет. И соседи на помощь не придут. Таких ситуаций мало, когда придут. Когда уж очень...

Раньше было повеселее. Не обуты, не одеты, а все соседи как соберемся и ржем, смеемся, как жеребцы. А счас что? Ты к крыльцу еще не подошел, а она, хозяйка-то, уже орет: "Ты там разуйся, у крыльца!" И не ходят друг к другу." (Черноземье, Рыбное Тамбовской области. Бабкина)

Одна из важных причин отсутствия дружелюбности в отношениях позднего колхозных дворов, это, несомненно, нестабильность в составе населения брежневской деревни. Вот как об этом говорят информанты.

"...А потом понаехало народу с разных мест!.. С кем у нас были хорошие отношения, - с теми они и остались. А с новыми мы не знаем..." (Сибирь, Плотниково Новосибирской области. Маныло)

"...А понятия "уважаемые" - такого нет в нашем селе. Шас такие отношения, - шас не поймешь: он сегодня приехал, а завтра уехал! Его и не знаешь..." (Сибирь, Плотниково Новосибирской области. Митраков)

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

Напряженность в отношениях порождается и завистью к удачливым воровским инициативам и махинациям соседей, которые, живя на виду у деревни, не могут, конечно, укрыться от внимательного и кропотливого соседского надзора.

"- Да и раньше-то, видишь, что было? - раньше не приходилось спорить. Ведь у каждого своя полоса была!.. Ведь это сейчас, в колхозе-то, как? - он нынче украл, а я - нет! Как же так?!" (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Тырышкина)

И, наконец, приведу (без комментариев) два записанных на Юге рассказа о междворовых отношениях позднеколхозного периода. Они - "сюжетны" и выразительны сами по себе.

"- А раньше связи между соседями лучше, крепче были? Чем, скажем, в последнее время?"

- Конечно, раньше лучше было... У нас, вот, два года назад поехал один товарищ в Березовку, в бане искупаться. А дом оставил. Отгеть приехал, а его дом сторел. И все!!!.. А люди там были, рядом. Но никто не стал замок сшибать, потому что никому не было поручено. А если бы он поручил, то я бы пошел, конечно, сломал бы замок, вынес вещи, начал тушить.

А как я буду ломать, если мне не сказано?! Скажут еще, что это я, ети твою в душу мать, - сломал, украл и поджег!.. (Юг, Атамановка Волгоградской области. Любимов)

Мавра Любимова: - ...Он эту доску схватил и погнал за ней, за Фроськой. Ну, я побегла ее отбивать. А он заскочил домой, доску бросил и схватил вот такую железяку - жену бить. Я подбегаю, а он и мне хотел дать. Кричит: "Макарьевна, я и тебя сейчас убью!.."

Я вернулась... Прихожу. Тут Лукич подходит, покойник. Наш друг. Ох, он как начал меня чесать, ругать: "Ты чего побегла ее спасать?! Она ведь все время смеялась над тобой! Да пусть они дерутся промеж себя!.. Так иху мать!.."

Вот, видите, какие же люди были? Суседи... Самые близкие суседи. Теперь вот я вам хочу что сказать? Про соседей... Вот, как мы трудно строились, а вот эти соседи и ухом не повели. У них и трактор в руках был, но они никогда нам ничего не подвезли... Ни-ни!

А у них и трактор, и лес, и все. И вот, чтобы они пришли и сказали: "Что вам подмогнуть?.." Никогда!

Нам, правда, Господь помог - наслал на нас хороших людей: Павла Ивановича и других. А то бы мы не знай сколько времени со стройкой тянулись.

А это - суседи! Родные суседи. И давно мы рядом живем! И не помогли нисколько, - только смеялись над нами... Я не хочу себя хвалить, но я - не могу так! Я - последнее отдам. Я - все разделю и последнее отдам... А вот они живут, - богатые! И к ним не подойдешь...

Софрон Любимов: - Ну и да черт с ними! Давайте про другое разговаривать!.. (Юг, Атамановка Волгоградской области. Любимовы - Мавра Макарьевна и Софрон Иванович)

Новейший двор

Отношения современных крестьянских дворов - интересная, но очень опасная в познавательном отношении тема. Я боюсь здесь ошибиться, боюсь упустить существенное, боюсь соскользнуть в очевидные и поэтому неверные выводы. По правде говоря, мне даже не хочется начинать систематизировать и комментировать полученные в полевых исследованиях крестьянские оценки отношений новейших дворов.

Потому что полностью доверять им и строить на их основе социологические обобщения - профессиональное поражение для социолога. Дело в том, что в отличие от более или менее объективной картины прошлого, воссозданной в разговорах крестьян, мнения их о настоящем очень и очень пристрастны. Поэтому я и боюсь ввести в заблуждение и самого себя, и читателя, который может всецело поверить тому, что рассказывают об этой стороне жизни наши собеседники.

А говорят они, по существу, о распаде нравственности, об утрате традиций соседского общения и взаимопомощи, о злобе и зависти, прочно разгородившей семейные крестьянские дворы. Причем подчеркнута отрицательная оценка новей-

МИР РОССИИ. 1996. N3

шего времени отмечается во всех тех краях, где мы записывали крестьянские рассказы.

Но, зная сегодняшнюю деревню, наблюдая сельскую повседневность в различных регионах России, я хочу защитить крестьян от самих себя. Я утверждаю, что норма все-таки систематически уравнивает патологию, что участливость, сердечность и доброта не исчезли напрочь из деревенского будничного обихода. Хотя многое увиденное своими глазами и услышанное от самих крестьян просто обескураживает и глубоко огорчает.

Думаю, что в негативизме крестьянских оценок картины отношений новейших дворов отчетливо прорисовывается не столько реальность, сколько состояние сознания сельского населения, внезапно оказавшегося в необычной социально-экономической ситуации, попавшего в реформаторскую ловушку. В этой жизни - все немило. И деревенские старики хорошо понимают, что из этой тяжелой ситуации им уже не выбраться никогда, их жизненный ресурс - на последнем исходе. Волнуются они за судьбу своих детей и внуков. Отсюда - и постоянные срывы в невротическую раздраженность, и систематическое приукрашивание минувших жизненных порядков (своего рода сельский эскапизм), и недоумение, и стариковская растерянность перед жесткой новизной рыночных отношений.

Дело социолога - точно зафиксировать подлинный голос людей, болезненно переживающих настоящее время. И попытаться найти хотя бы отдельные знаки крестьянского оптимизма, поскольку именно оптимизм способен создать базу для связи социальных времен и обеспечить полноценное наследование важнейших черт крестьянского способа существования.

Разобщенность, противопоставленность, разорванность нынешних соседских связей - вот что более всего обращает на себя внимание при систематизации устных крестьянских историй.

"- Раньше люди дружнее жили. И не только соседи, а весь хутор наш был дружный. Сейчас-то - все богатые стали, у всех денег много завелось. И сейчас все - злые и ненавидные! А когда люди победнее были, вот они тогда друг друга уважали и друг другу помогали.

Сейчас ведь никто почти друг к другу не ходит... А раньше всю зиму, считай, дома не бываешь: все по людям ходишь, разговариваешь. А сейчас?... Чуть солнышко закатилось, и скорей-скорей двери закрываешь, закладываешь.

Да вот еще у всех телевизоры завелись нынче. Телевизоры зажгут и сидят как пеньки. А раньше всегда ходили друг к другу... Вот, раньше мы жили на Красеньком, по ту сторону речки. Там было семнадцать дворов. И все эти семнадцать дворов одной косилкой косили! М меж собой ладили!.. А косилка та была только у двух хозяев -одна на двоих. Но косили, считай, все-все...

Значит, - уступали друг другу, помогали. Все поломки, все ремонты вместе делали. А сейчас?!.. Один на другого косится. Ругаются, не ладят. Ну разве это дело?! Зачем ругаться, когда человек один раз на свете живет?.. Как ни ругайся - завтра все равно помрешь...

Сейчас в деревню выйдешь ночью - ни-ко-го нету! Прямо робость какая-то берет. И никуда со двора не шагнешь, - вдруг какие-нибудь дурачки нападут!.. Вот такая настала жизнь, ребята! Страшная!.." (Юг, Атамановка Волгоградской области. Карасев).

"- Сейчас, - пришли с работы и сразу все на замки замкнулись. Каждый в своем кутке сидит. И каждый старается друг друга сгрязти!.. Раньше жили духовно намного богаче. Связи между людьми были лучше. А сейчас - как-то разобщенно, враздобрь живем." (Север, Кобелево Архангельской области. Козьмин).

Весьма отрицательно характеризуется членами сегодняшнего крестьянского двора обстановка, в которой происходят контакты односельчан.

"- Спор сейчас много! Придешь в магазин, аж уши вянут, - что люди друг про друга болтают. Я им говорю: "Замолчите, надоели!.." Мы там, у магазина собираемся, - делать-то нечего. Вот и пересуды пошли. Быает и так, что годами друг с другом не разговаривают". (Нечерноземье, Свищево Тверской области. Теличко).

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

"- Так что, вот, - раньше только и жили мы! И ходили друг к другу- И не ругались ни хрена! А сейчас?! Гав-гав-гав, гав-гав-гав, - одна ругань!.. И куда это жизнь повернула, не знаю? И вся, вот, эта жизнь - она ведь на нашем веку изменилась. Все это на наших глазах произошло. Все на нашей памяти... Тур твою мать, - только голоденок было! Сколько войн!.." (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Цаплин).

Самое печальное в том, что в отношении новейших дворов все больше начали входить криминальные моменты. И в этом, на мой взгляд, проявляется уже такая степень отчуждения, разорванности дворов, за которой вполне может последовать развал деревни как крестьянского микрокосма, как сообщества людей одной социально-экономической судьбы. Это - реальная опасность, миновать которую можно не путем укрепления правопорядка, а лишь с помощью новой схемы кооперирования дворов, включения их в систему рыночных связей сначала на микрорегиональном, а впоследствии и на более высоком уровне. Крестьянское семейное хозяйство хорошо работает тогда, когда оно открыто внешнему миру, когда в нем нуждаются власти как самостоятельная производственная единица, неизбежны "выбросы" инстинктивного негативизма в форме воровства, невосприимчивости к нуждам и бедам соседей, систематических словесных перепалок и рукоприкладства.

"- Раньше-то у нас судьи не было. И никаких милиций не было. Один урядник. И мужики сами распоряжались, - наказывали тех, кто озоровал. Вот и все! А сейчас?! Какие там соседские отношения, о чем ты калякаешь?! Это стыд-позор! Я, вот, ему (кивает на соседский дом за забором) - ни хрена не доверяю. Ведь мы с ним только и знаем, как бы чего-нибудь спереть друг у друга! Что это за гадость такая!..

А ведь это все из колхоза пошло, милый мой! Ведь в колхозе работают только те, которые воруют. Потому что нам в колхозе ничего не дают, постоянно окорачивают да обещают. Вот и приходится воровать. Жить-то надо! Кормиться надо!.. Воруют... (Поволжье, Тепловка Саратовской области. Воротников).

"- За кормами сейчас обратиться не к кому. Никуда не пойдешь и нигде не достанешь. На животноводческом комплексе ничего не дают. И незаконно не достанешь - за этим свои же следят. Друг друга выследят и "съедят". Тут один механик утащил два мешка комбикорма с комплекса, и свои же работники видели. Донесли... Ему дали большой штраф, и его начальство разбирало. Но красть они, конечно, крадут, потому что пойти с деньгами и купить просто так - нельзя". (Нечерноземье, Свищево Тверской области. Теличко).

"- Раньше народ очень бережливый был друг к другу. У нас ведь не было замков, никогда. Давно ли замки появились?.. А то ведь уходишь, поставь палочку на крыльцо поперек - и все! Никто ничего не возьмет, не тронет... А сейчас дома сидим и засовом заложились! У меня, вот, позавчера картошку утащили, - сломали все двери. Банку трехлитровую огурцов унесли, трехлитровую же - грибов. А я их для сына берегла. Он работает главврачом в поликлинике, в Новгороде. Думала, - угощу его... Прошлый-то год не было грибов: одну, маленькую, баночку съели, а вторую, побольше, берегли. Так унесли все! И не знаю кто..." (Север, Кобелево Архангельской области. Богданова).

"В 1990 году семье Грибковых выделили участок брошенной земли, заросшей травой, кустарником, мелкими деревцами. Всего гектара два-три. Ее муж, зять и сын втроем ходили его расчищать, - поднимали целину, выкорчевывали пни, кусты, деревья. Достали семян, посадили кормовую траву. Она подросла, собрались уж косить, пришли, а там уже все скошено. Сосед, что напротив живет, опередил их. Они - в сельсовет: так, мол, и так. А там ответили примерно вот что: "Раз он скошил ваше, идите к нему и заберите..."

А как заберешь? Он уже сено на свой двор привез, теперь не поймешь, где у него свое, а где - чужое. Так и остались ни с чем. И никакой управы на соседа не нашли. На следующий год, пока думали: сеять или не сеять и что именно сеять, - совхоз сам запахал и засеял их участок, благо он примыкал к совхозному полю. Но раньше-то он был заброшен, им не занимались, а теперь Грибковы его расчистили - теперь все в порядке, теперь можно и попользоваться..." (Нечерноземье, Городня Тверской области. Грибкова).

Такова общая картина. Она, как я думаю, верна лишь приблизительно. Но все же ее основные детали указывают на некие существенные сдвиги, происшедшие в нынешней деревенской жизни. А именно: человеческие связи рвутся, распадаются. И в труде, и в соседском общении, и в быту. Что же приходит на их место? И что

может прийти? Будущее покажет. А пока же крестьяне сами дают ремонт своим утомленным жизнью душам.

"Сейчас - нехорошая жизнь!.. Сейчас все чего-то ждем плохого. Кабы не было этого проклятого телевизора, так меньше слышали бы про плохое!.. Сейчас старух много в селе. Сидим, сидим, да кто-нибудь возьмет и догадается: "Давайте скдадемся да выпьем!.." Тотчас одного за водкой посылаем, а другие бегут до дома за стряпками. Вот так и живем, так и дружим..." (Сибирь, Александровка Алтайского края. Беза).

II. КРЕСТЬЯНСКИЙ СЕМЕЙНЫЙ ДВОР КАК СУБЪЕКТ РЫНКА:

ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Уже сам вопрос о перспективах и возможностях "рыночной судьбы" современных крестьянских семейных хозяйств (крестьянских дворов) может с первого взгляда показаться несколько анахронистичным и надуманным. В самом деле, стоит ли серьезно думать о том, что современный крестьянский двор способен хоть в малой степени "профилировать" региональный продовольственный рынок, влиять на его товарную структуру и насыщенность? Разумно ли полагать, что фундаментальные общецивилизационные процессы перехода от натуральных к индустриальным средствам производства и связанное с этим объективное понижение значимости мелкого семейного хозяйства как производительной и потребительской единицы, вдруг замедлятся или даже остановятся? И не является ли наблюдающееся сегодня некоторое распространение мелкого индивидуального производства и возникновение альтернативной системы продовольственного снабжения (и самоснабжения) лишь индикатором разрушения крупного товарного производства и общего кризиса форм сельскохозяйственной социалистической практики? Не должно ли научное сознание быть направленным в основном на обоснование путей возрождения крупных рыночных сельскохозяйственных образований? И, в итоге, не является ли сама постановка данной проблемы ("крестьянский двор и его рыночные перспективы") результатом некоторого познавательного заблуждения и известной общественной нервозности, порожденных отчаянной ситуацией в постсоветском сельском хозяйстве?

Действительно, еще только лет пять-семь назад постановкой всех этих вопросов можно было бы просто пренебречь, занявшись заведомо более важными и перспективными проблемами (поскольку в научном и политическом сознании господствовала парадигма прогрессизма, модернизации, перестройки всего традиционного и устаревшего). Крестьянский двор в этой познавательной ситуации просто исчезал из поля зрения многих обществоведов, как неперспективная, постепенно отживающая свой век структура. Теперь же, в середине 90-х годов, дело обстоит намного сложнее и интересней, - общество вынуждено искать новые ресурсы экономиче-

ского выживания и социальной стабильности. Это заметно во всех областях соци-

ально-экономической реальности, в том числе и в существовании крестьянства. К тому же время заметно перестраивает стратегию и тактику крестьянской повседневности и заставляет сельских жителей изобретать новые - комбинационные и мультисистемные - способы взаимодействия двора и рынка, новые формы производства, потребления, организации труда, а также поиска мест и способов приложения производительных усилий. При этом "новое", появляющееся как бы ниотку-

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

да, часто оказывается прочно забытым "старым", уже испробованным, но остановленным в своем нормальном, эволюционном развитии. В этой ситуации обращение к опыту прошлого - не столько интересная в познавательном отношении экскурсия, сколько возможность практически поднять полезные и сегодня пласты исторического времени. Тем самым, появляется возможность объективного восстановления некогда произвольно выброшенного из сельскохозяйственной практики и не получившего в свое время шанса органически развиваться и исчерпать себя. Появляется возможность, так сказать, "залатать" ту огромную прореху в социально-исторической практике семейного крестьянского двора, которая образовалась с момента директивного насаждения в России коллективных форм аграрного производства и, в определенной степени, коллективного, стандартного потребления. История в живом сцеплении ее различных обстоятельств, разумеется, невоспроизводима. Но нереализованные возможности, заложенные в историческом опыте, продолжают ждать условий своего творческого развертывания. Они живы именно как возможности, как потенциал будущих сценариев развития.

Таким образом, вопрос о крестьянском дворе как субъекте рынка (в частности, рынка продовольственного) оборачивается более широкой проблемой смысла и форм исторического движения социальных групп и общества в целом.

Куда и как движется крестьянство? Каковы условия его повседневного выживания и воспроизводства как особой социальной группы? Что оно бросает и за что берется в ходе социально-экономических перемен, приобретающих в последнее время форму системного кризиса? Вот, в конечном счете, те главные вопросы, на которые нужно стремиться отвечать.

С самого начала следует сформулировать основные ориентиры того проблемного поля, в рамках которого уместно рассмотрение темы об эволюции и возможных перспективах крестьянских семейных дворов как субъектов региональных продовольственных рынков России.

Для начала необходимо дать по возможности простые ответы на следующие фундаментальные вопросы: Что такое крестьянство? Что такое крестьянский семейный двор? Что такое рынок для крестьянского двора и какова история их взаимодействия? После этого можно будет сформулировать представления о способах и перспективах включенности среднестатистического крестьянского семейного двора в систему регионального (местного) продовольственного рынка.

Крестьянство

Опираясь на опыт изучения сельского хозяйства и села в работах ведущих современных крестьянологов (Теодора Шанина, Роберта Редфилда, Фэй Сядуна), а также суммируя взгляды российских социологов и экономистов (Александра Чаянова, Николая Макарова, Алексея Челинцева и др.), крестьянство (крестьян) можно определить как мелких производителей, работающих на земле при помощи простых орудий производства с использованием труда членов собственной семьи, производящих в основном для собственного потребления и выполнения обязанностей по отношению к обладателям экономической и политической власти. Это наиболее краткое определение родовых свойств крестьянства. Более широкое определение крестьянства должно, по-видимому, отражать его следующие черты: характер семейных производственных единиц, "традиционное" сельское хозяйство как основное занятие, его жизнь в составе небольших сельских обществ, а также его включенность в особые общественные отношения, связанные с подчиненным положением крестьянства в обществе.

Таким образом, в определении крестьянства предполагается наличие специфических единиц социальной организации, так же как и его особых экономических, политических и культурных черт. Категория крестьянства должна отражать взаимозависимость этих характеристик и не может сводиться к какой-либо одной из них. Однако речь идет не только о последовательности взаимосвязанных черт. Во-первых, эта последовательность определенным образом иерархически организована, причем главными чертами в определении крестьянства надо считать социальные и экономические черты, характеризующие крестьянское семейное хозяйство. Во-вторых, понятие крестьянства предполагает преемственность, коренящуюся в характерных моделях социального воспроизводства. Иначе говоря, крестьянство является социальной подсистемой, довольно успешно сохраняющей собственную структуру. То, как эта "система" работает, не предполагает, конечно, непрременной и обязательной неизменности, однако серьезно ограничивает изменения, замедляет их и лимитирует его модели, не давая (или пытаясь не давать, или формально отступая) реформаторам произвольно изменять крестьянство по собственному желанию.

Последнее, на мой взгляд, есть важнейшая особенность крестьянства, проявляющаяся с разной степенью выразительности и силы (равно как и хитрости, и обманчивой покорности) практически в любых его повседневных действиях и оценках.

Крестьянский двор

Крестьянский двор является основной ячейкой крестьянского общества. Природа крестьянского двора составляет самую важную общую характеристику крестьянства как специфического социального феномена и является важнейшим источником типовых черт, свойственных любому крестьянскому обществу мира. Крестьянский двор характеризуется степенью слияния жизни крестьянской семьи с ее крестьянским трудом. Крестьянская семья представляет собой основную рабочую силу, занятую в хозяйстве, а хозяйство в основном направлено на удовлетворение основных потребностей семьи и на выполнение повинностей, налагаемых обладателями политической и экономической власти. Те существенные различия, которые существуют между крестьянствами разных стран и внутри самого крестьянства, не затрагивают сути этой классификации.

Т.Шанин, детально проанализировавший историю крестьянства в нашей стране, пришел к выводу, что российский крестьянский двор на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков почти в точности соответствовал этому общему типу. В "Новом энциклопедическом словаре" Брокгауза и Ефрона сказано, что "русское крестьянство в главной своей массе ведет потребительско-трудовое хозяйство, целью которого является удовлетворение потребности хозяйствующей семьи, средство - рабочие силы той же семьи, без эксплуатации или с очень ограниченной эксплуатацией наемного труда".

В принципиальном смысле эта общая характеристика вполне применима и к современному крестьянскому семейному двору: его цели и средства остались в основном теми же, что и сто лет назад.

Крестьянский двор в России, как правило, объединял кровных родственников двух или трех поколений и их супругов. Однако основным показателем принадлежности к данному двору было не фактическое родство, а полная включенность в жизнь хозяйства. Это единство подразумевало совместное проживание под патриархальной властью главы семьи, совместный ежедневный труд, "общий кошелек", а также то, что каждый член семьи осознавал себя частью единого целого. Таким

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

образом, каждый, кто входил в семью путем брака или усыновления/удочерения, становился ее полноправным членом, включая право на собственность, в то время как кровный член семьи, который отделялся и начинал жить своим домом, считался посторонним, "самостоятельным", "живущим от себя", как говорят в деревне.

Крестьянское хозяйство функционировало как тесно спаянная единица социальной организации, в которой действовало традиционное патриархальное разделение труда, власти и почета. Обычно главой крестьянского хозяйства был отец семейства или самый старший член семьи мужского пола. Его власть над остальными членами семьи и над всем хозяйством означала как право самолично всем распоряжаться, так и обязанность защищать и опекать семью. Крестьянский двор был основной единицей производства, потребления, владения, политических союзов, социализации, общения, моральной поддержки и взаимопомощи. Общественное положение и самооценка крестьянина внутри его общины в решающей мере определялись общественным положением двора, к которому он принадлежал, и его положением в нем.

Типичное крестьянское хозяйство в России представляло собой небольшое сельскохозяйственное предприятие, основанное в главном на вековых способах обработки земли и сельскохозяйственных орудиях, на общинном севообороте, семейном труде и конной тяге. В основном крестьяне занимались выращиванием зерновых. Крестьянская жизнь и труд были основной формой профессиональной подготовки молодого поколения, а обычаи - их главными учебниками и справочниками. Объем рыночных и денежных отношений ограничивался объемом производства, которое определялось уровнем потребления, небольшим количеством излишков, а также слабым развитием профессиональной специализации сельского населения. С другой стороны, этот объем постепенно повышался под давлением налогов, арендных плат и выкупных платежей, появлением в деревне промышленных товаров и дополнительной занятостью в отхожих и кустарных промыслах, которые приобретали все большую роль как дополнительные или альтернативные источники доходов для крестьян. К тем же результатам вел постепенный рост производства и появление новых рынков для сельскохозяйственных товаров.

Деятельность внутри большинства крестьянских хозяйств была направлена в основном на то, чтобы свести концы с концами - то есть заплатить подати и не дать семье голодать. Чертами, сильно отличающими крестьянское хозяйство как производственную единицу от капиталистического предприятия, были преобладающее использование семейного труда, высокая доля внутреннего потребления, "традиционные" методы производства, относительно низкая товарность и отсутствие явно выраженного счетоводства в денежном выражении.

Работа хозяйства складывалась в соответствии с демографическими циклами семьи, а повседневная жизнь определялась потребностями и сезонностью традиционного сельскохозяйственного производства. Природа и типическая семейная история обусловили своеобразно укорененный циклический ритм повседневной, годовой и многолетней жизни в крестьянских хозяйствах, который часто имел большее непосредственное значение, чем великие циклы внутренних и международных рынков товаров и труда.

Бюджетные исследования - крупнейший российский вклад в современную методологию исследований по крестьянскому вопросу - представляют собой богатый источник дополнительной информации о том, как функционировали крестьянские хозяйства. Суть этой методологии состояла в детальном представлении и анализе отношения "затраты-выпуск" внутри выборочно взятых крестьянских дворов на протяжении одного сельскохозяйственного года. В бюджетных исследованиях ясно дана сложная, но компактная картина моделей производства, включая обработку

МИР РОССИИ.

земли и животноводство, сбор урожая и переработку сельскохозяйственной продукции, а также отхожие промыслы. Результаты этих исследований последовательно продемонстрировали, что в крестьянском хозяйстве основная доля затраченного труда приходится на семейный труд, что наблюдается физическое разделение источников дохода на сельскохозяйственное производство, направленное на собственное потребление, и на деятельность с целью извлечения денежных доходов, характер которой был различным в различных регионах. Зависимость благосостояния от экономической стратегии крестьянского двора может быть эксплицирована в виде параболы: для самых бедных дворов наблюдается тенденция к большей доле в общем доходе семьи от отхожих промыслов, для большинства "средняков" доход в основном обеспечивался работой в собственном хозяйстве, а для богатых хозяйств опять повышается доля дохода от некрестьянского труда (в основном "предпринимательство").

Денежные доходы повторяют эту картину; однако необходимо иметь в виду, что заработки и продажа продукции на рынке давали менее половины среднего крестьянского дохода. В потреблении самая большая доля приходится на еду (особенно зерновые и картофель), очень маленькая доля на мануфактуру, чай и керосин, практически ничего на "культуру" (например, книги), и очень немного вкладывается в покупку сельскохозяйственных орудий. Оказалось также, что практически не наблюдается различий в качестве и ассортименте товаров, потребляемых различными слоями крестьянства.

Бюджетные исследования и параллельно проводившиеся исследования миграций сельского населения продемонстрировали также, что сезонные и даже постоянные работы в городе были зачастую тесно связаны с функционированием российского крестьянского хозяйства и определялись его потребностями. Один и тот же человек мог одновременно заниматься крестьянским трудом весной и осенью, плотничать в городе летом и рубить лес зимой. Однако в России сельский труд был менее гибким, чем, скажем, в современной Латинской Америке. Большинство российских крестьян занимались только сельскохозяйственным трудом.

Все эти характеристики, относящиеся к крестьянству начала века, сегодня, разумеется, несколько устарели. Но если заменить отхожие крестьянские промыслы на труд в коллективном хозяйстве и проследить оставшуюся сумму характеристик крестьянского двора, то можно утверждать, что за прошедшие десятилетия не произошло никаких радикальных изменений. Исключением являются годы, когда вследствие укрупнения коллективных хозяйств и ликвидации разветвленной социально-инфраструктурной сети деревню начали покидать молодые члены крестьянских дворов, и последний на время потерял свою демографическую полноценность и способность к воспроизводству. К настоящему времени эта ситуация заметно изменилась - сохранившиеся крестьянские дворы растят детей, которые не столь решительно, как раньше, рвутся из деревни в город.

Таким образом, перемены, происшедшие с крестьянским двором почти за столетие, не смогли принципиально поколебать двор как систему производственно-экономических и социально-культурных отпращиваний. Устойчивость его качеств перевешивает изменения. И это обусловлено тем, что крестьянское семейное хозяйство остается элементарной трудовой и потребительской единицей социальной организации, обеспечивающей возможность органического существования его членов. В этом - историческая инвариантность, родовое качество крестьянского двора.

Рынок и крестьянский двор (эволюция и итоги)

Специфичность исследуемой темы состоит прежде всего в том, что она требует довольно глубокого погружения в социально-экономическую историю крестьянского двора. Сделать это непросто, поскольку традиция досконального анализа крестьянской семейной экономики была прервана с уходом из науки в 1930-е годы выдающегося русского крестьяноведа Александра Чаянова и прекращением систематических полевых исследований (прежде всего бюджетных) крестьянской семейной экономики. После А.Чаянова последняя изучалась не столько как самостоятельная полиструктурная институция, сколько как подчиненная интересам коллективного аграрного хозяйства, вспомогательная, маргинальная хозяйственная практика. И не случайно сами понятия "крестьянский двор", "крестьянская экономика" и т.п. на целых 60 лет почти совершенно исчезли из научного словаря социологов и экономистов, заменившись стыдливым и узким термином "личное подсобное хозяйство".

Поэтому первое научное усилие в разворачивании темы должно по необходимости состоять в том, чтобы восстановить главные контуры эволюции крестьянского семейного двора с начала 1930-х годов по настоящее время. Во второй половине 1994 года мной была написана пятисотстраничная рукопись под названием "Российский крестьянский двор: эволюция повседневного существования". В ее основу положены материалы и результаты трехлетнего полевого социологического исследования истории российской деревни. Здесь я изложу основные выводы этого текста, добавив к ним соображения моих коллег (в частности, О.П.Фадеевой), с которыми мне пришлось обсуждать некоторые проблемные повороты, касающиеся изучения эволюции двора.

Наиболее полное представление о состоянии крестьянского хозяйства в преддверии коллективизации относится к позднему периоду единоличной жизни - "эпохе НЭПа". Характеристика крестьянского хозяйства в период революции и гражданской войны, политики продрозверстки более размыта, хотя и здесь имеются воспоминания о том, какие действия в отношении хозяйства крестьянской семьи предпринимались вооруженными отрядами "белых" и "красных", каким был первый пробный шаг советской власти в деле прямой конфискации сельхозпродукции с крестьянского двора. Так, например, в Сибири действовали специальные вооруженные переездные отряды по обмолоту зерна, обмолачивающие и забирающие у крестьянина его хлеб.

По материалам проекта можно восстановить доколхозную систему земледелия в разных регионах. Она имела сильные региональные особенности: достаточно сравнить Сибирь и Поволжье - в Сибири "бери земли сколько хочешь", а в Поволжье земля дается только на членов семьи мужского пола. Анализ эволюции двора как субъекта рынка предполагает изучение правил и процедур выделения земельных участков (пашня и сенокос) на семью, количество выделяемой земли, механизмы передела земли, внутрисельских институтов, отвечающих за эти вопросы, возможностей, которыми располагала семья для решения своего земельного вопроса. Оценки респондентов позволяют описать состав и оснащенность крестьянского хозяйства, включая дом и постройки, орудиями производства (с его региональными различиями и имущественной дифференциацией как внутри одного региона, так и в межрегиональном разрезе).

Важны также описания реалий крестьянской жизни того времени - сезонная занятость членов семьи, подробности крестьянских буден в летнее и зимнее время, случаи аренды земли одной крестьянской семьей у другой, используемый наемный труд в селе того времени - кто кого нанимал, для каких работ и на каких условиях,

объединение усилий и сельскохозяйственных орудий разных семей - совместный труд ("супруга") или работа по очереди в разных хозяйствах.

Семейные истории дают информацию о распределении обязанностей в семье этого времени - как делилась работа, в чем рациональность подобного распределения труда. Для нужд хозяйства, которое было главным для крестьянской семьи, привлекались все без исключения - и дети, и старики. Причем вклад детей в трудовой процесс был весьма существенным: это и ранняя работа в поле или по хозяйству, когда взрослых нет дома, а в беднейших семьях - найм на работу в другие семьи. Зачастую занятость домашними делами мешала детям, особенно девочкам, учиться в школе - в крестьянской семье грамотность ставилась ниже трудовых навыков. Старики также по мере сил участвовали во всех делах, и даже тогда, когда этих сил не хватало, не лишались заботы и опеки со стороны семьи или всего села. Сравнивая прошлое и настоящее, наши рассказчики часто называли именно это обстоятельство важным отличием того и этого времени.

Единоличное хозяйство второй половины 1920-х годов перестает быть натуральным и приспособляется к рыночным отношениям. В материалах имеются данные о том, что именно крестьянская семья вывозит на рынок, и на что, в первую очередь, тратятся вырученные деньги. Кроме того, для получения денег достаточно широко используется институт отхожих промыслов - во время, свободное от занятия земледелием, крестьянин стремится заработать деньги извозом, заготовкой дров, плотницкими работами и т.д. (спектр этих работ, характерных для разной местности, также входит в объект анализа). Например, в Сибири этот период характеризуется быстрым оснащением крестьянского хозяйства средствами производства: деньги идут главным образом на новые сельхозмашины или на расширение хозяйства - покупку лошадей, молочного и мясного скота. Лишь незначительная часть денежных средств тратится на предметы потребления (одежду, обувь), а из продуктов - только на то, что семья сама не может произвести: соль, сахар и пр.

Здесь стоит отметить, что и рынок подстраивался под нужды крестьян. По воспоминаниям сибирских, саратовских, тверских, царицынских респондентов, действовала целая сеть частных магазинов, занимающихся продажей сельскохозяйственного оборудования, причем эта торговля часто производилась в кредит: учитывалось то обстоятельство, что деньги крестьянин может получить только к осени, хотя затраты он должен сделать заранее. Эта сезонная особенность принималась в расчет и в неформальных товарно-денежных отношениях - продажа продуктов (например, торговля мясом в летнее время - саратовские семейные истории) и оказание строительных и прочих услуг "в рассрочку", а также всевозможные обмены зерна на что-либо и часто распространенный способ продажи мелких товаров, например, конфет за куриные яйца.

Крестьянская семья, помимо продуктов питания, в большей степени самостоятельно обеспечивала свои нужды в одежде, частично - в обуви, мебели. Многие семейные истории содержат подробный рассказ о технологии производства льняных, шерстяных и других видов тканей (начиная от выращивания сырья и заканчивая подробностями ткацкого мастерства), и тонкостях тогдашней "моды" - что носили и в каких случаях, рецептах заготовки продуктов и приготавливаемых блюд, изготовления посуды и других предметов домашнего обихода. На своем дворе крестьянин много умеет делать сам - починить, подладить, - обращаться каждый раз к мастеру ему было "не с руки". Этот пласт, высвечивающий умения и мастерство крестьянства (идущее от натуральности его хозяйства), помимо его исконных занятий на земле дает и картину наследования этих умений детьми - оно было как бы произвольно, но в то же время неизбежно. Дети начинали все это делать очень рано, учились у взрослых, часто просто наблюдая за их работой, хотя есть воспо-

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

минания и о том, когда дети-подростки или уже взрослые люди сознательно шли учиться каким-то занятиям к местным мастерам. Воспоминания о том времени изобилуют рассказами о местных умельцах и внутрисельской системе снабжения и переработки сельхозпродукции: тогда действовала целая система выездного обслуживания, когда мастера на время приезжали в село и выполняли работу, находясь на довольствии семьи.

После неудачных попыток организации коммун, когда семья полностью лишалась всего, что ей принадлежало, вплоть до птицы и мелких орудий труда, колхозное строительство заметно порушило институт крестьянского хозяйства, но не подрубил (и мне кажется, сознательно) его окончательно. В колхоз "национализировались" земельные наделы, лошади, сельхозорудия, хозяйственные постройки и часть сельскохозяйственных животных. Оставляемый минимум включал небольшой земельный участок, одну корову, какое-то количество овец, свиней и пр. - все это учитывалось и отслеживалось вплоть до начала 80-х годов, хотя нормы состава личного хозяйства за это время несколько увеличились и степень "ответственности" за их нарушения также со временем смягчалась.

Вывод о сознательном сохранении личного подворья (хотя и в очень урезанном виде) основывается на анализе той роли, которую оно играло как для самой сельской семьи, так и для "государства". Почти все респонденты говорят, что в колхозе вплоть до середины 1950-х годов (исключение составляют предвоенные годы) труд колхозников был почти неоплачиваемым, и основным источником продуктов питания для семьи оставалось ее хозяйство. Кроме того, в этот период крестьянское хозяйство давало немало продуктов и денежных поступлений в "закрома государства", которые выкачивались с помощью налогов, займов и других поборов. Причем колхозники были вынуждены продавать или обменивать что-то из хозяйства для того, чтобы рассчитаться с предъявляемыми обязательствами. Рассказы о сборе налогов показывают, с какой жестокостью и бездумностью действовала государственная машина - например, для погашения мясного налога налоговый агент уводил из крестьянского хлева небольшого теленка, не дожидаясь окончания лета или будущего года, когда теленок подрастет и "потянет" на двойную норму, и при этом что-то останется семье.

Лишение крестьянского семейного хозяйства земли определило конец натурального производства одежды, заготовки и переработки сельхозпродуктов - перестали сеять лен и коноплю, не стали ткать и шить, забылись особые рецепты получения растительного масла, засола мяса и прочее. Кроме того, прежняя сельская система снабжения и частных услуг также была уничтожена - частные магазины были закрыты, а новые, советские, в селе были открыты лишь после войны. Шли гонения и на прежних мастеров, которые определялись как частные производители, единоличники. Инфраструктура местного регионального микрорынка была окончательно поломана. Крестьянину трудно было что-либо купить или продать. В результате сельская семья осталась разутой и раздетой, а денег, чтобы купить, у нее не было. Часто, судя по рассказам людей, стояла дилемма - есть или одеваться (продавая, как правило, в городе то, что можно съесть самим), - и выбор делался в пользу первого.

Другим результатом этого процесса стали нарушения в механизме наследования умений и специальностей. Пока были живы старые мастера, что-то сохранялось, но они не смогли подготовить себе смену, также и дети тех крестьян, которые застали единоличное время, уже не владеют всеми трудовыми навыками, что есть у их родителей. Произошло простое событие - в семье перестали это делать, и дети не смогли этому научиться. Что касается навыков земледелия, возделывания отдельных культур и выращивания сельхозживотных, то они сохранялись достаточно

долго. В ранних колхозах, которые были небольшими и использовали простейшие орудия труда, основы земледелия были традиционными, - в колхозах выращивались почти все культуры, которые были и в единоличных хозяйствах. Удар по этому был нанесен в конце 1950-х - начале 1960-х годов, когда был взят курс на объединение, увеличение коллективных хозяйств и их строгую специализацию.

Колхозы также внесли изменения в систему межсемейного разделения труда, существенно сократили время на занятия своим хозяйством. Респонденты отмечают, что по сравнению с единоличным хозяйством труд в колхозе для женщин стал тяжелей, она стала выполнять больше той работы, которая до этого считалась мужской - таскать тяжести, пахать, даже на коровах (что, конечно, было невыносимо в своем хозяйстве), на поле стали ходить пешком, а раньше добирались на телегах. Можно сказать, что прежде распределение сил было более гуманным, шадящим и рациональным, хотя и тогда труд женщин нельзя было отнести к легким занятиям. Важно проанализировать также и то, как поменялась вся внутрисемейная система разделения сил - изменение роли детей и стариков.

Примерно до середины 1960-х годов личное хозяйство и личные нужды колхозников почти не брались в расчет: так, для того, чтобы накормить свою корову, семья должна была изыскать время и найти место, где бы накопить сено, и это нужно было сделать не в ущерб работе в колхозе. Поэтому часто косили для себя ночью, а утром бежали на колхозное поле. Особенно тяжелая ноша выпала на женские плечи в военное время, когда женщина - оставшаяся глава семьи тянула и колхозную лямку, и работой в своем хозяйстве в прямом смысле обеспечивала выживание себе и своим детям.

Такая безысходность, особенно в войну, нередко толкала людей на воровство, люди выживали, только если могли что-то взять из отходов хлебокомбината или на колхозном поле, хотя за это сильно наказывали. Вообще, семейные истории позволяют "устаами крестьян" проследить зарождение и развитие воровства в колхозной системе. Люди говорят, что в период единоличной жизни "все жили честно", взять что-то с чужой полосы считалось грехом. Методы образования колхозов и раскулачивания породили невообразимый прецедент воровства, который дальше расширяли новая местная правящая колхозная и советская элита. Многочисленные запреты и неоплата труда, вынуждали воровать и рядовых колхозников. Сначала эти попытки сдерживались сильной карательной системой, но затем, когда она смягчилась, воровство стало неотъемлемым элементом в отношениях между личным подворьем и коллективным хозяйством.

Следующим важным этапом в процессе трансформации крестьянского хозяйства стал период правления Хрущева - "маленковская" отмена жестоких налогов. Это по времени совпадает с переходом к денежной оплате труда в колхозах. И эти два обстоятельства стали основой значительного повышения благосостояния сельской семьи - именно на это время приходится начало массовых покупок одежды, предметов обстановки, более частым становятся случаи личного жилищного строительства (которое, правда, в 1970-х годах стало более "колхозным" - коллективные хозяйства получили возможность вести строительство домов и хозяйственных построек для своих работников). Но "хрущевский" период характерен попытками "закрытия" личного подворья (и об этом также имеются воспоминания - как и кем это делалось), окончившимися неудачей.

Начиная с середины 1960-х годов, когда была изменена государственная политика по отношению к аграрному сектору, начинается постепенное сближение интересов коллективного и личного хозяйств. Коллективным хозяйствам стало разрешено зачислять покупаемую у населения сельхозпродукцию в объем произведенной хозяйством продукции, между личным подворьем и колхозом-совхозом возникли

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

производственные связи: семья брала на откорм колхозный-совхозный молодняк, который затем возвращала в "коллективные стойла", получая оплату за прибавку веса. Возник своего рода "внутрихозяйственный рынок, и семейный крестьянский двор стал его полноправным субъектом: не случайно воспоминания об этой стороне жизни окрашены, как правило, позитивно.

Нужды личного подворья стали постепенно признаваться - стали решаться вопросы его кормовой базы (либо выделением сенокосных угодий, а в некоторых хозяйствах - выделение кормов на заработанный в колхозе рубль), выделения тракторов для вспашки и других работ на подсобном участке, продажа молодняка колхозом-совхозом, начала организовываться система заготовки "личной" сельхозпродукции. С 1970-х годов система заготовки включала два канала - продажа или обмен на корма и дефицитные товары молока, мяса и другой продукции колхозам-совхозам и заготовительным организациям системы кооперативной торговли. Все эти меры способствовали усилению экономического интереса колхозника в ведении своего личного хозяйства, которое начинает выходить на рыночно-товарные рубежи (но здесь имеют место заметные региональные особенности) и по вопросу денежной оплаты конкурировать с работой в коллективном хозяйстве. Однако эта конкуренция не могла быть решена полностью в пользу личного подворья, так как, во-первых, достаточно долго существовали ограничения на его состав и использование орудий производства, крестьянское хозяйство оставалось чем-то подсобным, по-прежнему ресурсы для его развития, и прежде всего земля, выделялись по остаточному принципу, а во-вторых, колхоз являлся для личного подворья источником - легальным и нелегальным - получения кормов, техники, транспортных и других услуг. Колхозник научился "оптимальным образом" комбинировать различные способы получения кормов и других ресурсов, продажи своей продукции (если нужно льготное снабжение - то через колхоз, если нужны деньги - на городском рынке, если нужно купить "дефицит" - по встречной торговле с заготконторой) и т.д. Например, сельская семья, заключая с хозяйством договор о выкармливании телят, получает от него корма, которые может использовать при откорме собственных свиней, а для откармливания телят привлекать заготовленный собственными усилиями корм.

Многие семьи планируют не только лучший способ производства продукции, но и потребления, например, телят на крестьянском дворе зачастую выкармливаются для продажи, а для себя здесь растят поросят, баранов и пр. Встречались случаи, когда для того, что обеспечить бесперебойное снабжение мясом, семьи договариваются между собой о поочередной помощи друг другу свежим мясом - например, сначала одна семья заколет поросенка, поделится с другой семьей, которая, в свою очередь, когда эти запасы истощатся, заколет своего поросенка и вернет "долг".

К сожалению, семейные истории содержат гораздо меньше материала о "позднеколхозном и новейшем" крестьянском семейном хозяйстве - так получилось, что в них сделан упор на события пред- и коллективизационной поры. Но все же я попытаюсь на конкретных примерах показать особенности современного состояния крестьянских семейных хозяйств.

По моим наблюдениям, в последние годы буквально на глазах происходит расслоение деревни и по уровню зажиточности, и по способам повседневного выживания. Но здесь более важна впервые появившаяся тенденция: неодинаковость хозяйственной практики дворов и несхожесть их жизненных программ "наложены" на гораздо более высокий, чем когда бы то ни было, уровень зажиточности и богатства. Накопления и приобретения позднеколхозного двора - материально-вещественная база двора новейшего.

В чем состоит богатство новейшего двора? Если, рассказывая о дворе позднеколхозном, крестьяне сосредоточивались на довольно узком круге показателей (деньги, дом, мебель, машина), имевших косвенное отношение к крестьянскому хозяйству, то, говоря о современном дворе, рассказчики, как правило, расширяют набор индексов зажиточности, включая в него уже специфические деревенские ценности (скотина, удобные хлева и сараи, трактора, различные инструменты и т.п.). Мне показалось важным и интересным, что информанты пытаются дать представление не только о количественной разнице богатства новейших дворов, но и (и это новый момент в их рассказах!) зафиксировать качества богатства, его, так сказать, нацеленность и "ассортимент". Но экономически двинулись вперед далеко не все новейшие дворы. Те семьи, где нет молодого поколения, живут в соответствии со своими скромными возможностями осилить дворовое хозяйство.

Судя по рассказам респондентов, работа в коллективном хозяйстве, - в акционерных обществах, товариществах, кооперативах и т.п., - не очень волнует членов современного двора. Зато все продуктивные усилия развернуты сегодня в сторону собственного хозяйства. Когда читаешь эти отрывки из крестьянских рассказов, тотчас же вспоминается доколхозный двор, - как о нем нам говорили деревенские старожилы. В рассказах о новейшем дворе - та же обстоятельность, подробность, толковость, чувство целого, ясность и простота намерений, которые наблюдаются в воспоминаниях о единоличном хозяйстве. И что самое, на мой взгляд, важное: здесь прочитывается более или менее длинный план жизнедеятельности семьи. Но такой план, который состоит вовсе не из прожективных пожеланий, а воплощается в самом процессе работы, в размеренном, неуклонном ритме семейного дворового труда.

"Дома мы с Ниной не делим работу, кто когда свободен, тот тогда и идет кормить скот, так как работа есть работа. Бываем заняты и оба одновременно или по очереди. Чаще всего кормим вдвоем. Наша семья считает, что скот в деревне держать просто необходимо. Тому есть много причин, но одна из главных - иметь собственные продукты питания, в частности, мясо, которого в деревне в магазине практически не купишь. А в теперешние времена взяли еще и козленка - будущую козу, чтобы быть с молоком. Овцы - это еще и шерсть, кроме мяса. Теперь приходится считать все, но даже то, что не стало в продаже шерстяной пряжи, заставило держать их, так как носки шерстяные в сапоги нужны. Со скотом, конечно, хлопот немало - приготовить корм, накормить, убрать навоз. Кстати, навоз у теленка и поросенка убираем ежедневно, а от овец - один раз в месяц. Навоз вывозим к себе на огород. Хочется сказать, что за последние годы в Уткине многие семьи стали держать скот, которые раньше никого не держали. Осенью купили и коров и телок, но как будет с кормами, пока еще трудно сказать." (Север, Уткино Вологодской области. Арбузовы)

Проблема еды в современном крестьянском семейном хозяйстве решена не только в главном (необходимости прокормиться, чтобы выжить), но и в деталях (стремлении разнообразить свой стол за счет заметного расширения списка возделываемых овощных и плодовых культур). Это, разумеется, дается огромным трудом и заботой. Но двор вынужден идти на это из-за дороговизны продовольствия в магазинах. И в этом он отличается от позднеколхозного двора, который увлекался покупными городскими "деликатесами". Кстати сказать, нынешние крестьяне, по моим наблюдениям, очень критично оценивают потребительские качества импортных продуктов питания. А если и покупают что-то, то преимущественно сладости и жевательную резинку для детишек. В основном же едят натуральные продукты домашнего изготовления.

"Картофель, баранину едят с собственного хозяйства. Стараются питаться разнообразно, ни в чем себе не отказывать." (Север, Кобелево Архангельской области. Поповы)

"В настоящее время жители села, как и в 1912-1960 гг., живут на натуральном хозяйстве. Исчезли степные ягоды, зато собирают на своих садовых участках или в питомниках смородину, малину,

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

вишню. Очень много заготавливают компотов и варенья. В огородах выращивают помидоры, огурцы, капусту, картофель, свеклу, морковь. Огороды по 30-40 соток, можно взять и больше. Овощи солят и консервируют. Молоко, сметана, творог, сливки есть в каждой семье. С мясом проблем нет. Почти все держат коров и, естественно, есть телята. Овец, если держат, то не меньше 10 штук, свиней многие разводят. А птицу вообще держат все и помногу. Излишки яиц даже сдают в магазин. Многие мужчины занимаются рыбной ловлей - карась и гальян." (Сибирь, Александровка Алтайского края. Сапунова)

Очень характерно для современного двора следующее высказывание, которое в определенном смысле резюмирует проблему питания в сельской местности. "На вопрос "Бойтесь ли голода?" все утвердительно отвечают: "Нам голод не страшен. Это вы там в городе повымерете". (Сибирь, Александровка Алтайского края. Сапунова)

Вся проблематика экономического (и не только экономического) существования новейшего двора так или иначе вращается вокруг вопроса о форме собственности на землю. Во всяком случае, об иных проблемах крестьяне говорят мало.

"На вопрос, взяли бы они землю в пользование, коллективно ответили, что неизвестно. Почему ее будут давать, какой налог будут брать ..."

Крестьяне при всех сомнениях стараются опереться на собственный опыт. Одному из информантов по душе компактные колхозы. В этом я склонен видеть глущую, неосознанную тоску по крестьянскому двору, устройство которого, как говорилось выше, во многом повлияло на практику работы первоначальных колхозов.

"- А если бы такие маленькие колхозы остались, было бы лучше?"

- Лучше, потому что это хозяйство, дела небольшого коллектива крестьянину ближе, доступнее для понимания. Пример тому то, что многие хозяйства уехали после объединения. Потому что дела такого крупного хозяйства недоступны для его души. Огорчения, неудачи - до него это не дойдет, потому что огромное хозяйство далеко от него. Когда мы жили небольшим хозяйством, приходим на отчетное собрание: всем все понятно, где что делается: хорошее, не очень хорошее, где совсем плохо. Все это ясно. Переживают, принимают близко к сердцу, душе. А когда мы объединились в крупное хозяйство, крестьянина оторвали от этой жизни, ему теперь уже это недоступно, и он потерял свой смысл. Собрался, уехал." (Сибирь, Шабаново Кемеровской области. Рудаков)

Но гораздо больше внимания уделяется обсуждению различных преимуществ и трудностей единоличного крестьянского семейного хозяйства. Подобные разговоры можно обнаружить почти в каждой устной истории.

"- Без частной собственности и без спекуляции ни-че-го на базаре не будет!"

- А ведь Горбачев говорит, что не надо нам частной собственности... Ведь самое главное у крестьянина - это мое! Ты понял?! Мое!! Ты ведь у меня в дому ничего враз не стыришь! А в колхозе?! В колхозе-то я беру свое, - то, что раньше отдал... Тащат всю! И ничего там никогда не будет, в колхозе-то! (смеется, весьма язвительно)." (Поволжье, Тепловка Саратовской области. Воротников)

Главное, чем нынешнему крестьянину нравится единоличный семейный двор, - это относительные самостоятельность и независимость, а также возможность организовать посильную работу, когда более крепкий и умелый хозяин способен делать больше, расширять хозяйство, а слабый ограничивается необходимым и достаточным.

"- Ведь надо как работать: чтобы человек не приказа дождался, а сам шел и все-все делал без понукания... Вот были бы такие люди сейчас! Ей-Богу, они все бы распахали, окультурили, и кустья бы все бульдозером содрали... А так: это не мое, это все казенное... Одно слово - казенщина! А ведь свое бы он еще как стал пахать! Он и борозду бы не по своей земле начал, а по чужой прочертил. Хоть полметра, а прирезал бы себе... Вот простой пример: огород... Сегодня он, хозяин-то свойский, - сегодня он тут вот бороздку даст, а на следующий год он шире займет... И ведь не забудет, не прохлопает.

Ему это необходимо! Да и азарт есть... Так он весь проулок и вспашет незаметно: мол, так и было сроду... Вот он и есть хозяин! Он вперед смотрит... А сейчас все уже и уже огороды... И земли уж много брошенной!" (Поволжье, Лох Саратовской области. Казанкин)

Обсуждаются условия ведения собственного семейного хозяйства - технические, организационные, связанные с уровнем и набором специфических крестьянских умений.

"-Я говорю, не дай Господь! Тяжело было! Что женщине, что мужчине. Потому что никакой техники не было, все вручную. Конечно, если бы кто-то дал какой-то кредит, я бы купил косилку, трактор, горючее. Да я бы тогда за один день вспахал бы себе земли, за один бы день посеял, за один бы день убрал... А тогда что?!.. Косить руками. А если приболел, кто будет косить? Тогда своих родных нанимают, просят, иначе хлеб пропал. Семья голодная будет... Трудное дело! У нас, вот, про этих фермеров недавно заговорили. "Фермеры! Фермеры!.." А некоторые наши ребята говорят, молодые: "Да мы и одиночную жизнь-то не знаем! Чего мы будем делать?!" И правда: чего мы будем делать, если не будет совхозов? Чего мы можем делать?.." (Юг, Атамановка Волгоградской области. Карасев).

Но все же при всех сомнениях и непривычности ситуации, когда можно (хотя бы пока гипотетически) выбирать разные возможности хозяйствования на земле, крестьяне открыто и настойчиво говорят о преимуществах семейного двора, работающего прежде всего на себя и пользующегося плодами своей работы.

"- Самое тяжелое было в колхозе - это мешки ворочать. На корове - тоже тяжело. Жара, мухи... А как начнут эти самые шлепни кусать! Она, корова-то, как попреет по кустам. И не удержишь ее. Ой-ой... Вот, если бы одиночно разрешили, тогда это бы еще другое дело! Вот одиночно бы если разрешили... Взяли бы они, дети-то, землю, и также стали бы пахать ее, обрабатывать. Так бы они и насадили арбузов, и дынь, и тыквей - всего бы они насажали. Они сами бы хозяева над своим были. А то вот в колхозе, чаво же, бахчу-то посадят, а мы арбузов не тведем. Развезут по домам, и на трудодни не дадут, и нет ничаво. Конечно, вот, мужчины, у кого мотоциклы, у кого машины, - они ночью поедут, накачают арбузов, привезут и едят. А мы глядим..." (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Самохвалова)

Таким образом, новизна ситуации состоит в том, что заметно трансформировавшийся за 70 лет (с начала 1930-х до конца 1980-х годов) крестьянский двор начинает постепенно, наощупь регенерировать (как в реальных делах, так и, большей частью, в намерениях и размышлениях) свои родовые качества, привычки и знания. Это, на мой взгляд, один из позитивных моментов в эволюции семейного крестьянского хозяйства.

Этот обзор позволяет увидеть общие черты крестьянского семейного двора как субъекта рынка. Следующая задача - аналитически "сжать" материалы первичного анализа и попытаться выстроить основную линию эволюции крестьянского двора как рыночной структуры. После этого можно переходить к изучению "рыночных перспектив" современного крестьянского двора.

Проследивание разного рода обстоятельств повседневного существования семейных хозяйств наводит на мысль, что крестьянский двор не существовал в течение 60-ти лет как полноправный субъект рынка. Рынок для крестьянского двора - это, прежде всего, объективно существующая инфраструктура эквивалентного обмена продукцией, трудом, умениями. В начале 1930-х годов она была разрушена, и ее место заняли организованные сверху механизмы управления движением экономических ресурсов, - крестьянский двор был крепко "впряжен" в антирыночную систему. И поэтому он во многом потерял возможность свободно развиваться как институция, способная реагировать на спрос и предложение, на региональную рыночную конъюнктуру.

Этим прежде всего и объясняются те негативные моменты в эволюции повседневного существования, которые прослежены мной в прошлогоднем индивиду-

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

альном докладе - падение умелости двора, упрощение его материально-технической оснащенности, перестройка схемы отношений с другими дворами, селом, внешним миром и т.д. Таким образом, из истории двора, каковой она могла бы (и должна) быть, оказался неосмотрительно вычеркнутым примерно двухпоколенный период. А это, с точки зрения нормального наследования традиций и исторической преемственности, почти непоправимая утрата. Однако крестьянский двор постоянно и инстинктивно пытался регенерировать себя как субъект рынка и, что еще более важно, воспроизвести хотя бы фрагменты местной рыночной микросреды. Когда это удавалось, крестьянский двор буквально на глазах оживал и увеличивал производство продукции, и об этом много и с удовольствием рассказывают деревенские старики. "Высокая сопротивляемость трудовых хозяйств и их историческая устойчивость" (характеристика А.Чаянова) проявились в том, что к настоящему времени семейный крестьянский двор подошел, будучи вооруженным опытом борьбы за выживание, - опытом как позитивным, так и негативным, имеющим криминальную окраску.

Рынок и крестьянский двор (возможные перспективы)

Какие же действия предпринимает в настоящее время семейное крестьянское хозяйство (двор), чтобы, пользуясь предоставленными ему возможностями, существующими сегодня в форме разрешения на производство и продажу практически любой продукции, развернуться в качестве полноценного субъекта местного продовольственного рынка?

К сожалению, на этот счет микрорегиональная статистика практически отсутствует: внутрирегиональные потоки товаров и услуг фиксируются только в системе предприятий госторговли. Добиться же данных об объемах товарооборота, касающегося семейной крестьянской экономики, просто невозможно. На этот счет существуют лишь очень приблизительные экспертные оценки. Остается лишь терпеливо накапливать необходимую информацию, постоянно находясь рядом с крестьянами, ведя вместе с ними их ежедневный бюджетный натурально-стоимостной бланк-дневник. Поэтому фактическая информация по данному вопросу будет получена в достаточном объеме лишь к концу исследовательского бюджетного цикла по тем семи регионам России, где ведутся полевые социально-экономические исследования. Я буду говорить здесь преимущественно о южнорусском аграрном регионе, в частности, о Кубани.

Наблюдения сельской повседневности и беседы с крестьянами свидетельствуют о том, что двор как субъект рынка в настоящее время практически незаметен, - если рассматривать его со стороны розничных потребителей, торговых посредников и оптовых покупателей. Систематически не фиксируется "массовых рыночных действий" рядового крестьянского двора. Апрельский (1995 года) бюджетный опрос показал, что типичная крестьянская семья почти ничего не покупает и ничего не продает. Покупки касаются лишь топлива для автомобилей и некоторых промышленных товаров. На питание не тратится практически ни рубля, двор обходится запасами, накопленными с осени, вплоть до выпечки хлеба. Исключение составляют лишь подарки к торжественному случаю и импортное угощение для детей.

Что касается рынка труда, то ситуация здесь сложнее. Крестьянские семейные хозяйства продолжают быть включенными в кооперацию горизонтального типа, - кооперацию, сложившуюся в колхозные десятилетия и прочно привязавшую к себе мелких производителей. Перед лицом колхоза (акционерного общества) как почти единственного рыночного партнера двора крестьянские хозяйства оказываются в

МИР РОССИИ. 1996. N3

положении зависимого и бесправного субъекта. Колхоз (акционерное общество) в обмен за труд кроме мизерной зарплаты выделяет акционерам натуральные продукты (зерно, корма, масло, сахар, молоко и пр.), заставляя платить за эту продукцию наличными, то есть вычитая из зарплаты ее немалую (от 40 до 60 проц.) долю. Причем на пересмотр норм выплат и объемов натуроплаты колхоз идет с неохотой и, если все-таки решается на это, то лишь под сильнейшим давлением общественного мнения, - колхозное начальство, специалисты просто не выдерживают постоянных упреков и жалоб со стороны рядовых работников.

Ожидания идеологов аграрной реформы, связанные с тем, что рыночное поведение крестьянских дворов изменится в связи с наделением работников имущественными паями, что оно приобретет элементы свободы и выбора собственной стратегии и тактики, систематически не оправдываются. Более того, возможности использования крестьянином своего имущественного пая начинают ограничиваться. Приведу пример красноречивой по своей выразительности и циничности инициативы главного экономиста АО "Привольное" (Каневской район Краснодарского края), который одновременно с очередной переоценкой основных хозяйственных фондов предложил на заседании Правления запретить акционерам распоряжаться их паем на срок до 1998 года. Это, конечно, вынужденный, но оправданный организационно-экономический ход, - тяжелое финансовое положение крупных хозяйств заставляет их искать выход из кризиса. Но далеко не случайно, что один рыночный субъект (акционерное общество) пытается решить свои неотложные проблемы за счет другого (работников, акционеров). Причем не путем юридического согласования и обоюдовыгодного принятия этой временной тактики, а принципиально по-иному, - по-отечески уговорив, убедив акционеров, попросив их потерпеть до лучших времен. Однако эта просьба является просьбой лишь по форме. По существу же - это директива, подкрепленная угрозой экономического наказания несговорчивых. В этой ситуации ментальность и обычаи коллективного хозяйства (когда интересы его членов подавлены и подчинены общим целям) разворачиваются во всей их красе. Бывший колхоз действует не столько изобретательно (что и подобает рыночному субъекту), сколько простоудушно и беспардонно. Консерватизм крестьянского двора, его приверженность сложившемуся, имеющему форму неписаного закона порядку вещей буквально эксплуатируется руководящей верхушкой АО. Таким образом, а этом элементарном факте можно усмотреть один из моментов провала реформаторских идеологов: рыночные возможности отнюдь не стали для крестьянства "пусковым механизмом" их хозяйственной активности. Более того, в реальности даже потенциальная их предприимчивость как свободных акционеров-сохозяев заранее ограничивается, подавляется. Я думаю, что эта ситуация - символ современного состояния рыночных отношений на микрорегиональном уровне. В реальной действительности этих отношений практически не существует. Остается старая колхозная община с ее патриархально-директивными порядками.

Из этого очевидно, что перспективы горизонтальной кооперации не сулят крестьянскому двору ни экономических выгод (крупное хозяйство будет постоянно доминировать), ни социальных преимуществ (крестьянин будет продолжать оставаться безгласным исполнителем чужой воли, время от времени выплескивая свои эмоции в актах недовольства, сопротивления или же просто бросая работать и погружаясь в мертвящий сознание и волю алкоголизм). Не исключено, что в перспективе рыночные отношения между крупным хозяйством и работником могут принять новые, более продуктивные формы. Но для этого нужно время, - и не просто хронологический срок, а время социальное, наполненное трудом и открытое для выбора альтернатив.

В.Г.ВИНОГРАДСКИЙ
Российский крестьянский двор

Между тем крестьянское семейное хозяйство постоянно ищет (и находит) способы решения своих рыночных проблем (покупка, сбыт, получение и предоставление услуг) на путях кооперации с другими крестьянскими дворами, как соседскими, так и находящимися за пределами села. Я условно называю этот хозяйственно-экономический и социальный контур "междворовой кооперативной сетью". В пределах данной сети происходит систематический обмен (как правило, натуральный, но иногда и все чаще - денежный) продуктами, услугами, трудом, мастерством. Не имея возможности выйти на свободный рынок со своим товаром, потребностями и нуждами, дворы организуют "невидимые", "эксполярные" рынки продукции и труда. В рамках данных рынков работают прежде всего неформальные, юридически не оформленные связи. Достаточно простой договоренности, чтобы тот или иной обмен произошел.

Мне кажется, что этот механизм органически присущ крестьянским семейным дворам, живущим в тесной связи между собой и с сельской социально-территориальной общностью. Он действует вопреки разобщающему дворами влиянию крупного хозяйства, поскольку противопоставляет уравнительной системе нечто более тонкое и правильное в плане социально-экономических отношений. И если представители крупного хозяйства в ответ на просьбы крестьян о помощи (в форме кредитования, продажи молодняка, выделения строительных материалов и т.д.) начали систематически отказывать, говоря, что это - "ваши проблемы", то отношения внутри "кооперативной сети" совершенно иные. Помощь и взаимопомощь, - в мелких, но достаточных для субъектов масштабах, - систематически осуществляется.

А это, как мне представляется, достаточно надежная социальная база для того, чтобы начать (к сожалению, с большим историческим опозданием) незаметно помогать специализации дворов, что приведет к вертикальной кооперации последних. Я говорю "незаметно" потому, что программа такого рода помощи не может быть универсальной и не учитывающей хозяйственные и социальные традиции сельскохозяйственных регионов и микрорегионов России. Эту стратегию нельзя провозглашать из одного директивного центра, как, скажем, проваливающуюся на глазах программу "деколлективизации России". Выработка стратегии и тактики вертикальной кооперации крестьянских семейных хозяйств - дело прежде всего местных административных органов самоуправления.

Центральные пункты такого рода программы должны касаться организации кооперативных механизмов сбыта, переработки и снабжения, развернутых в сторону крестьянского семейного хозяйства. Одновременно с этим в селе необходимо создавать филиалы банковских структур, которые бы помогли набрать крестьянским дворам необходимую производительную мощность. В этом случае двор как субъект продовольственного рынка и рынка труда приобрел бы определенную независимость от крупного хозяйства и последнему пришлось бы всерьез задуматься о его собственном разделении на производственные системы, включенные в вертикальную кооперацию крестьянских дворов. Я отдаю себе отчет в том, что этот сценарий запоздал на шестьдесят лет. Однако анализ эволюции крестьянского российского двора доказывает, что он до настоящего времени не утратил своих родовых свойств принципиально и стихийно рыночного субъекта. И эти свойства должны быть сознательно поддержаны путем принятия государственной программы, каждый раз видоизменяющейся в зависимости от специфики каждого региона.